

Н.Б. Виноградов

ГОРИЗОНТЫ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

13 путешествий по Южному Зауралью

Министерство культуры Челябинской области
Государственный исторический музей Южного Урала

Н. Б. Виноградов

Горизонты далекого прошлого.
13 путешествий по Южному Зауралью

Челябинск
2020

ББК 63.4(2)
УДК 902(470.55)
В49

Рецензент
д. и. н. *А. Д. Таиров*

Виноградов, Н. Б.
В49 Горизонты далекого прошлого. 13 путешествий по Южному Зауралью /
Н. Б. Виноградов. — Челябинск, 2020. — 280 с.

ISBN 978-5-905081-21-7

Издание знакомит читателей со страницами истории Южного Зауралья. Автор предлагает совершить 13 увлекательных путешествий в историческое прошлое нашего края. Книга написана авторитетным ученым, который обладает редким даром популяризатора науки. Благодаря искусству рассказчика и разнообразию тем книга будет интересна широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-905081-21-7

© Виноградов Н. Б., текст, 2020

© Государственный исторический музей
Южного Урала, 2020

Перед вами необычная книга. Автор — известный ученый, археолог, доктор исторических наук Николай Борисович Виноградов — в течение целого ряда лет успешно сотрудничает с Государственным историческим музеем Южного Урала. За это время фонды музея пополнились коллекциями артефактов с исследованных им археологических памятников. Всесторонняя научная изученность коллекций и уникальность предметов позволяют презентовать их в экспозициях и на выставках музея, представляя древнюю историю нашего края.

Появление новой книги мы рассматриваем как возможность еще раз привлечь внимание южноуральцев к нашим уникальным собраниям и экспозициям.

Популярными книгами по древней и средневековой истории Южного Зауралья, написанными с позиций строгой академической науки, читатели не избалованы. Яркие по содержанию сюжеты книги объединяют любовь автора к родному краю и его стремление передать эту любовь землякам.

Желаю книге благосклонных и благодарных читателей!

*Директор Государственного исторического музея Южного Урала
В. И. Богдановский*

ГОРИЗОНТЫ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

Путь в прошлое так же беспределен, как и путь в будущее.

Академик Б. А. Рыбаков

Моя душа хранит с минувшим связь...

Археологию принято считать либо наукой о давно минувших тысячелетиях, либо сказочным развлечением для детей. А я мечтаю о том времени, когда мы будем в своей жизни руководствоваться утверждением: «История — зеркало, в которое надо чаще всматриваться, чтобы не совершать ошибок предшественников».

С незапамятных времен нас магически притягивает пламя костров, согревавших людей на этой планете на протяжении большей части нашей истории. Кружение воды будит дремавшие веками мысли. Как и движение облаков по необъятному небу (рис. 1–3).

И, может быть, именно в силу принадлежности к археологии я ощущаю чаще и сильнее чувство, которое поэт Тудор Аргези выразил словами:

Моя душа хранит с минувшим связь,
Я вижу прошлое за слоем пыли...
Во мне веков останки опочили,
Меня об этом не спросясь...

В самом деле, в обыденной жизни мы не осознаем, что из глубины тысячелетий и совсем недалеких десятилетий наши усилия сделать жизнь лучше «подпирают» наши предшественники на этой планете. Замечательно об этом написал один из моих коллег — археолог Давид Энтони: «Когда вы смотрите в зеркало, то видите на самом деле не отражение своего лица, а некий коллаж, составленный из лиц ваших родителей, бабушек, прабабушек и прапрабабушек».

Ткань истории человечества действительно связана из радостей и бед многих тысяч поколений людей. Особенность ей придает взаимосвязь звеньев. Человечество не истребило себя в значительной степени благодаря работе потомков над ошибками предшественников.

Вот об историческом опыте, отраженном в многовековой истории крохотной частички нашей необъятной страны — в истории Южного Зауралья, и связанных с ним проблемах пойдет речь в книге, которую вы открыли.

Рис. 1—3. С незапамятных времен нас магически притягивает пламя костров, согревавших нас на протяжении большей части нашей истории. Кружение воды будит мысли, как и движение облаков по необъятному небу

Связь поколений многогранна. Глядя на часы, миллиарды наших современников даже не задумываются о гении жрецов Междуречья Тигра и Евфрата, передавших нам шестидесятеричную систему счета. Протягивая руку и здороваясь, мы демонстрируем приязнь, а не отсутствие в руке оружия, как говорит в одном из своих стихотворений Владимир Высоцкий. И уж конечно в обыденной жизни нас, как правило, мало заботит исторический опыт и древних поколений, и совсем недавних предшественников.

К стыду своему, не так давно я узнал, что для одного из ярких представителей восточного Ренессанса, поэта Омара Хайяма, стихосложение было лишь... хобби. А остался он в памяти веков прежде всего как выдающийся математик. И тем не менее остается только удивляться глубине его проникновения в смысл существования людей:

Глянь на месящих глину гончаров, —
Ни капли смысла в головах глупцов.
Как мнут и бьют они ногами глину...
Опомнитесь! Ведь это прах отцов!

Вершины древней истории Южного Зауралья

С некоторых пор современники озаботились поисками территориальных брендов для создания имиджа региона, привлечения туристов и их денег в местный бюджет.

Не берусь судить о современных брендах Южного Зауралья, но за древность готов сражаться до победы. Полагаю, большинство обитателей наших городов и сел до сих пор не подозревает, как уникальна, сказочно богата и разнообразна местная древняя история.

Южный Урал расположен далековато от Колизея, Парфенона, от пирамид Древнего Египта. Свет этих далеких «звезд» древности наших палестин почти не достигает. Но это вовсе не означает, что нам нечем гордиться в нашей древней истории и нечего предъявить миру... и нашим детям. Очередь «вершин» местной древней истории, соревнующихся за право стать брендом края, впечатляет.

Первыми в этой очереди стоят знаменитые на весь мир пещерные святилища древнего каменного века — Игнatieвская пещера в Катав-Ивановском районе Челябинской области и Капова пещера в соседней Башкирии. В пещерах Капова, Игнatieвская и Серпиевская II на стенах обнаружены изображения животных и условные знаки, выполненные древними шаманами 16–14 тысяч лет назад. Наши палеолитические пещерные святилища — единственные во всей Восточной Европе!

Еще один сюжет, также имеющий отношение к этой проблеме, — ранняя история металлургии Южного Урала. История российской металлургии на Южном Урале, как известно, начинается где-то в середине XVIII века. На Урале в целом — с 1701 года. Эту дату шумно праздновали. Но мало кто из южноуральцев знает о том, что цветной металлургии края как минимум 5000 лет! И если Демидовы отложились в истории Урала благодаря легендам, памятникам и премиям, то безвестные древние горняки, кузнецы, металлурги и литейщики всем эти обделены. В Северном Оренбуржье, у реки Каргалы есть забытое ныне рудное поле величиной до 500 кв. км. На этой площади — 15 000 шахт. Самые древние из них относятся к III тыс. до н. э. Закончилась история этого рудного поля в XVIII веке. Известный археолог и основатель отечественной научной школы изучения древнего металлопроизводства член-корреспондент Российской академии наук Е. Н. Черных считает, что только за вторую половину II тыс. до н. э. на одном Каргалинском рудном поле в Северном Оренбуржье было выплавлено до 260 тысяч тонн меди!

Неслучайно в древней истории Южного Урала с завидным посто-

янством появлялись и на несколько сотен лет расцветали специализировавшиеся на металлопроизводстве общества. Это синташтинские и петровские (раннеалакульские) общины (кланы), оставившие укрепленные поселения рубежа среднего и позднего бронзового века (XXI–XVIII вв. до н. э.), и население иткульской культуры горнолесного Урала раннего железного века (VII–III вв. до н. э.), приуроченные к медным месторождениям и лесным массивам — источникам древесного угля (рис. 4).

С XVIII века на Южном Урале известна целая серия рудников с безусловными следами разработки в древности. Горная работа древних народов Урала была настолько обширна, что русские промышленники XVIII века очень четко ориентировались при поисках рудных месторождений на так называемые чудские копи. Этот исторический опыт известен.

Вместе с обществами древних металлургов возник и целый шлейф сопутствующих верований, связанных с вершинами гор. Горе Ирмель некоторые мои коллеги отводят роль священной горы, соединявшей миры Мировой горы индоиранцев — Хара-Березайти. Верования древних металлургов материализованы и в святилищах

Рис. 4. Озеро Иткуль на севере Челябинской области

Рис. 5. Лысая гора — скала на берегу озера Большой Теренкуль с древним святилищем на вершине

на горных вершинах: на горе Азов у города Полевского; на Лысой горе, что на озере Большой Теренкуль (рис. 5); на островах Аргазинского водохранилища.

Но не только природой и масштабами металлопроизводства славна древняя история Южного Зауралья. Известны и иные «вершины». Например, наши далекие земляки из бронзового века — непосредственные участники военно-технического открытия планетарного значения. Речь идет об изобретении боевой колесницы, запряженной парой специально обученных лошадей с гени-

альным по эффективности снаряжением, с облегченными колесами, снабженными спицами (рис. 6).

Южноуральские колесницы — древнейшие на планете. Только в гробницах бронзового века в нашем крае найдены части не менее 15 колесниц и комплекты снаряжения колесничных коней. Колесницы изменили тактику ведения войн в бронзовом веке и явились мощным инструментом передела мира того времени.

Благословенные наши степи, лесостепи и горы во все времена, насколько можно судить, были местом обитания нескольких народов, так или иначе ладивших друг с другом. Особенно исследователи отмечают уникальный опыт межэтнических взаимодействий в истории Оренбургского казачьего войска, в котором служили Родине представители самых разных народов.

Общаясь с самыми требовательными собеседниками — моими пятиклассниками, я всегда пытался убедить их в, казалось бы, банальной истине: нельзя терять способность удивляться граням «блистающего мира»! Надо всегда ощущать неисчерпаемость по-

знания этого мира, пытаться разглядеть неизвестное в известном. Наши современники, занятые своими бесконечными сиюминутными проблемами, живут и не замечают в окружающем — городах, селах, полях, горах и реках — никаких тайн. Будто все они однажды приняли какое-то лекарство, отучающее удивляться и делающее человека как бы безразличным. Но для думающего человека самое страшное — однажды утром проснуться с ощущением всезнайства, отсутствия стоящих в очередь загадок и тайн.

Рис. 6. Колесница бронзового века (по материалам археологических памятников Южного Зауралья). Художник В. Витлиф

ИСТОРИЯ СТРАНЫ НА КАРТЕ ОБЛАСТИ

Давайте повнимательнее всмотримся в карту области. Какое множество надписей на ней! Названия отдельных гор и горных хребтов, озер и рек, разнообразных человеческих селений — от миллионного Челябинска до домика лесника в горах... (рис. 7).

Представьте: все эти названия однажды взлетели с карты, подобно стае уток с глади озера, и... исчезли из нашей памяти. Нетрудно предположить, что наша жизнь без географических названий была бы чрезвычайно сложна. Невозможно также представить, что географические названия всех времен заполнили карту области одновременно. То есть карта области — не что иное, как... книга о ее истории. Мы можем с уверенностью предположить, что уже первые люди, поселившиеся в южноуральских горах и рядом с ними, как-то называли те места, где жили. До наших дней эти названия не сохранились.

Многие тысячелетия Урал населяли народы, говорившие на праугорских языках — далекие предки нынешних манси и хантов. Современные карты скупы на угорские топонимы. Но иногда, как эхо далеких времен, географические названия, чаще названия рек, живут дольше, чем народы, их создавшие. Или остаются навсегда там, где те народы больше не живут. Близ озера Иткуль на севере нашей области, например, находятся истоки уникальной уральской реки Чусовой (Чусьвы). Уникальной потому, что она пересекает Уральскую горную страну с востока на запад. По долине этой реки многие тысячелетия совершались перемещения людей и переселения народов. Ее название, а также названия еще многих рек нынешней Свердловской области — Сосьвы, Лозьвы и других, — оканчивающиеся на «ва», переводятся учеными из языков народов манси и хантов, которые живут сейчас на Северном Урале и в Приобье, как «вода» или «река». Оказывается, их далекие предки в древности обитали намного южнее: названия рек говорят об этом. Ученые считают, что этими же народами созданы в разные периоды древней истории Урала и около 30 святилищ с рисунками на прибрежных скалах (рис. 8).

В большинстве случаев географические названия в нашем крае даны предками современных тюркоязычных народов: башкир, татар, казахов.

Микротопонимы (местные названия лугов, полей, урочищ, болот...), зачастую не отраженные в официальных документах, свидетельствуют о длительности обживания людьми этих мест. Любопытная микротопонимика известна в Октябрьском районе. Совсем

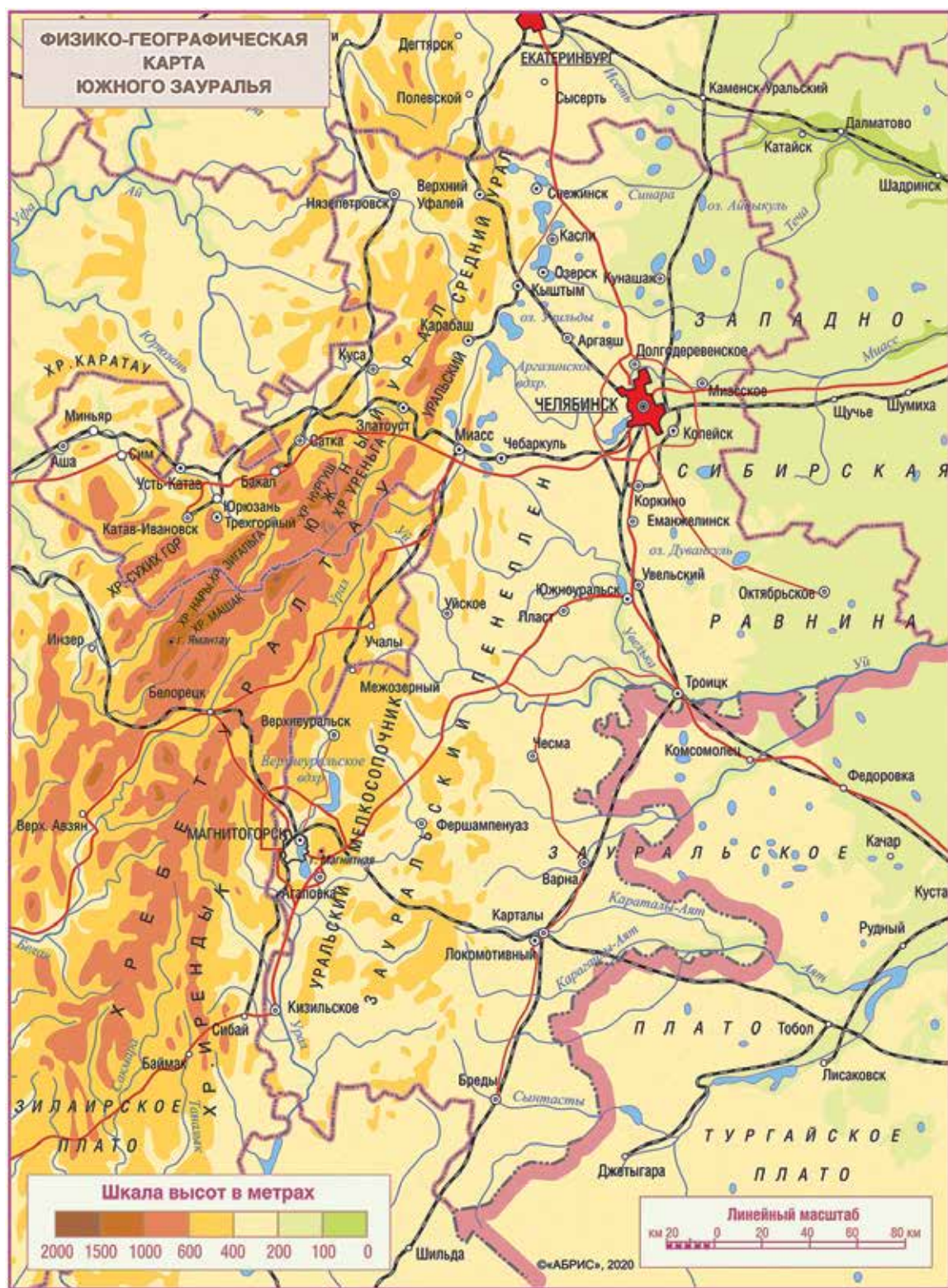

Рис. 7. Физико-географическая карта Южного Зауралья

Рис. 8. Наскальные рисунки на озере Большие Аллаки

недавно там еще существовали села, основанные в XIX веке немецкими переселенцами, а через 50–70 лет их истории названия окрестных лесов и урочищ звучали уже... по-немецки.

В географических названиях непременно отражается жизнь народов, их создавших. Известно, например, что несколько веков назад предки башкир и казахов занимались преимущественно кочевым животноводством. Они передвигались со стадами и семьями с одного сезонного пастбища на другое: летнее — осеннее — зимнее — весеннее.

Подобный образ жизни оставил след на карте. Вот откуда название поселка Каштак, что на окраине Челябинска. Переводится оно с башкирского как «место стоянки». Второе слово в названии поселка Малый Куйбас, что в Агаповском районе, переводится с казахского языка как «овечья высота». На крайнем юге области течет река Бирсуат, название которой по-казахски означает «единственный водопой». Вода для животноводов всегда имела большое значение. Поэтому башкиры и казахи в прошлом всегда подчеркивали ее количество или свойства. Так, название притока реки Уй — Курасан, переводится как «сухая, пересыхающая». А речка Бурсунка (приток Течи) — «река с запахом гнили», потому что вода в ней плоха.

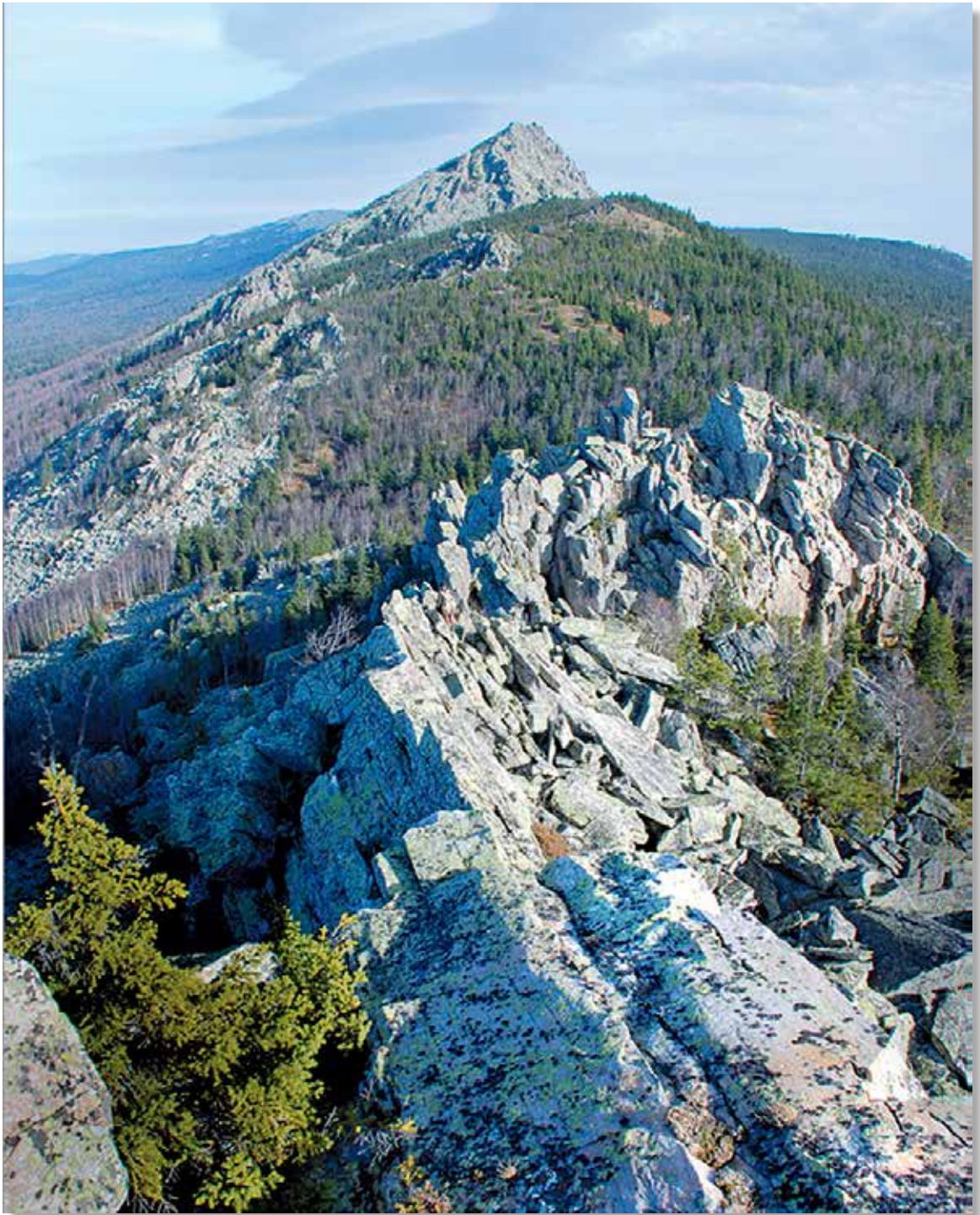

Рис. 9. Вершины Таганая

В башкирских, казахских и татарских названиях отразился не только образ жизни, но и поэтическая душа этих народов. Ну разве не здорово названо: Аргаяш — «солнечный берег», Куяш — «солнце»! А вот гора Ицыл, что у города Златоуста, — «гора вечного ветра». Но, пожалуй, самое известное из подобных названий — Таганай — «подставка для луны». И в самом деле, похожа эта гора на такую подставку (рис. 9)!

Многие озера, горы, реки получили свои названия за какие-то особенности: Узункуль — «длинное (продолговатое) озеро»; Кумкуль — «песчаное озеро» и так далее.

Много башкирских, татарских, казахских названий в нашей области даны по именам людей.

Но для того чтобы получить удовольствие от исследования тайн, которые хранят географические названия, нужно знать языки. Не только английский, но и башкирский, татарский или казахский.

Вот что может произойти, когда люди плохо знают язык. В Челябинской области (и не только) подозрительно много Черных речек. Их десятки в разных уголках области. Иногда разделяют их лишь несколько десятков километров. И ничего черного в этих небольших речушках, почти ручейках, нет: ни в воде, ни на берегах. Почему же они так названы? Некоторые ученые считают, что названия «черная речка», не только в нашей области, — это буквальный, дословный перевод башкирского или татарского словосочетания «ка-расу»: *кара* — «черный», *су* — «вода». Отсюда, мол, «черная вода», или «черная река». Но это неправильный перевод. «Карасу» на башкирском — небольшая речушка или ручеек, истекающие из родника или питающиеся родниковыми водами. Так и получились десятки Черных речек.

С этим же башкирским словом связан и вообще фантастический случай, который как нельзя лучше говорит о том, что может случиться с названием, когда оно переходит к другому народу. Есть в Чебаркульском районе два села — Верхние Караси и Нижние Караси (рис. 10). Но разве могут караси быть верхними или средними? Оказывается, да. Только это никакие не «караси», а все тот же «карасу» — ручей, на котором стоят эти села. Одно — у истока, а второе — около устья. Карасу стало Карасями из желания русских людей сделать башкирское слово понятным...

Чуть более 250 лет назад наш край уже был частью России, ее границей, как и сейчас. Вдоль пограничной реки Уй тогда построили солдаты и казаки небольшие деревянно-земляные крепости, а между ними еще меньшие — редуты, и наблюдательные посты — пи-

кеты для защиты от кочевников. Называли эти крепости и редуты как умели: крепость Степная, редут Подгорный (рис. 11).

В 40-е годы XIX века на карте Оренбургской губернии, а в нее в то время входила почти вся современная Челябинская область, изменилась граница Российской империи с кочевой казахской степью. Если раньше (с 1743

г.) граница проходила по реке Уй, то теперь ее решили спрямить от Николаевки в современном Варненском районе области до Орска современной Оренбургской области. Близ новой границы государства, которую назвали Новой линией, были основаны номерные казачьи станицы и поселки — пограничные военные поселения. Казаки и солдаты не выбирали себе место жизни и службы. По указу правительства «номерные» названия казачьих поселений были заменены на «военные»: Париж, Берлин, Лейпциг, Фершампенуаз, Бородино,

Рис. 10. Дорожный указатель «Верхние Караси»

Рис. 11. Вершины сопок с гранитными останцами в окрестностях села Степного

Наваринское, Чесма, Варна, Рымникский... Все они были даны в честь побед русских войск на суше и на море над различными неприятелями в разные времена, начиная со времени Куликовской битвы (Куликовка в Чесменском районе). Так военная история России навсегда оставила свои следы на карте нашей области (рис. 12, 13).

Ученые определили, что более четырех тысяч лет Уральские горы кормят южноуральцев «с металла», то есть наши далекие земляки очень давно стали заниматься добычей руд, выплавкой металлов, переработкой их в изделия, обменом... Это не могло не оставить след на карте. В северной части Миасской долины есть поселок со странноватым названием Северные Печи — не Крыши, не Ворота,

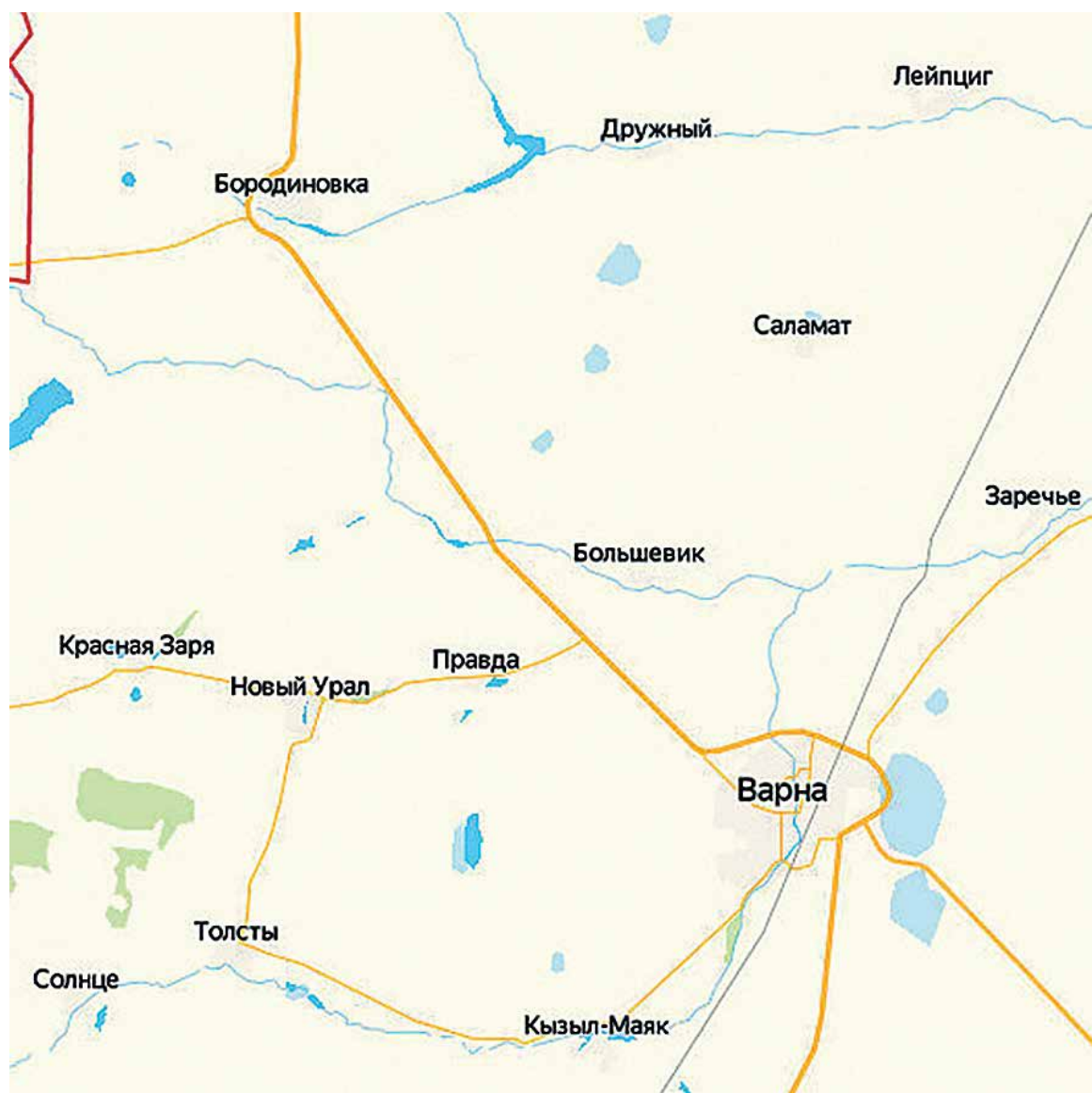

Рис. 12. История страны на карте Челябинской области

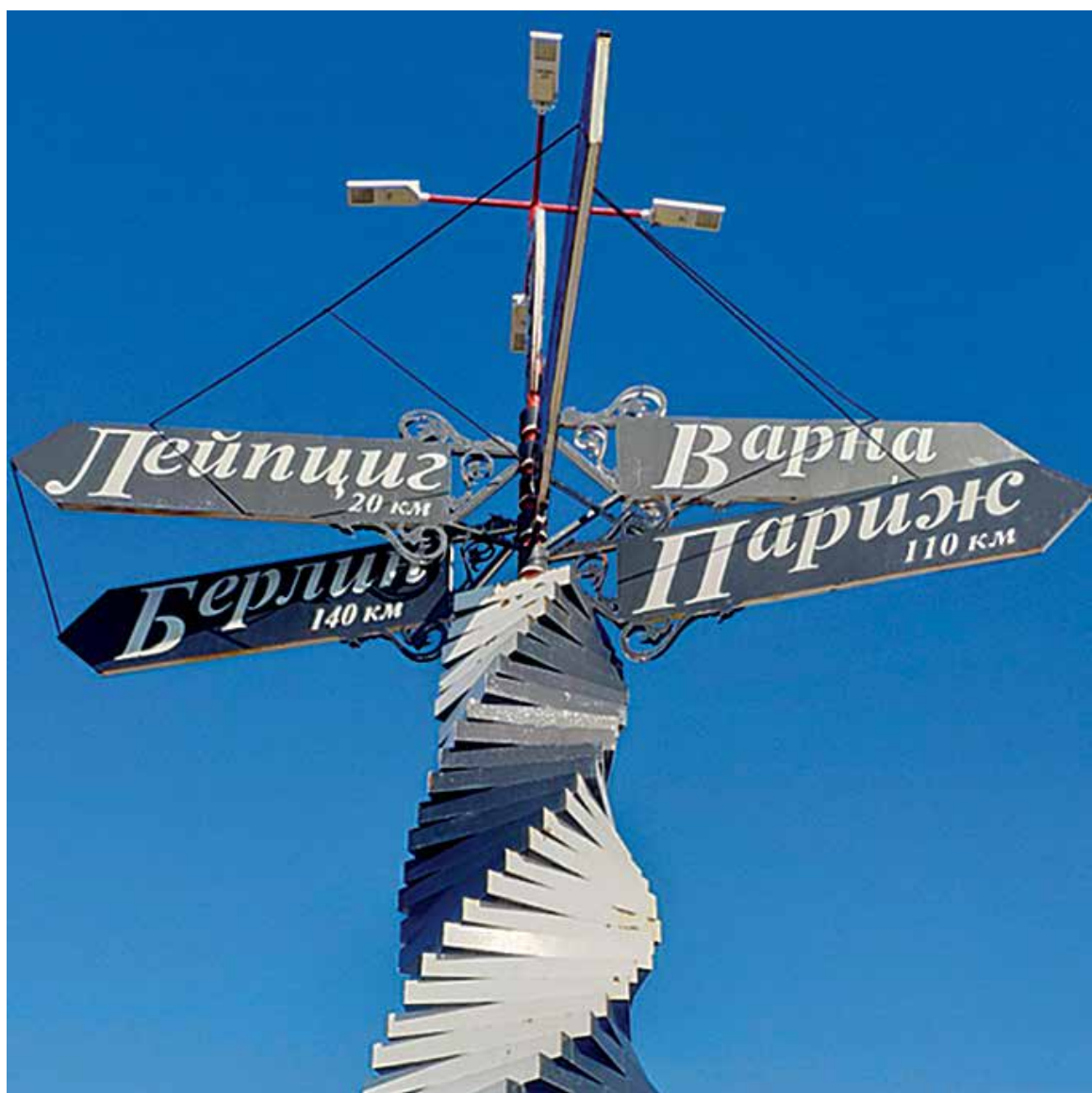

Рис. 13. Памятный знак на окраине села Варна

а именно Печи; в Кусинском районе — Ковалевские Печи; в горах у Златоуста — Киалимские Печи. Подозрительно много Печей! Опять тайна? Она рассеивается, когда мы узнаем, что 200–300 лет назад для плавки металла в больших количествах требовался древесный уголь. Его-то и выжигали в глухих тогда южноуральских лесах углежоги для горных заводов. Южнее Миасса, в сторону Смородинки, в лесу до сих пор дожидаются исследователей снаряженные и по каким-то причинам не доведенные до стадии конечного продукта «кабаны» — печи для выжига древесного угля. Только в окрестностях Миасса стояло больше десятка поселков углежогов.

Металлургическая история Южного Урала дала названия и некоторым горам: Доменной в Ашинском районе, Горновым горам близ Верхнего Уфалея (в них добывали камень, нужный для устройства плавильных печей).

Для работы на горных заводах Южного Урала 200–250 лет назад, как и сейчас, требовалось много рабочих рук. Край же был относительно малолюднен. Проблему тогда решили с помощью переселения на Южный Урал подневольных людей — в основном крестьян из центральных областей России. От этого переселения остались следы в названиях, прежде всего, сел: Серпиевка в Катав-Ивановском районе (рис. 14), Кузнецкое — в Аргаяшском. Это были переселенцы из Калужской и Саратовской губерний. А вот в Златоусте есть или были поселки с такими необычными названиями: Балашиха, Ветлуга, Демидовка, Татарка. В них отразилась целая история переселений из Подмосковья, с берегов Волги и Камы, с заводов, принадлежавших известным уральским промышленникам Демидовым.

Готовый металл в слитках или изделиях тогда отправлялся с южноуральских заводов не только по суше, но и по таким рекам, как

Рис. 14. Село Серпиевка Катав-Ивановского района Челябинской области

Ай, Уфа, на специально построенных больших лодках — барках. Следы этого опасного занятия можно найти не только в легендах о разбитых у береговых утесов реки Уфы барках с демидовским листовым железом, но и в названиях поселков Старая Пристань и Новая Пристань на реке Ай в Саткинском районе.

Многообразна была история нашего края в последние столетия. Неотрывна она от истории всей России! В 1773—1775 годах здесь бушевала Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева. Она породила многочисленные легенды о пугачевских кладах, бочонках с золотом, утопленных в южноуральских озерах, и... географические названия: Пугачевская пещера на озере Тургойк близ Миасса; Пугачевские горки, валы, кладбища в разных местах Южного Урала. Людская молва связала их с именем предводителя восстания, хотя на деле бо́льшая их часть относится совсем к другим временам. Не только с именем Пугачева, но и с именами его соратников связывали южноуральцы названия: например, утесы и пещеры Салавата Юлаева носят имя башкирского воина, соратника Е. Пугачева.

*Рис. 15. Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали.
Художник Ю. Шмелев*

Шли столетия... Вот уже и начало XX века на дворе. В 1904–1905 годах прогремела бесславная война с Японией, которая закончилась горьким поражением России. Она оставила названия целых районов в южноуральских городах: Порт-Артур в Челябинске и Троицке. Сейчас, правда, в Челябинске вторая часть названия исчезла и район в устном обиходе назывался до недавних пор странновато — Порт. Вдовы казаков, погибших на той войне, получали участки земли в определенных местах. И до недавних пор в одном из сел Октябрьского района поля эти так и назывались — Вдовьи пашни.

А в начале XX века многие тысячи крестьян в поисках лучшей доли хлынули за Урал, в Сибирь. Для обеспечения успеха переселения вдоль только что протянутой через всю Сибирь железной дороги (рис. 15) были созданы специальные переселенческие пункты... Сейчас даже маленькие челябинцы знают район у железнодорожного вокзала, который в народе до сих пор называется Переселенкой. Это отзвук событий более чем столетней давности.

И последующие десятилетия истории нашей страны тоже оставили след на карте области. Это город Магнитогорск и село Октябрьское, прииск Ленинск, деревни Пятилетка, Правда, Новый Мир, Новый Урал и многие другие.

Что можно сказать о значении названия «Челябинск»? Филолог Геннадий Андреевич Турбин считал, что названием город обязан... сосновому бору, остатки которого пытаются сохранить от вырубki наши современники. Он пишет, что в документах времени основания Челябинска это место называлось Селяби Карагай, что означает «господский (хозяйский) сосновый лес». Надо отметить, что есть и другие объяснения этому названию.

Так что карта — сокровищница исторических знаний, более объективный их источник, нежели письменные документы, на которые неизбежно ложится отсвет авторских пристрастий.

ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ ЛИШЬ ПРИТАИЛОСЬ... ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ В ЧЕЛЯБИНСКЕ

Вы, как горожане, представляете себе масштабы мегаполиса, в котором мы живем ныне. Но вряд ли вы сведущи, как разнообразные сооружения и объекты мегаполиса за прошедшие почти триста лет до неузнаваемости изменили вмещающий ландшафт. В это трудно поверить, но всего лишь несколько сот лет назад сосновый бор простирался от района нынешнего поселка Сосновка практически до того места, где сейчас Каштакский бор (рис. 16). Мир и люди в нем были тогда совершенно иными во всем: в жилище, одежде и языке. А теперь вернемся в день сегодняшней. Суетная жизнь не оставляет времени для размышлений о временах древних. Кажется, надо пробормотать про себя: «Они прошли, эти времена, и забудьте о них навсегда!»

Но исчезнувшие давным-давно миры никуда не исчезли, а лишь притаились, прячась от невежественных наших современников. Безусловно, часть древних стоянок, поселений и могильников «ушла» под городскую застройку и лишь при новом строительстве зданий на месте старых построек изредка обнаруживаются следы жизни древних предшественников современных челябинцев. Они, древние миры и их обитатели, могут напомнить о себе неожиданно, как это произошло, например, во время строительства на ул. Всевобуча, 20 (рис. 17), или на ул. Пушкина, где были обнаружены глиняные горшки из погребений бронзового века. Древнее прошлое этих мест может обернуться захоронениями древних воинов-кочевников, их оружием, сбруей верховых коней. Список этот можно продолжать долго. На территории современного города известно около 60 памятников древней, «дочелябинской» истории этих мест.

Стоянки и местонахождения каменного века

Археологи установили, что территория, на которой раскинулся сегодня миллионный город, была заселена с каменного века. Именно тогда, примерно около 9000 лет назад, на оконечности мыса правого берега реки Миасс, примерно в километре южнее плотины современного Шершневого водохранилища, на опушке соснового бора поселилась группа охотников-рыболовов (рис. 18). Позднее удобная для жизни площадка рядом с хрустально чистой рекой не раз служила людям: и в меднокаменном (IV–III тыс. до н. э.), и в бронзовом (II — начало I тыс. до н. э.) веках, и, наконец, в средневековую

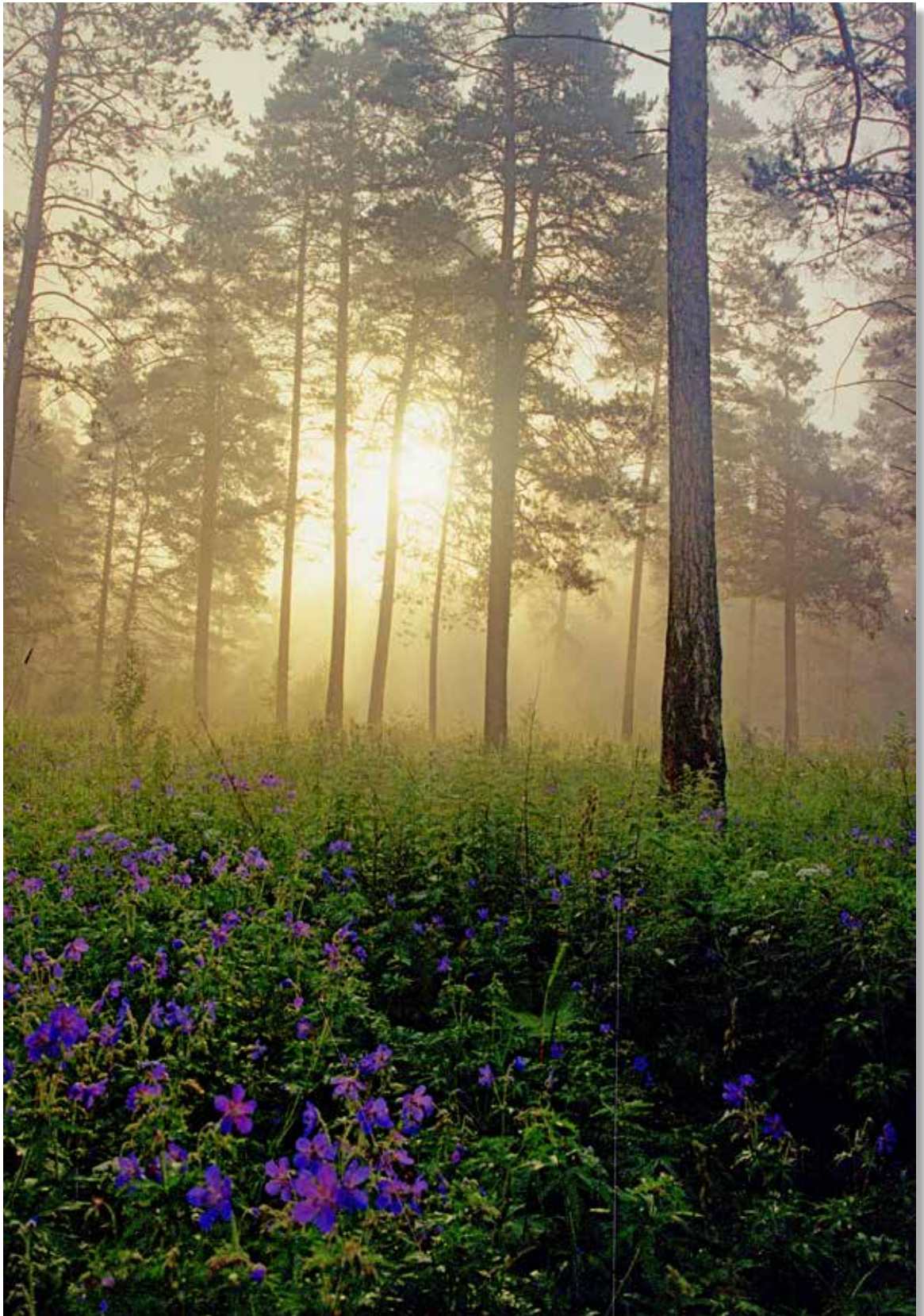

Рис. 16. Сосновый бор утром

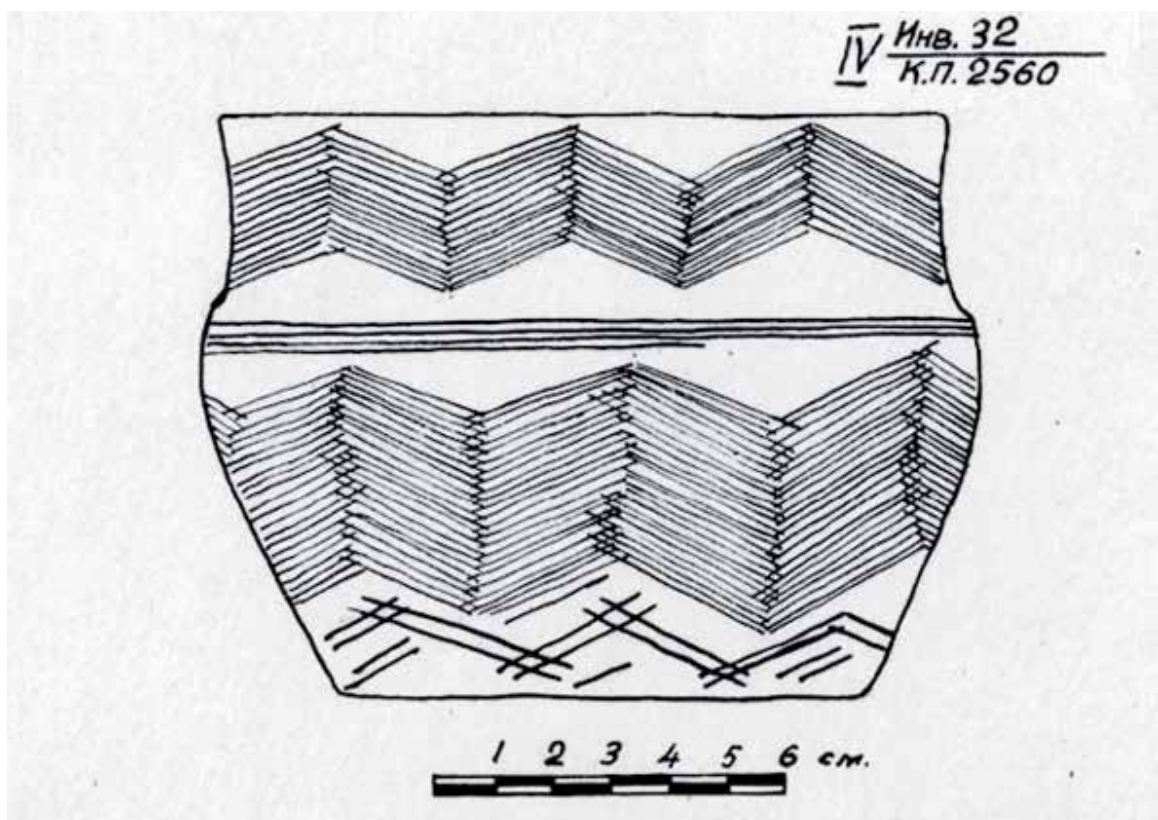

Рис. 17. Сосуд бронзового века — случайная находка при строительных работах в Челябинске на улице Всевобуча, 20

Рис. 18. Студенты-археологи обследуют площадку поселения Шершни I. 1984 год

эпоху. В начале 1950 годов известный ученый-краевед Владимир Павлович Бирюков обследовал берега Миасса в районе Челябинска. Именно он обнаружил и нанес на карту разнообразные археологические памятники бронзового века у небольшой существовавшей тогда деревеньки Черняки. А это поселение по неизвестным причинам не было им обнаружено. Когда в начале 1960-х годов встал вопрос об обследовании ложа будущего Шершневого водохранилища на предмет поиска археологических памятников, археологи, стесненные во времени строителями водохранилища, решили воспользоваться данными археологической разведки В. П. Бирюкова и не проводить дополнительное обследование. И не найденное В. П. Бирюковым древнее поселение... ушло под воду. Всякий раз, когда в засушливые годы уровень воды в водохранилище сильно понижался, обнажалась поверхность древнего мыса, на которую весенние льды и осенние ветра перемещали тысячи обломков — следы жизни древнейших обитателей этих мест. Впервые археологам ЧГПИ об этом поведали геологи, собравшие в засушливом 1974 году на обнажившемся мысе небольшую коллекцию каменных предметов. Юные археологи из челябинского Дворца пионеров и школьников и студенты-археологи из ЧГПИ за несколько лет подняли с поверхности памятника, названного «поселение Шершни I», несколько тысяч переотложенных льдами и водой древних предметов: каменных изделий, фрагментов сосудов различных периодов древней и средневековой истории края (рис. 19–21). Остается лишь огорчаться, что такой первоклассный археологический памятник не был скрупулезно изучен до того, как его затопили наши современники.

Площадки на берегах реки Миасс, протекавшей через обширный сосновый бор, еще не единожды люди каменного века выбирали для жизни. Так, в музее Дворца пионеров и школьников хранится небольшая коллекция каменных изделий неолитического — энеолитического периода, переданных любознательным челябинцем, собравшим все это на берегу пруда «Коммунар» у современного мельзавода.

В засушливом 1925 году уровень воды в озере Смолино резко упал. На обнажившейся прибрежной полосе юго-западного берега местные жители собрали и передали тогдашнему археологу Челябинского областного музея, впоследствии выдающемуся искусствоведу С. Н. Дурылину разнообразные каменные изделия: отщепы, а также ножи, проколки, скребки и т. п. (рис. 22). Примечательно полное отсутствие среди находок фрагментов керамики. Известный уральский археолог Константин Владимирович Сальников датировал Смолинскую стоянку неолитическим временем.

Рис. 19. Поселение Шерини I. Фрагменты керамики (подъемный материал). Неолит — энеолит

Рис. 20. Поселение Шерини I. Древние каменные предметы (подъемный материал)

*Рис. 21. Поселение Шершни I.
Шлифованный топор из серпентинита. Неолит — энеолит*

*Рис. 22. Археолог С. Н. Дурылин обследует берег озера Смолино.
Архив В. С. Стоколоса*

Можно лишь предполагать, что в абсолютном большинстве культурные слои небольших по площади стоянок каменного века в черте города были уничтожены челябинцами в XVIII–XX веках, когда строились новые кварталы домов, прокладывались дороги и разнообразные коммуникации.

Поселения и могильники бронзового века

В прошлом веке археологи открыли по берегам реки Миасс и ближайших к современному Челябинску озер десятки поселений и могильников, культурные слои которых, подобно книгам, поведали специалистам о жизни людей бронзового века (II — начало I тыс. до н. э.). Для этого периода древней истории была обычной оседлая жизнь пастушеских общин в долговременных поселениях.

Родовые общины скотоводов жили в поселках, состоявших из расположенных «улицей» каркасных или срубных, слегка заглубленных в материк построек. В каждом доме жила большая семья из нескольких поколений близких родственников. Пол и стены облицовывались деревом. В кровле устраивались светодымовые окна. Очаги и печи топили «по-черному».

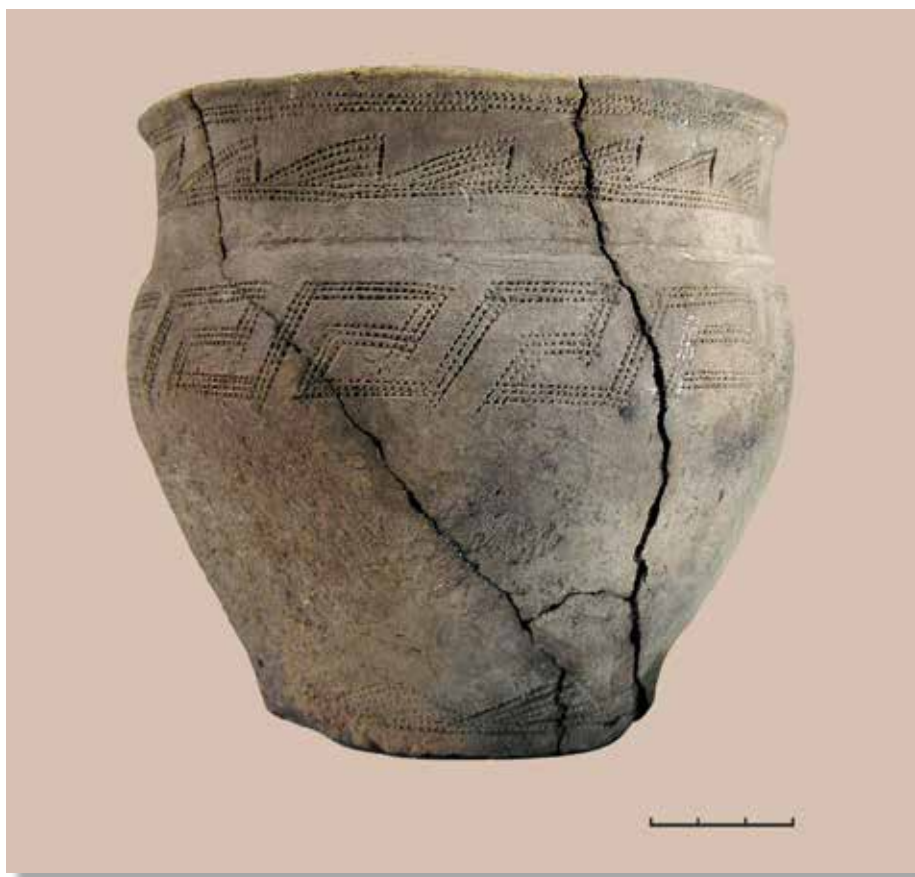
Рис. 23. Археолог Н. К. Минко

щем» — по бытующему у местных жителей топониму. Площадку поселения последовательно обживали различные народы позднего бронзового века.

Энергичную археологическую деятельность по изучению древних могильников развернул в 1906–1911 годах чиновник Челябинского переселенческого ведомства Николай Кириллович Минко (рис. 23), обнаруживший в радиусе 25 верст от границ тогдашнего Челябинска до 800 курганов и раскопавший не менее 100 из них. Результаты археологических исследований Н. К. Минко в 1906 году были опубликованы в «Записках УОЛЕ¹». Часть полученных коллекций Николай Кириллович передал в музей УОЛЕ в Екатеринбурге. Остальное уже после его гибели в 1918 году в Челябинский краеведческий музей передала его вдова (рис. 24, 25). Раскопки Н. К. Минко были первыми археологическими исследованиями с научными целями, произведенными в районе Челябинска.

Хозяйственной основой жизни было пастушеское скотоводство — разведение всех известных и сейчас видов домашних животных, кроме свиньи. Следов занятия земледелием нет.

Распаханное поселение скотоводов бронзового века известно на восточном берегу озера Синеглазово, на возвышенности у одноименного старинного казачьего поселка. Археологи, помимо обломков глиняных сосудов, извлекли из раскопа великолепное бронзовое серповидное оружие. Ученые исследовали также полуразрушенное водами Шершневского водохранилища многослойное поселение у автомобильного переезда через железную дорогу на станции Смолино. Они назвали поселение «Миасским стойбищем» — по бытующему у местных жителей топониму.

*Рис. 24. Сосуд из кургана 4 могильника Сухомесово I
(раскопки Н. К. Минко)*

*Рис. 25. Бусы из древних и средневековых погребений
(раскопки Н. К. Минко)*

Рис. 26. Курган у поселка Смолино в процессе исследования летом 1924 года (раскопки С. Н. Дурылина)

В 1923–1924 годах в Челябинском музее работал этнографом и археологом известный впоследствии искусствовед Сергей Николаевич Дурылин, сосланный в Челябинск по линии ОГПУ. Он получил определенную профессиональную археологическую подготовку в Московском археологическом институте. Это обстоятельство предопределило его специализацию на археологии и этнографии в Челябинском краеведческом музее и обусловило археологические работы по следам исследований Н. К. Минко. За два полевых сезона им были исследованы 24 кургана бронзового века в черте современного Челябинска, в частности на территории поселков Исаково и Сухомесово, обследованы берега озера Смолино (рис. 26). В своих научных статьях он не только обнародовал итоги раскопок, но и пытался «воссоздать целостную картину освоения челябинского края человеком».

Целый микрорайон памятников бронзового века изучен на сравнительно небольшом участке берега Шершневого водохранилища напротив современного поселка Бутаки. В разное время в XX веке их изучали Н. К. Минко и В. С. Стоколос. Основной объем исследований проведен В. С. Стоколосом (рис. 27). Свое название микрорайон древнего расселения получил по наименованию деревни

Черняки, находившейся здесь до строительства водохранилища. Он состоял из трех поселений, двух курганных могильников и нескольких одиночных курганов. Н. К. Минко, открывший могильник в 1908 году, насчитывал здесь не менее 50 курганов, и сам раскопал три насыпи. В 1962–1965 годах В. С. Стоколос изучил 44 кургана в составе могильника Черняки I. Всего было исследовано 157 могильных ям. Для местной археологии тех лет — немыслимые масштабы полевых работ.

В раскопанных погребениях найдено около 200 керамических сосудов, облик которых позволил отнести могильник к памятникам алакульской культуры позднего бронзового века (рис. 28, 29). Металлические вещи (из бронзы, свинца, золота): браслеты и бусы, подвески, шилья, ножи-кинжалы, в том числе и уникальный бронзовый нож, с лезвием, обтянутым золотой фольгой.

В 1962 и 1964 годах В. С. Стоколос раскопал около 20 насыпей курганного могильника Черняки II. Исследовал 36 ям, из которых происходит около 70 сосудов алакульской и федоровской культур позднего бронзового века. Среди металлических вещей из могильника интерес представляет бронзовая височная подвеска, обтянутая золотой фольгой.

В 1964 году во время обследования зоны затопления будущего Шершневого водохранилища В. С. Стоколос обнаружил три полуразрушенных поселения позднего бронзового века (Черняки I, II, III) и изучил то, что от них осталось. Поселения Черняки I и II были определены им как жилые, а Черняки III — как культовое место (святилище).

Большой удачей должна считаться находка, сделанная в 1985 году на южном берегу озера Первое, у современного поселка Тополевка. Юный археолог Роман Котляров (рис. 30) нашел здесь... древний клад. С поверхности распаханного поля он поднял восемь обломков литейных форм, изготовленных из достаточно мягкого хлористого сланца (рис. 31). Из найденных обломков литейных форм четыре предназначались для отливки топоров и массивных косарей, три — для отливки ножей-кинжалов. Формы были повреждены еще в древности и не могли более использоваться. Типы предметов, которые отливались в найденных формах, бытовали на заключительном этапе бронзового века — в конце II — начале I тыс. до н. э. На сегодняшний день этот клад — древнейшее свидетельство развитого металлопроизводства на территории современного областного центра. Я вижу ему почетное место в экспозиции, посвященной истории металлургии и металлообработки нашего края.

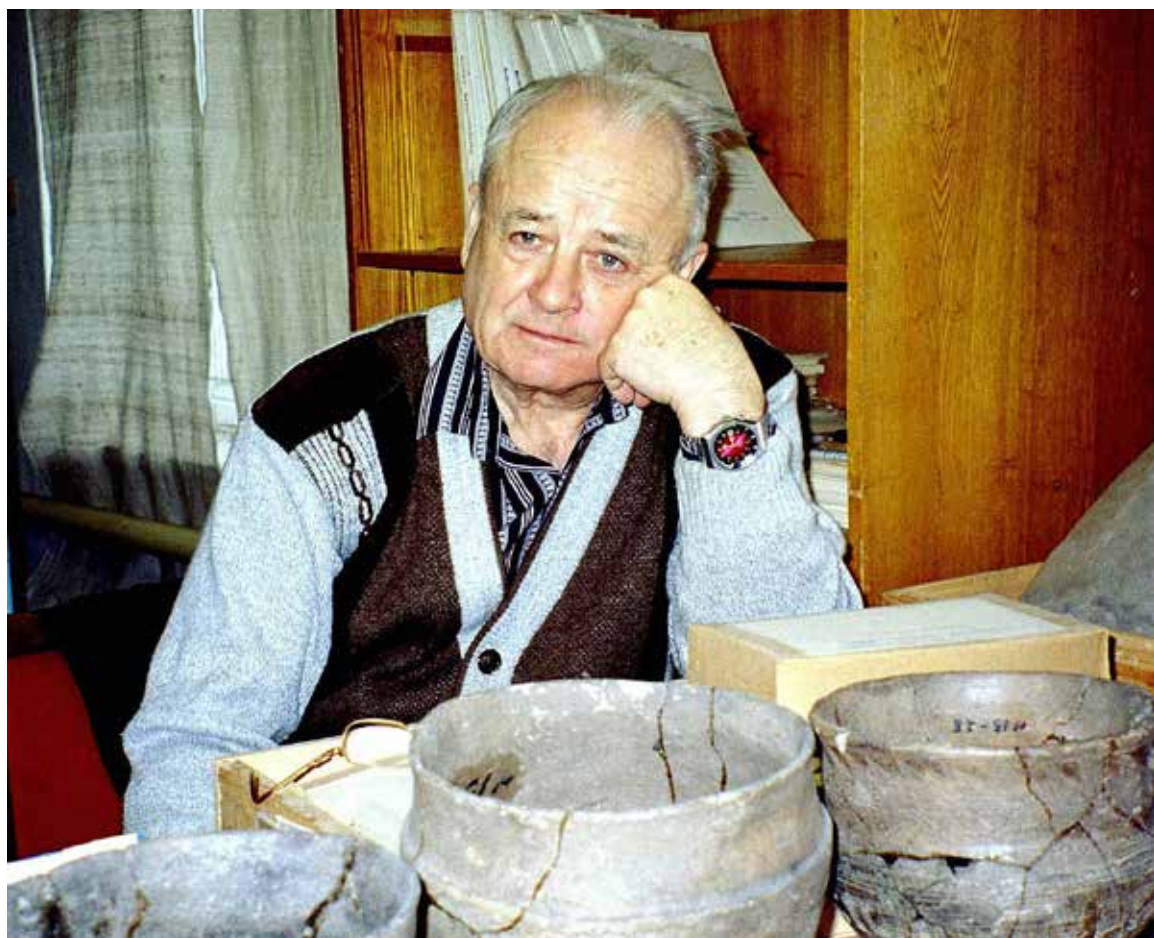

Рис. 27. Археолог В. С. Стоколос за обработкой керамики из раскопок могильников у деревни Черняки

Рис. 28. Могильник Черняки II, курган 2, погребение 4. Сосуд. Раскопки В. С. Стоколоса. 1962 год

Рис. 29. Могильник Черняки II, раскоп IIa, могильная яма 2. Сосуд. Раскопки В. С. Стоколоса. 1962 год

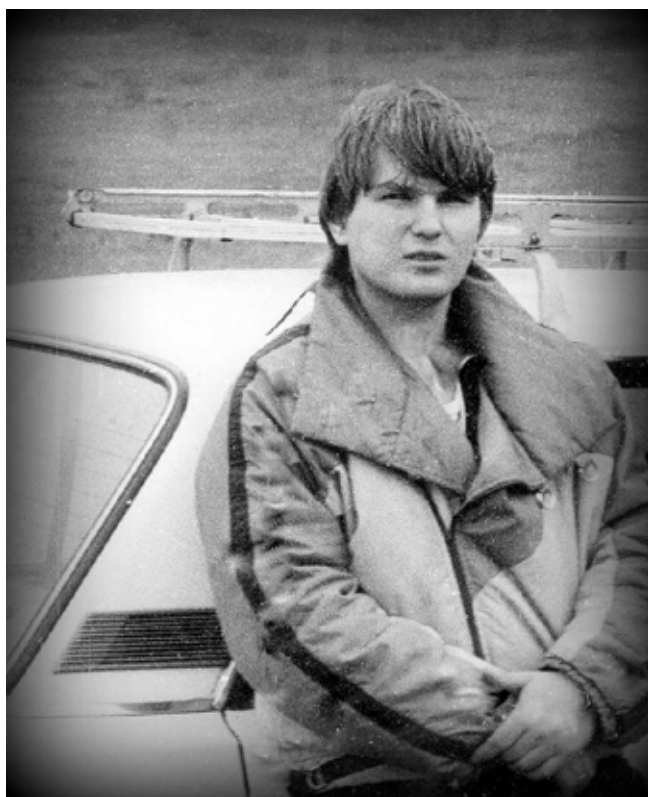

Рис. 30. Роман Котляров — первооткрыватель Тополевского клада на берегу Первого озера

Рис. 31. Тополевский клад. Обломок створки формы для отливки бронзового ножа-кинжала. Хлористый сланец. Бронзовый век

Археолог Е. Н. Черных считает подобные находки ритуальными захоронениями литейных принадлежностей. По его мнению, предметы, связанные с металлообработкой, в древности были сакральными и требовали к себе особого отношения. Проявлением этого, в частности, являлось преднамеренное их захоронение. Занятие металлургией в далеком прошлом считалось волшебством, а инструменты и принадлежности для металлургии и металлообработки — орудиями магического процесса, которые по мере выхода из обращения («смерти») захоранивались и посвящались божествам-покровителям.

Погребения, совершенные людьми алакульской культуры бронзового века, хоронившими тела умерших сородичей в скорченном положении на левом боку, головой на запад или восток, в деревянных погребальных камерах под земляными курганами, обнаружены у не только в могильниках у деревни Черняки, но и на территории поселков Исаково, Сухомесово, по берегам озер Смолино и Синеглазово.

Около середины II тыс. до н. э. в районе Челябинска появились группы скотоводов, практиковавших не захоронение тел умерших (ингумацию), а их сожжение на специальной площадке (кремацию) и захоронение остатков кремации — кальцинированных костей — в деревянных погребальных камерах под земляными курганами. В. С. Стоколос по ряду признаков выделил даже особую федоровскую культуру. Федоровской она названа по названию Федоровского могильника, который был известен еще краеведам XIX века у поселка Федоровка, что до сих пор существует за аэропортом, на берегу реки Миасс. Сто сорок восемь его земляных насыпей сделали этот древний некрополь одним из самых крупных в Южном Зауралье.

В 1936 году К. В. Сальников изучил здесь шесть земляных курганов с остатками конструкций в виде колец из камней. Под пятью насыпями обнаружено лишь по одной могильной яме. Под шестым курганом оказались две ямы. Их стенки укреплялись деревом или камнями. Гробницы имели деревянные перекрытия. Погребения содержали остатки сожженных на стороне тел умерших людей. В могилах найдены глиняные сосуды — как горшки с плавным профилем, «ковровой» геометрической орнаментацией, выполненной по «косой» сетке», так и оригинальные прямоугольные глиняные блюда с ручками-ушками, явно имевшие деревянные прототипы (рис. 32). Кроме керамики в гробницах найдены и кости домашних животных (преимущественно лошадей). В некоторых ямах были захоронены по два человека. Сосуды ставились обычно в западной части ям, прах помещался в восточной части. Исследователи обратили внимание на несоответствие размеров гробниц и захороненных в них продуктов

*Рис. 32. Могильник у деревни Федоровка, курган 39, погребение 1.
Керамическое блюдо. Раскопки К. В. Сальникова. 1936 год*

кремации, погребального инвентаря. Эта загадка до сих пор далека от разрешения, хотя есть предположение, что в некоторых случаях предварительно измельченные кости кремированных людей собирались в некую емкость и зашивались в антропоморфную «куклу» выполненную в рост человека. Именно она и укладывалась на полу погребальной камеры в позе, традиционной для погребения по способу ингумации.

Федоровскому могильнику не повезло. Он был практически полностью уничтожен при разработке песчаного карьера. Шесть курганов, изученных К. В. Сальниковым, — все что удалось спасти для науки. Из оставшихся не раскопанными 142 насыпей сохранились лишь две, но и на них располагаются могилы современного христианского кладбища поселка Федоровка.

Курганы и отдельные погребения раннего железного века

В раннем железном веке (VIII в. до н. э. — II–IV вв. н. э.) в районе современного Челябинска жили представители нескольких древних народов. Одни из них (носители гороховской культуры, V–III вв. до н. э.) предпочитали жить оседло. Основной территорией их обитания была лесостепь на территории современной Курганской области. Позднее они были вытеснены к Уральским горам своими восточными соседями — представителями саргатской культуры, которых, в свою очередь, теснили завоеватели из Центральной Азии, где уже началась эпоха Великого переселения народов. Так или иначе в причелябинском районе гороховцы оставили после себя несколько городищ по берегам реки Миасс.

Одно из них — городище Сокол — находится на высоком берегу у поселка Каштак. Оно полуразрушено. Два других — Большое и Малое Баландинские городища — сохранились лучше. Они находятся на скалистых обрывистых мысах правого берега реки Миасс в нескольких километрах от аэропорта «Игорь Курчатов», в окрестностях поселка Солнечного. На Большом Баландинском городище древние фортификаторы защитили небольшую по площади площадку мыса двумя линиями обороны (рис. 33). Каждая состояла из земляного вала с деревянной стеной по гребню и расположенного перед стеной неглубокого рва. Время пощадило не только линии обороны, но и вход-проезд в городище. Малое Баландинское городище (примерно в 100 метрах от Большого) настолько мало, что могло быть, скорее всего, святилищем обитателей Большого Баландинского городища. Единичные гороховские погребения известны по берегам реки Миасс в составе известных могильников у бывшей деревни Черняки.

Рис. 33. Большое Баландинское городище на реке Миасс у поселка Солнечного

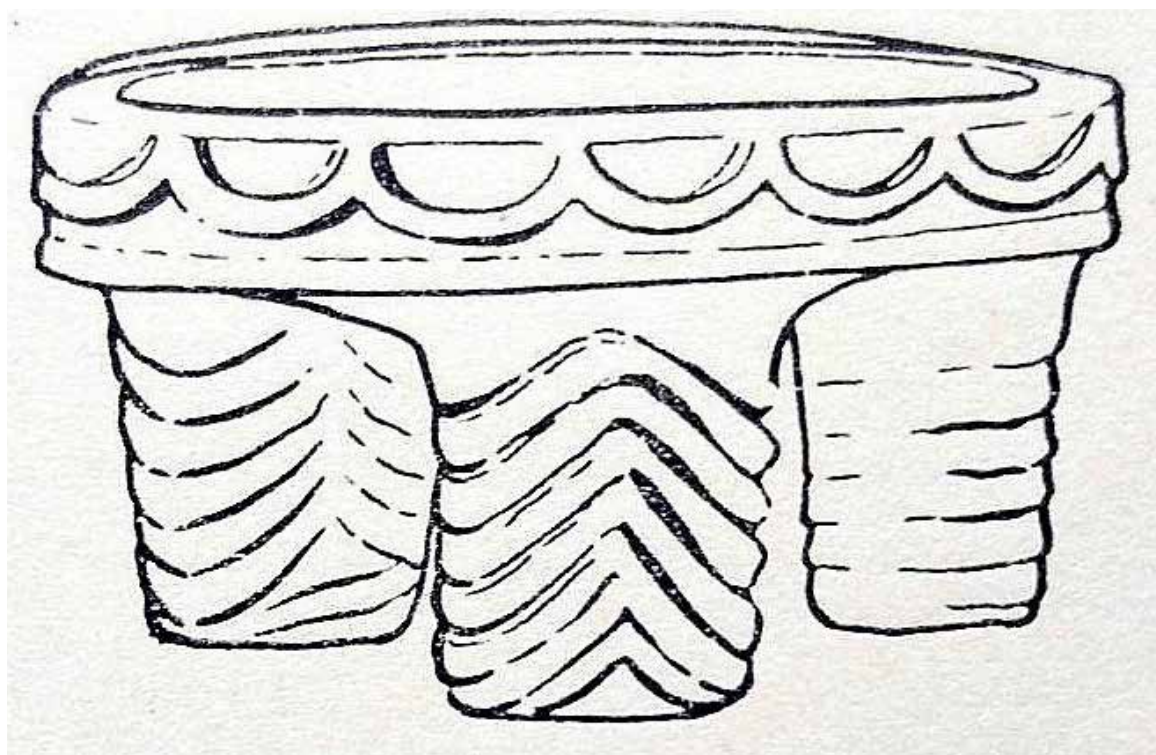

Рис. 34. Каменный жертвенник из погребения под курганом 36 у деревни Черняки (раскопки Н. К. Минко)

В это же время в степях Южного Зауралья жили древнейшие в наших местах кочевые народы — сарматы. На берегу озера Смолино, на территории одного из профтехучилищ, при прокладке траншеи водопровода было разрушено погребение сарматского воина V–IV веков до н. э. В руки ученым попали лишь разрозненные кости человека, элементы узды, железный короткий меч и остатки колчана со стрелами с бронзовыми наконечниками. Еще в начале XX века у деревни Черняки был раскопан курган, содержащий, скорее всего, погребения членов знатной кочевой семьи VI века до н. э. Помимо всего прочего здесь были найдены каменный жертвенник на трех ножках (рис. 34) и бронзовое зеркало. Этим же временем датированы и материалы (жертвенник, бронзовое зеркало) из кургана, исследованного на перешейке между озерами Первое и Второе.

Средневековые могильники и отдельные погребения

В Средние века через предгорья Южного Урала последовательно прошла с востока на запад целая череда кочевых народов. Следы этих народов рассеяны также по берегам реки Миасс и окрестных озер.

Только на озере Синеглазово изучено около полутора десятков курганов, отнесенных к средневековому периоду. Два наиболее интересных из них достались археологам в полуразрушенном состоянии, поскольку были задеты вскрышными работами на соседнем карьере. Одно из погребений было явно женским. Здесь археологов ждали предметы конской упряжи и женские украшения. Во втором, мужском погребении найдены детали сбруи верхового коня, а также серебряная чаша, однолезвийный палаш, серебряный браслет. Пояс погребенного и сбрую коня украшали накладные серебряные бляшки (рис. 35). Но главным было другое: остатки халата, скроенного из иранского коричнево-золотистого шелка с вытканными на нем изображениями тяжеловооруженного бронированного всадника. Синеглазовские погребения и ткань, названная «челябинской», отнесены учеными к концу I тыс. н. э.

XIII–XIV веками датировано погребение воина-кочевника на территории поселка Федоровка, что на реке Миасс, за аэропортом. Под каменной забутовкой, на дне ямы находилось погребение взрослого мужчины, завернутого в войлок, одетого в шелковый халат и перепоясанного тканым поясом, украшенным накладными серебряными бляшками. К поясу были прикреплены две кожаные сумочки. В одной находились принадлежности для добывания огня (кресало и кремень), в другой — деревянный гребень (рис. 36). У правой руки

погребенного лежал железный нож с костяной рукоятью, обтянутой кожей с тисненым орнаментом.

Как вы понимаете, перечисленные выше «свидетели древности» — не все, что открыто и изучено археологами. Всего, повторюсь, на современной территории города и в непосредственной близости от него учтено и в разной степени изучено около 60 памятников древней и средневековой истории. Но и это не все. Пресс антропогенного воздействия на остатки древних времен в районе мегаполиса настолько силен, что порой археологические памятники исчезают, не дав археологам малейшей возможности их изучить.

Городская археология

Еще один источник вдохновения для археологов и пытливых челябинцев — так называемая городская археология, изучающая остатки собственно Челябинска, то есть объектов XVIII — начала XX века. Это и раскопки кладбища челябинских первопоселенцев

Рис. 35. Накладка ремня сбруи верхового коня из средневекового погребения на озере Синеглазово. Раскопки В. С. Стоколова

Рис. 36. Кожаная сумочка с деревянным гребнем на поясе покойного (из погребения XIII–XIV веков у поселка Федоровка)

на площади Ярославского перед оперным театром, и успешные поиски остатков Челябинской крепости — той самой, которую 2 сентября 1736 года заложил полковник А. И. Тевкелев.

Конечно, «Челябинск — не Древний Рим», как крылато заметил экс-губернатор М. В. Юревич, но во всем мире, заботясь о будущем, чтут, изучают и сохраняют свои начала и корни, независимо от их возраста. И пусть челябинским корням не 2700 лет, а в десять раз меньше, от этого ценность этих знаний не уменьшается.

Некоторое время назад я смотрел телепрограмму «Команда времени» на канале «История» о том, как в Великобритании изучаются остатки сооружений первых десятилетий XX века, и думал: «Когда в наших местах руины 1900–1910-х годов будут с таким же восторгом исследовать?» Неужели лет через 200–300? Хотелось бы намного раньше.

МИНЕРАЛЫ В ЖИЗНИ ДРЕВНИХ ЮЖНОУРАЛЬЦЕВ

Своеобразие Южному Уралу придают прежде всего сказочные минеральные и рудные богатства. Изделия из южноуральских яшм были лучшим подарком в домах российской знати и при царском дворе. Колонны из уральского малахита украшают дворцы Петербурга и Москвы. Бериллы, топазы, турмалины, аметисты... Перечень бесконечен. На протяжении сотен тысяч лет эти сокровища верой и правдой служили обитателям Южного Урала. В музеях региона накоплены огромные коллекции уникальных древних каменных орудий, выполненных из различных пород камня.

Впервые с обсуждаемой темой я столкнулся, прочитав маленькую, но изящно написанную книгу Г. Н. Матюшина «Яшмовый пояс Урала». Для меня, тогда начинающего археолога, любование яшмой автором книги — солидным ученым, отдавшим часть жизни изучению каменного века Южного Урала, стало открытием. Теперь я его очень хорошо понимаю.

П. П. Бажов так описывает встречу Данилы-мастера с Хозяйкой Медной горы: «Тут и зашумело что-то, как осыпь земляная. Глядит Данилушка, а стен никаких нет. Деревья стоят высоченные, только не такие, как в наших местах, а каменные. Которые мраморные, которые из змеевика-камня... Ну всякие... Только живые, с сучками,

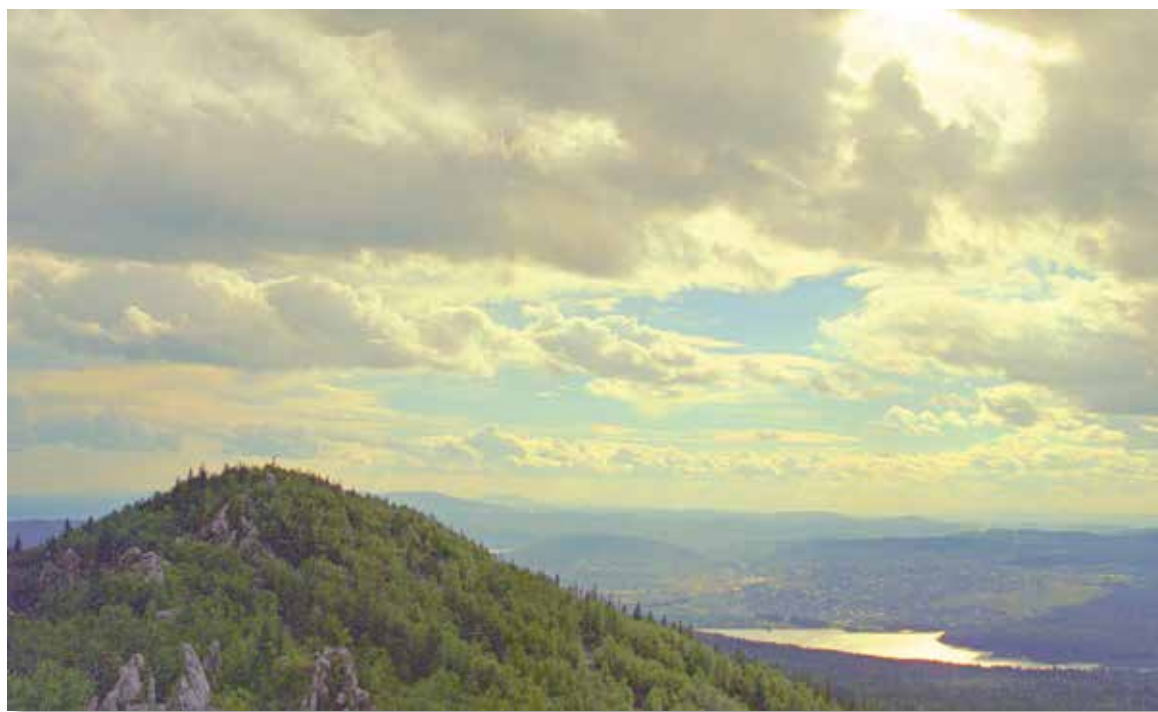

Рис. 37. Горы Южного Урала в окрестностях Златоуста. Фотография В. Дергачева

Рис. 38. Карьер на Андрее-Юльевском прииске в окрестностях Пласта

Рис. 39. Остатки производственной площадки XIX века по измельчению золотосодержащей породы на Андрее-Юльевском прииске

с листочками. От ветру-то покачиваются и голк дают, как галечками кто-то подбрасывает. По низу трава, тоже каменная... Лазоревая, красная... Разная...»

Образ Хозяйки горы, владелицы всего этого каменного благолепия, вряд ли можно считать плодом воображения как П. П. Бажова, так и русских первооткрывателей Урала в целом. Вероятнее всего, этот персонаж был унаследован первопоселенцами от прежних обитателей горнолесного Урала — от манси. Особенно если иметь в виду место, которое занимали вершины гор Урала в картине мира и верованиях древних насельников этих мест.

Неслучайна строчка из стиха Сергея Есенина: «Лицом к лицу — лица не увидать...» Нам, живущим на Урале, кажется совершенно обычным и изобилие разнообразных руд, и многоцветье минералов в недрах наших гор, озера в яшмовых берегах. Судите сами: в Ильменских горах, у подножия которых раскинулся город Миасс, около 300 различных минералов (рис. 37). Примерно столько же — в районе города Пласта, на территории, известной под образным названием «Русская Бразилия» (рис. 38, 39). Поговаривают и о наличии здесь алмазов. «Зеленые глаза Земли» — изумруды Мурзинского месторождения в Свердловской области. Не так давно в новостных лентах прошло сообщение о находке здесь очередного уральского изумруда гигантского размера.

Знаменит на весь мир и, по образному выражению геолога А. Ферсмана, «яшмовый пояс Урала», протянувшийся от Миасса до Орска на 500 км (рис. 40).

И в то же время рядом с нашими местами — на окраине Западно-Сибирской равнины, в Курганском Зауралье — о таком изобилии минеральных богатств даже мечтать не приходится, поскольку здесь палеозойские уральские горные породы, которые изобилуют минералами и полезными ископаемыми, погружены на глубину от 100 до 900 м — под толщу более молодых отложений.

С глубокой древности, практически с начала истории людей на Урале, использование камня для изготовления орудий труда стало обычной практикой. И тогда же южноуральские яшмы начали путешествовать за сотни километров от места добычи. Каменные орудия со стоянки позднего палеолита Зауралья — Шикаевка II в Варгашинском районе Курганской области изготовлены из яшм, перемещенных на 350 км к востоку от гор Урала. Перемещалось каменное сырье и в пределах Уральской горной страны. Так, на раскопанной Г. Н. Матюшиным мезолитической стоянке Долгий Ельник II на озере Зюраткуль в Саткинском районе, подавляющее большинство

Рис. 40. Южноуральские яшмы

каменных орудий из яшмы оказались доставлены из района, где находится современный Магнитогорск. Откуда такая точность в определении района добычи?

Яшмы из конкретных мест не похожи друг на друга и достаточно уверенно определяются в чужом для них контексте. Кроме яшм, кремня южноуральские мастера каменного века использовали для изготовления орудий труда породы с похожими свойствами: халцедон, агат, сердолик и ряд прочих.

Секреты мастеров каменных дел

Каменный век на Южном Урале длился около 300 тысяч лет. Это означает, что у наших земляков было достаточно времени для досконального изучения свойств минералов, из которых изготавливались орудия.

Археологи отмечают: в районах с выходами яшмы на поверхность берега озер местами усыпаны отходами древнего камнеобрабатывающего дела — каменной «стружкой» (отщепами). Особенно это характерно для озер Башкирского Зауралья, что западнее Магнитогорска.

Что такое мастерская каменного века? Порой это достаточно небольшая (примерно метр на метр) площадка, на которой лежит слой из множества каменных отщепов. Иногда — камень, служивший для мастера наковальней, а также сломанные орудия. Ученые находят их как в поселениях, так и за их пределами. Опыт изучения древних народов убедил ученых в том, что экспедиции, отправлявшиеся за каменным сырьем, возвращались не с кусками поделочной породы в кожаных мешках, а уже с заготовками, которые можно было легко превратить в орудия. Первоначальная обработка производилась непосредственно около месторождений.

Можно ли отличить камень, побывавший в руках древнего мастера, от камня, который раскололся сам по себе? Может быть, археологи все путают? Нет, они знают такие признаки, присутствие которых на камне позволяет утверждать: это дело человеческих рук.

Несколько технических идей того времени в деле камнеобработки оказались чрезвычайно эффективными. Одна из них связана с открытием нуклеуса. Латинское слово «нуклеус» по-русски означает «ядро», «ядрище». От нуклеусов древние мастера по особой методике отделяли пластинки — треугольные или с параллельными краями (рис. 41), а уже на этих пластинках изготавливали разнообразные орудия, оформляя рабочие поверхности с помощью краевой ретуши.

Рис. 41. Нуклеус и снятые с него пластины (реплика). Автор И. В. Горащук

Пластины с параллельными краями за сходство с лезвиями ножей называют ножевидными. По ряду соображений древние южноуральцы предпочитали использовать средние части этих пластин. Их параллельные края позволяли изготавливать вкладышевые кинжалы и вкладышевые наконечники копий с так называемыми составными лезвиями. Для этого делалась костяная или деревянная основа. В ее пазы при помощи смолы или специального животного клея закреплялись предварительно подобранные друг к другу пластинки (рис. 42).

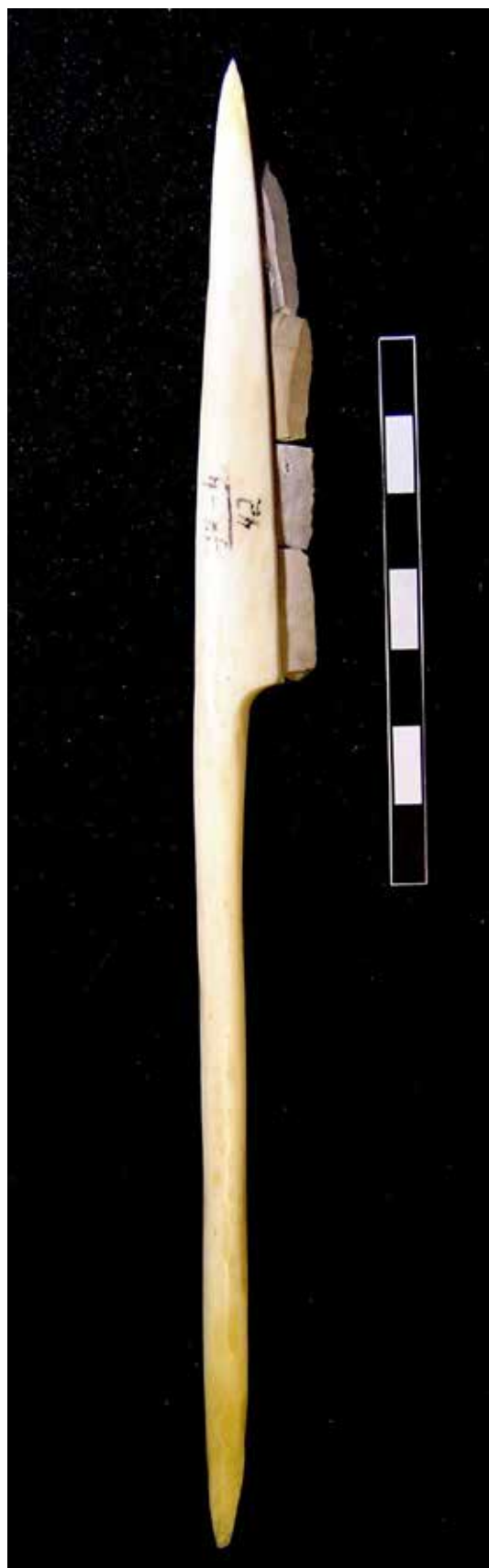
Каменные пластинки были, конечно, не без недостатков. Их нельзя было сгибать. Нельзя было и сильно ударять по ним. Для того чтобы из сколотых с нуклеуса пластинок изготовить различные по назначению орудия, древние мастера должны были соответственно обработать их лезвия, или, как говорят археологи, рабочие поверхности.

Основным способом оформления рабочих краев орудий в каменном веке была вторичная обработка — ретуширование (ретушь бывает не только в фотографии или косметике, есть она и в археологии). Специальным каменным инструментом-ретушером мастер

надавливал или легко ударял по обрабатываемой кромке, делая рабочую поверхность такой, какой он ее задумал (острой или притупленной, прямой или вогнутой). Каменное сверло, поднятое с поверхности разрушенного поселения каменного века на берегу Шершневского водохранилища в Челябинске (рис. 43), убеждает в том, что открытие принципа работы сверла (две противоположные рабочие поверхности, последовательно входящие в дерево, кость, рог или мягкий камень) произошло задолго до того, как появились стальные сверла, — в каменном веке. Рабочие поверхности сверла образованы при помощи все той же ретуши. Для создания резца мастер слегка скалывал часть боковой грани пластинки. Большинство перечисленных орудий зачастую употреблялись с деревянными или костяными рукоятями.

Незаменимым орудием для охотников и рыболовов был скребок. Его рабочий край, предназначенный для очистки шкур животных от мездры, удаления рыбьей чешуи, обработки деревянных или костяных предметов, испытывал большие нагрузки и должен был как можно меньше выкрашиваться (рис. 44).

*Рис. 42. Вкладышевое орудие, оснащенное кремневыми пластинками с параллельными краями (реплика).
Автор И. В. Горащук*

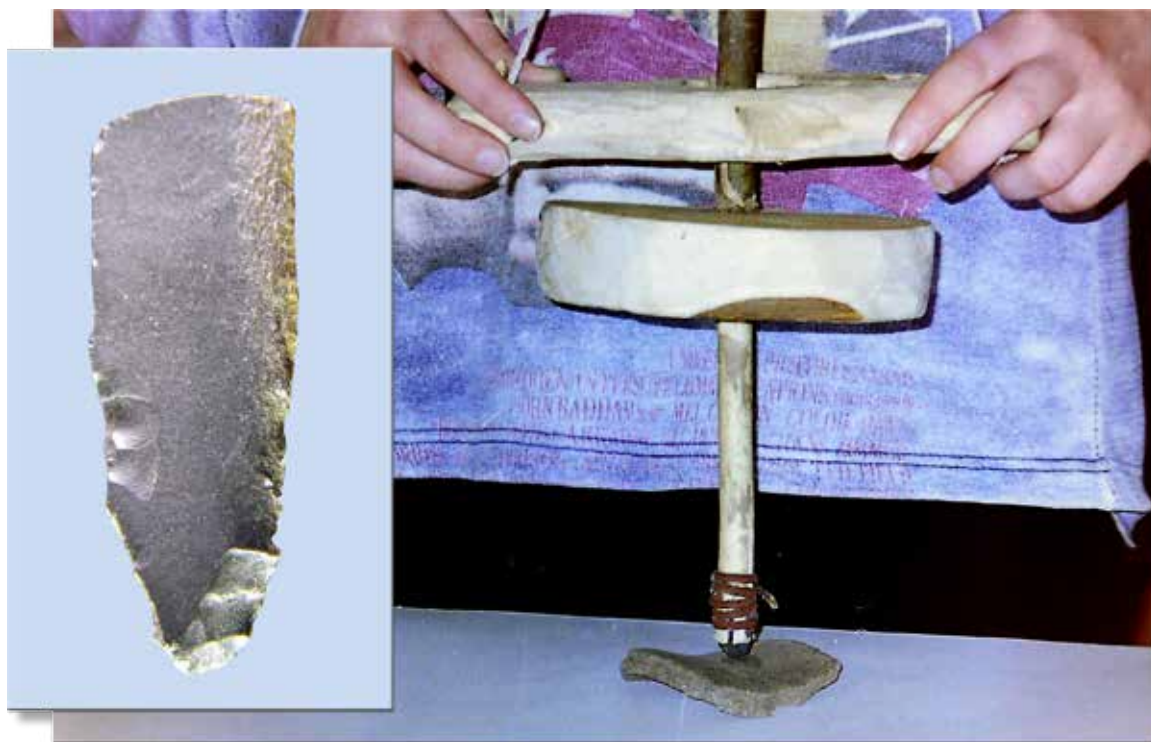

Рис. 43. Сверло на пластине и работа им

Заканчивая рассказ о ретуши, нельзя не упомянуть о каменной ретушированной скульптуре. На плоских отщепках или ножевидных пластинах лесные жители Урала каменного века ретушью создавали образы лесных зверей: лосей, медведей, а также птиц.

Чем ближе было окончание каменного века, тем искуснее становились приемы обработки камня. Ближе к концу каменного века и в начале века металлов южноуральцы отказались от использования орудий, изготовленных из ножевидных пластин, и перешли к технике изготовления каменных орудий на отщепках. Отщеп — это уплощенный кусок поделочной породы. Ретушь наносилась не только по краю орудия — ею с двух сторон покрывалось все орудие, оно как бы «строгалось» ею, делалось той формы и той толщины, какие задумал мастер (рис. 45).

Если внимательно присмотреться к этим орудиям, то можно увидеть, что их поверхности покрыты как бы «струйками быстротекущей воды». Это и есть двусторонняя ретушь.

И в бронзовом веке продолжали бытовать каменные наконечники стрел, выполненные в древней даже для того времени технике двусторонней ретуши. О причинах такого «запаздывания во времени» среди археологов есть разные суждения. Согласно одному из них,

Рис. 44. Оформленная ретушью рабочая поверхность концевого скребка на пластине

Рис. 45. Каменные наконечники стрел. Двусторонняя ретушь. Укрепленное поселение Устье I. Бронзовый век

нарочито приостренные наконечники при столкновении с костями скелета обламывались, и их острые кончики оставались в теле жертвы, вызывая порезы, кровотечения и неизбежную гибель.

Археологи изредка встречаются каменные наконечники вместе с бронзовыми в одном и том же колчане, как, например, при раскопках Синташтинского могильника эпохи бронзы в Брединском районе. Наконечники крепились к древку стрелы с помощью сухожилий животных (рис. 46).

В чем убеждает трасология

Насколько можно верить утверждениям археологов о назначении каменных орудий? Для ответа на этот и многие прочие вопросы отечественный ученый Сергей Аристархович Семенов еще в первой половине XX века разработал метод изучения древних костяных, роговых и каменных предметов. Он назван трасологическим и основан на изучении следов работы различными орудиями или следов на самих орудиях.

По древним образцам Сергей Аристархович с учениками изготавливал каменные орудия. Поскольку они были новыми, никаких следов работы на их рабочих поверхностях еще не имелось. Сделанными орудиями ученые рубили, пилили, жали, сверлили. Затем разглядывали следы работы под микроскопом, фотографировали и сравнивали с древними, «узнавая» их. Исследование следов работы помогает археологам узнать былое назначение каменных орудий.

Зададимся вопросом: насколько эффективными были орудия каменного века? Ученые в разных странах выясняли это опытным путем. По данным Р. Малиновой и Я. Малины, копье с кремневым наконечником пробивало деревянную доску и несколько слоев оленьей кожи. Стрелы с каменными наконечниками — железную кольчугу. Поле площадью 25 кв. м каменными серпами можно было сжать за один час. Кожу барана каменными скребками обрабатывали за пять часов. А почти полуметровой толщины сосну срубали каменным топором за 21 минуту.

Зачем все эти цифры? По ним можно сделать несколько умозаключений. Основной вывод — каменный век не был диким веком. Гениальных людей тогда, видимо, было столько же, сколько и в наши дни. Просто у южноуральцев каменного века было намного меньше возможностей, чем у нас. Но они их использовали гораздо полнее, чем мы — свои.

Рис. 46. Остатки колчана и стрел с каменными и бронзовыми наконечниками. Синташтинский могильник бронзового века

Мы привыкли думать, что поначалу древние уральцы использовали лишь кремень и яшмы для изготовления орудий труда и предметов вооружения.

В действительности орудия труда и предметы вооружения изготавливались из различных пород камня: кремня, яшм и иных, но с похожими свойствами. Какие это свойства? Их три: *твёрдость, способность расслаиваться при ударе или давлении и, наконец, способность при ударе или давлении давать краевой раковистый излом.*

Однако уже в древнем каменном веке, палеолите, уральцы реализовали слоган: «Правило существует для того, чтобы его нарушали». Археологи, изучавшие позднепалеолитическую стоянку Троицкая I, были весьма удивлены, увидев, что из почти двухсот найденных здесь каменных предметов более половины были изготовлены... из горного хрусталя (рис. 47)! А ведь он очень плохо обрабатывается, поскольку не расслаивается так же хорошо при ударе или давлении, как это происходит с яшмой или кремнем. Но древние мастера оказались искусны и упорны в своем желании, изготавливая из горного хрусталя и яшмы резцы для прорезания пазов в деревянных или костяных деталях наконечников стрел, ножей. Затем в эти пазы плотно друг к другу вставлялись каменные пластинки с параллельными краями для создания длинных лезвий. Изучение этих пластинок под микроскопом показало, что ножи предназначались для резки мяса и шкур. Другие орудия оказались скребками для работы по кости и дереву. Чтобы изготовить эти орудия, мастер, очевидно, предварительно готовил кристалл. Может быть, нагревал или долгое время держал в воде?

Горный хрусталь использовался и позднепалеолитическими южноуральцами, обжившими берег озера Большие Аллаки, что в современном Каслинском районе Челябинской области.

Чтобы закончить сюжет с горным хрусталем, перенесемся в бронзовый век. В середину II тыс. до н. э. Именно тогда на площадке у старичного русла реки Урал, в нескольких километрах от современного районного центра Кизильское, в прямой видимости от древнего поселения на берегу реки было совершено погребение старейшины скотоводческого рода. А в 1971 году его раскопал археолог В. С. Стоколос. На археологическом уровне культурная принадлежность погребенного определена как «срубно-алакульская», то есть он принадлежал к группе смешанного населения позднего бронзового века (около середины II тыс. до н. э.), населявшего тогда бассейн реки

Рис. 47. Скребок из горного хрусталя. Стоянка Троицкая I. Поздний палеолит. Раскопки В. Н. Широкова

*Рис. 48. Навершие булавы из горного хрусталя.
Кизильский могильник.
Бронзовый век. Раскопки В. С. Стоколова*

*Рис. 49. Топор из серпентинита. Случайная находка на берегу
Карагайского озера. Неолит — энеолит*

Урал. Среди прочих предметов в составе погребального инвентаря в могиле находилось навершие булавы. Тщательно отполированный сфероид с аккуратно просверленным сквозным цилиндрическим отверстием для крепления навершия в рукояти был изготовлен... из того же горного хрусталя (рис. 48). Сейчас навершие булавы находится в экспозиции Государственного исторического музея Южного Урала.

Начиная с позднего мезолита и по энеолит включительно (VII—III тыс. до н. э.) обитатели Урала успешно изготавливали топоры, тесла, долота (каменные их клинья, закрепленные в деревянных рукоятях) из... мягких пород камня: серпентинитов, разновидностей сланца. Они легко обрабатывались с помощью как орудий из более твердого камня, так и, позднее, металлических орудий, а доводились (шлифовались) на абразивных плитах с подсыпкой влажного песка. Конечно, эффективность подобных орудий достигалась прежде всего благодаря углу заточки, характерному для современных топоров-колунов (рис. 49).

В это же время, в неолите — энеолите (VI—III тыс. до н. э.), среди обитателей горнолесной части Южного Урала распространилась традиция украшать шаманские (?) костюмы десятками каменных подвесок из того же серпентинита и других мягких пород. Известно около десятка погребений, в основном в пещерах или скальных расщелинах, которые археолог Ю. Б. Сериков трактует как могилы шаманов. На территории Челябинской области самым известным из этого ряда является погребение в Бурановской пещере на реке Юрюзань у города Усть-Катава. В Бурановском погребении обнаружено около 40 подвесок из серпентинита. Они каплевидной формы, отшлифованные, со сквозным отверстием в приостренной части (рис. 50).

Из мягких пород камня изготавливались и загадочные «утюжки» неолитического и энеолитического периодов древней истории Урала. Их назначение до сих пор не выяснено. Есть несколько гипотез, и только. «Утюжки» — яркий пример выхода из обихода какого-либо орудия, обеспечивавшего конкретный технологический процесс. И люди накрепко забыли, для чего использовались ранее эти загадочные предметы.

Куски мягкого камня распиливались до необходимого размера каменными абразивными плитками-пилами с подсыпкой влажного песка. Фактически речь идет о протирании распиливаемого камня, поскольку пилы эти зубцов не имели.

*Рис. 50. Подвески из серпентинита. Бурановская пещера.
Неолит — энеолит. Раскопки С. Н. Бибикова*

Новый уровень использования разнообразных пород камня открылся перед южноуральцами в бронзовом веке (III — начало I тыс. до н. э.). В жизни людей появились принципиально новые технологии, что обусловило резкое увеличение номенклатуры использовавшихся пород камня. В первую очередь речь здесь должна идти, конечно, о металлопроизводстве. Цепочка технологических процессов — от добычи и обогащения руды до окончания отделки законченных изделий — практически на всех этапах предполагала использование каменных орудий и каменных принадлежностей. Так, обогащение руды означало освобождение ее от рудовмещающей породы и примесей, измельчение. Оно производилось с помощью массивных плит-рудотерок и пестов для дробления и растирания руды (рис. 51). При выполнении этих рабочих операций в неровностях рабочих поверхностей пестов и рудотерок неизбежно оставались частички медной руды. Их фиксируют современные приборы-анализаторы.

Рис. 51. Пест для дробления и растирания руды и следы работы на его рабочей поверхности. Укрепленное поселение Устье I. Бронзовый век. Раскопки Н. Б. Виноградова

Рис. 52. Абразив и следы работы на его рабочей поверхности. Укрепленное поселение Устье I. Бронзовый век. Раскопки Н. Б. Виноградова

Кроме того, в ходе операции по дроблению и растиранию руды на рабочих поверхностях с нанесенными на них мелкими углублениями — пикетажем, оставались характерные параллельные линейные следы от возвратно-поступательных движений песта.

В коллекциях предметов из раскопок синташтинских и раннеалакульских (петровских) поселений орудия, связанные с металлопроизводством, значительно преобладают над прочими. Кроме рудотерок и пестов для дробления и растирания руды значительное количество каменных орудий было связано с металлообработкой. Это и различного веса молотки (молоточки, молотки и молоты), применявшиеся для различных операций по обработке металла, и абразивы с различным размером зерен, предназначенные для операций по окончательной доводке изделий — от грубой «обдирки» до «доводки» лезвий (рис. 52). Кроме того, существовали и специальные орудия для заточки острий: шильев, игл. Орудия, обслуживавшие металлопроизводство, изготавливались из различных пород камня: песчаников, сланцев, различных видов пород вулканического происхождения (туфов, порфиров и т. д.).

Еще одним направлением использования камня в бронзовом веке Южного Урала, связанным с металлопроизводством, было изготовление литейных форм, в которые затем заливали через специальные отверстия — литники, расплавленный металл. Формы резали металлическими орудиями из мягких пород камня — талька и иных талькосодержащих пород. Свойства этих пород позволяли вырезать в них разнообразные полости, заполнявшиеся затем через литники расплавленным металлом (рис. 53).

Тальк использовали разнообразно. Его могли растирать и добавлять в виде крошки в глиняное тесто для придания будущим сосудам большей огнеупорности. Из талька могли быть изготовлены штампы-орнаменты для нанесения орнамента на сосуды (рис. 54). Тальк (правда очень редко) служил и целям искусства, неотделимого в древние времена от ритуала. Из него создавали скульптуры, на пластинках талька или талькохлорита вырезали различные изображения.

Вот один из примеров. На территории древнего городища на озере Синара у Снежинска нашли плитку талькохлорита (рис. 55). На четырех ее плоскостях пять раз был вырезан один и тот же антропоморфный персонаж. Образ стилизован буквально до знака. Полагаем, для создателей это означало безусловное прочтение его семантики и в таком исполнении. Для четырех из пяти антропоморфных изо-

Рис. 53. Створка формы из талькохлорита для отливки ножа-кинжала. Топлевский клад. Бронзовый век. Находка Р. Котлярова

Рис. 54. Орнаментир для керамики из талька. Поселение Шершни I. Неолит — энеолит. Находка Г. Туфленковой

бражений характерны три составляющих их части: меньший ромб или ромбовидная фигура (знак «головы»), больший ромб или ромбовидная фигура (обозначают ноги и в трех случаях, помимо ног, подчеркнутый знак мужского начала (?)) и соединительная линия или широкий желобок, обозначающий тело. Предварительно этот образ трактуется как изображение шамана в головном уборе, снабженном рогами животных. Похожие образы наблюдаем в наскальных изображениях святилища на озере Большие Аллаки в Каслинском районе. Предположительное время создания — энеолит.

Другой пример иллюстрирует скульптура головы барана на куске талька, обнаруженная в культурном слое укрепленного поселения бронзового века Устье (рис. 56). Предположительно, камень мог использоваться как противовес меха для нагнетания воздуха.

Ткань жизни населения бронзового века в Южном Зауралье оставила следы использования камня и в архитектурных сооружениях. Плитами сланца наши предшественники укрепляли основания обводных оборонительных стен своих поселений (Ольгино, Аландское) уже 4000 лет назад. Уместно вспомнить и гробницы из массивных каменных плит, перекрытые также плитами, под земляными кур-

Рис. 55. Плитка талькохлорита с вырезанными антропоморфными изображениями. Случайная находка на озере Синара. Энеолит

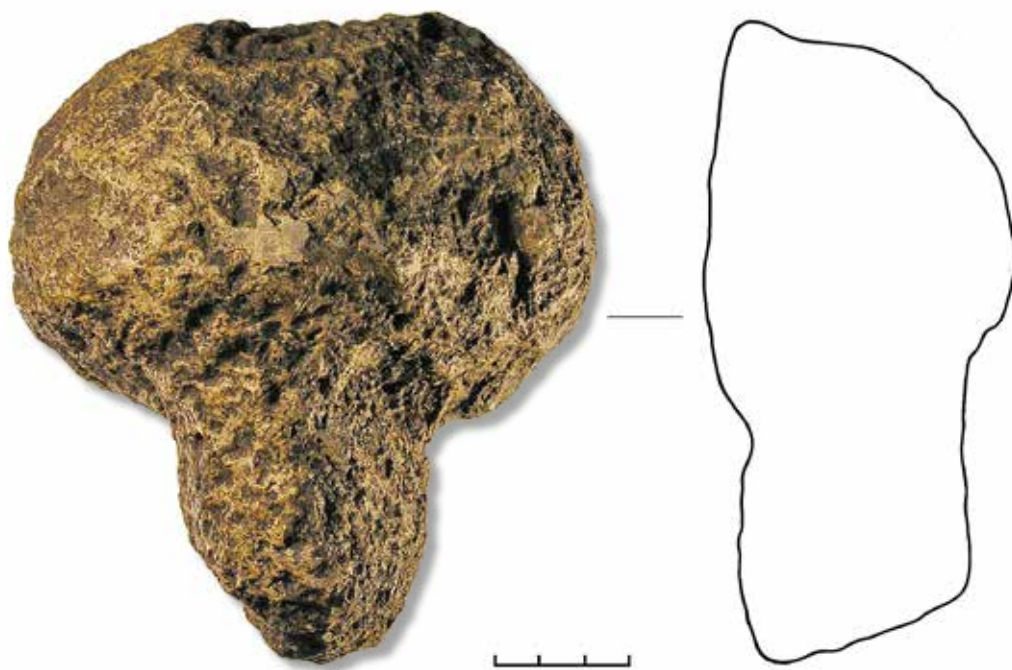

Рис. 56. Противовес из талька для меха. Укрепленное поселение Устье I. Бронзовый век. Раскопки Н. Б. Виноградова

Рис. 57. Погребальные конструкции из гранита. Могильник Путиловская Заимка. Бронзовый век

Рис. 58. Медьсодержащие минералы — малахит и азурит

ганами: например, в могильнике Путиловская Заимка в долине реки Уй в Троицком районе (рис. 57) или в могильнике Звягино в Чебаркульском районе. Материалы, обнаруженные в этих курганах, датированы временем около середины II тыс. до н. э. Вы спросите: почему для сооружения конструкций под курганами люди не использовали дерево? Ведь рядом и тогда находились окраины сосновых боров? Дело, скорее всего, в традициях. Люди, строившие подобные гробницы, переселились сюда из степей

Казахстана, где использование камня как строительного материала в погребальной архитектуре было обычным делом. Не захотели они менять традицию и после переселения на Южный Урал.

Одними из основных источников меди для металлургов бронзового века Южного Урала были медьсодержащие малахит и азурит («медная синь» и «медная зелень») (рис. 58). Кусочки медной руды изредка встречаются и в погребениях как сигнал о степени распространенности металлопроизводства. Конечно, медьсодержащие минералы были вплетены в ткань верований и суеверий того времени. Самый яркий пример подобного рода — крупная малахитовая... бусина с просверленным в ней сквозным отверстием, найденная в одном из погребений знаменитого Синташтинского могильника на юге Челябинской области (рис. 59). Вряд ли назначение этой детали туалета было связано лишь с эстетикой. Скорее, если учесть место малахита в системе металлопроизводства, бусина играла роль своеобразного оберега, амулета и была вплетена в обрядовую практику.

К бронзовому веку относятся и первые достоверно зафиксированные случаи использования такого редкого для наших мест камня, как нефрит. Нефрит — камень необычный. Он существует в нескольких расцветках — от белого до темно-зеленого. Плотный, вязкий, он издревле был окутан покрывалом суеверий и легенд. Поэтому неслучайно в культурном слое укрепленного поселения Устье I

*Рис. 59. Малахитовая бусина.
Синташтинский могильник.
Бронзовый век. Раскопки В. Ф. Генинга*

Рис. 60. Нефритовая заготовка наверху булавы. Укрепленное поселение Устье I. Бронзовый век. Раскопки Н. Б. Виноградова

была встречена заготовка навершия булавы из нефрита (рис. 60). Булава сама по себе в индоиранских верованиях — «палица Индры», наделенная волшебными свойствами.

В свое время археолог О. Н. Бадер сильно удивился, найдя нефритовые кольца при раскопках известного Турбинского могильника в черте современной Перми. До недавнего времени в ходу была гипотеза о существовании в лесной полосе Евразии, от Забайкалья до Поволжья, торгового пути, по которому перемещались разнообразные товары. Почему от Забайкалья? Там находится известное месторождение нефрита. Археологи полагали, что нефритовые предметы преодолели тысячи километров, прежде чем остаться навсегда в могилах в Прикамье.

О месторождениях нефрита на Южном Урале известно немного. Есть небольшие по объему месторождения в окрестностях Миасса и у североказахстанской Джетыгары.

С активизацией в античную эпоху (I тыс. до н. э.) торговых караванных путей как в широтном, так и в меридиональном направлениях на Южный Урал стали поступать разнообразные иноземные каменные изделия, прежде всего украшения. В одном из погребений кочевников-сарматов IV века до н. э., исследованном у села Кичигино под Южноуральском, археологи обнаружили среди прочего бусы из индийского агата и сердолика, изготовленные иранскими мастерами (рис. 61). А в могильниках на территории Пермского края хотя и редко, но встречаются греческие и римские геммы — каменные рельефные вставки в перстни, нагрудные украшения и украшения головных уборов, выполненные из сапфирина (например, в могильнике Мокино).

В первые века нашей эры в степях Евразии широко распространился стиль декоративно-прикладного искусства кочевых народов, который специалисты называли полихромным. Золотые украшения декорировались вставками из гранатов, сердолика, цветной стеклянной пасты.

Течение жизни тогда предполагало различные непреодолимые неожиданности, отражением которых стали клады, а также погребения знатных кочевников с предметами, выполненными в полихромном стиле. На территории Южного Зауралья зафиксирована целая серия подобных находок. Самая известная из них — якобы клад, обнаруженный местным крестьянином в окрестностях озера Тишки. На самом деле это было разрушенное погребение II–V веков, содержащее украшения из низкопробного золота, украшенные пастовыми (стеклянными) вставками и гранатами (?). Археолог Сергей Геннадьевич Боталов раскопал в этих местах средневековый могильник, названный им Граултры.

Рис. 61. Бусы из индийского агата и сердолика, изготовленные в Иране. Могильник Кичигино I. V–IV века до н. э. Раскопки А. Д. Таирова

Рис. 62. Украшение в полихромном стиле (из клада). Золото, сердолик, стекло. Брюхановский выселок. 1885 год

Золотая пластина в полихромном стиле, найденная при неясных обстоятельствах в составе клада у Брюхановского выселка на реке Уксянке (Шадринский район современной Курганской области), также украшена вставками из сердолика и цветного стекла. Хранится в Эрмитаже. Для нас представляет интерес использование при создании этого изделия полудрагоценного сердолика (рис. 62).

Монгольское завоевание в XIII веке одним из частных результатов имело появление на Южном Урале целой серии так называемых поминальных комплексов. Традиция их сооружения началась еще в I тыс. до н. э. на Алтае, в древнетюркской среде. В степях Южного Урала, где в это время размещалась одна из областей Золотой Орды — Улус Шибана, — появились разноплеменные тюркоязычные кочевые племена, перемещенные монголами из различных районов Алтая и Сибири. Они принесли сюда традиции своей родины. Одной из таких традиций было сооружение из гранитных плит святилищ в честь предков. Святилища выглядели как зимние дома кочевников. Нижняя часть — из врытых вертикально четырех больших каменных плит, образующих оградку; верхняя часть достраивалась из дерева. Иногда внутрь оградки помещалось вертикально поставленное дерево, но не в качестве подпорки, а в соответствии с представлениями этих людей об устройстве Мира. В его центре, как они считали, растет «Мировое дерево» — дерево жизни, соединяющее наш мир с расположенным выше верхним миром.

На Алтае и в Южной Сибири у оградки вкапывалось выполненное из камня изображение предка, а чуть поодаль — каменные столбики-коновязи.

С восточной стороны южноуральских святилищ также оказались установлены каменные плиты-стелы. На их восточных сторонах были высечены лица усатых воинов-предков. Что примечательно, лицевой стороной это изваяние или стела с рельефом обращалась на восток — на восход солнца или в сторону оставленной навсегда родины (рис. 63)?

Археолог В. Кубарев попытался представить обряд поминок у подобного святилища. По его словам, родственники-мужчины приезжали на праздничный пир на конях, оставляя их у каменных коновязей. Каменный предок тоже принимал участие в пиршестве: ему мазали каменный рот бараньим салом. По окончании поминального пира родственники уезжали и никогда больше не возвращались. Святилище иногда сжигалось.

Южноуральские святилища средневековых кочевников похожи на алтайские, но не во всем. Нет здесь каменных коновязей. Зато вокруг некоторых оградок археологи нашли остатки деревянных столбов. Мо-

Рис. 63. Гранитная стела поминального комплекса XIII–XIV веков. Урочище Каменный Амбар. Раскопки В. П. Костюкова

жет быть, они служили подпорками для крыши святилища? Но вполне может быть, на этих столбах были развешаны посвященные предку чучела коней. Этот обряд хорошо известен у многих кочевых народов.

На протяжении сотен тысяч лет наши предшественники на Южном Урале достаточно эффективно использовали минеральные сокровища региона. Варианты применения минералов, как мы видели, напрямую зависели от множества факторов: образа жизни людей, ориентированности их хозяйственно-экономического уклада, верований и даже происхождения. О чем мы должны говорить, затрагивая тему отношения людей к минералам? Наверное, о том, что природные кладовые не безграничны. Месторождения, казавшиеся огромными в XVIII – XIX веках, полностью исчерпаны. Неужели малахит останется лишь в музеях, древних бронзовых предметах да... в сказах П. П. Бажова. А жаль.

Путешественники отправлялись в далекие земли не в последнюю очередь потому, что хотели увидеть чудеса. Помните, какие расстояния и трудности преодолел герой известной сказки, прежде чем вернулся издалека домой с драгоценной «живой» водой? Но вот что интересно: древние индийцы искали источник с волшебной «живой» водой в Китае, а древние китайцы — в Индии! Не поступаем ли и мы так же?

ЖИЛИЩА ЛЮДЕЙ — ИСТОРИЯ НАРОДА

У любого древнего или современного народа во все времена существовали писанные или неписанные правила, представления о том, как должен выглядеть отдельный дом и все селение. Так что история, в том числе история нашего края, может быть прочитана не только по книгам, но по облику домов, в которых давно и не очень давно жили наши земляки. Обратимся к самому началу.

Жилища древнейших южноуральцев

Когда около 300 тысяч лет назад первые люди только-только стали обживать наш край, они уже знали, как обустроить свое жильё. Раскапывая одну из древнейших стоянок людей на Южном Урале — Мысовую (на озере Карабалыкты западнее Магнитогорска), археологи пришли к заключению, что наши древнейшие предшественники приспособили под убежище от непогоды скалистую расщелину на берегу озера.

Охотники в позднем палеолите (40—10 тысяч лет назад), когда выслеживали или преследовали свою добычу, коротали ночи и пережидали непогоду в пещерах, недалеко от выхода, или у костров на площадках перед ними. Об этом рассказали находки в пещерах Бурановская, Ключевская у города Усть-Катава, Смеловская II у Магнитогорска (рис. 64).

Уже тогда люди заботились о долговременном жильё. Постройки той далекой эпохи хорошо исследованы учеными в других районах нашей большой страны, например в Подонье. На охотничьих стойбищах этого времени «дом» начинали строить с выкапывания ямы — котлована, над которым в виде шалаша устанавливали длинные кости или бивни мамонтов. Они служили основой жилища, на которую набрасывались шкуры животных. Для того чтобы сильные ветры зимой не сдули кровлю, ее нижний край придавливали камнями или тяжелыми черепами животных. Внутри жилища разжигали костер. Из-за холодного климата деревья в нашем крае тогда росли плохо. Их было очень мало, и люди подбрасывали в костер кости животных.

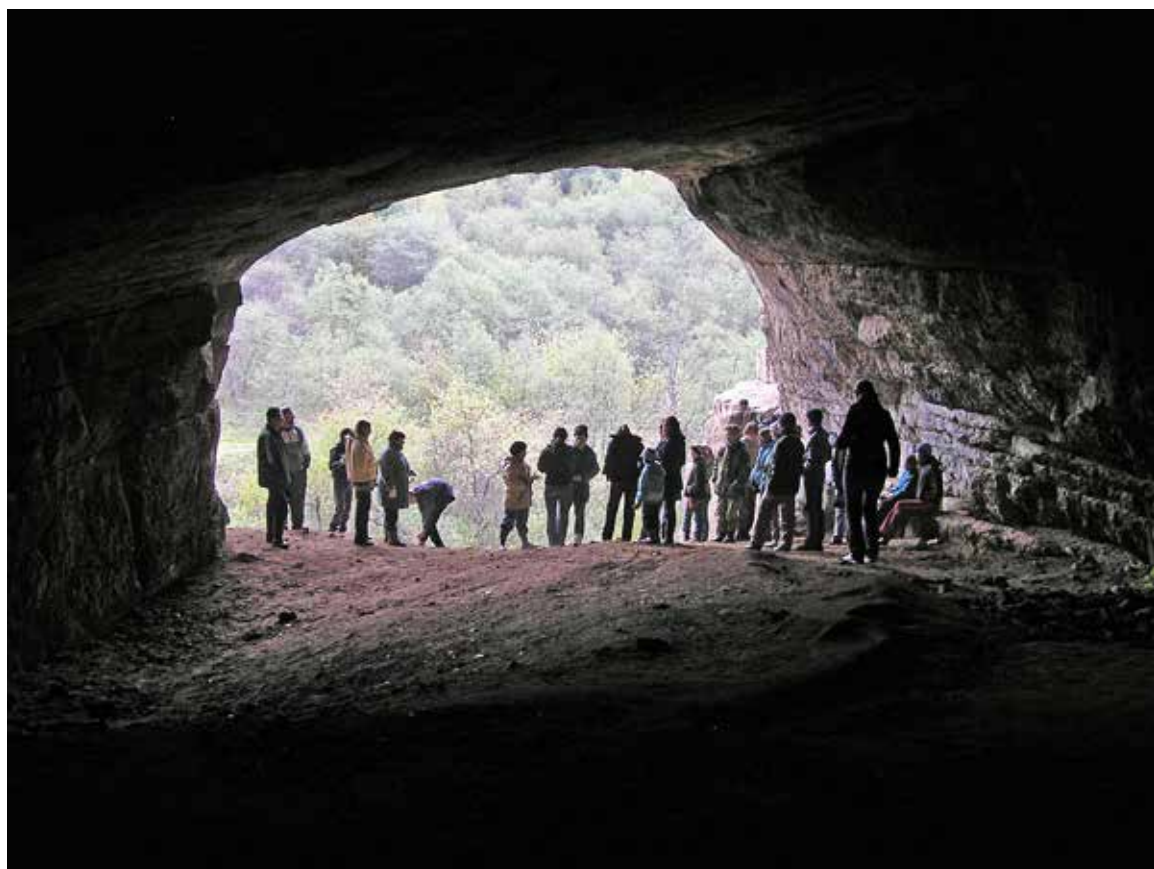

Рис. 64. Входной грот пещеры Ямазы-Таш (Игнatieвская)

...Археологи огорчились, увидев лежавшие вдоль забора тепличного хозяйства пригородного совхоза западнее города Троицка кости ног и обломки лопатки... мамонта. Возможность исследовать древнейшее в нашем крае человеческое жилище была потеряна. Местные жители вырыли на высоком берегу при слиянии рек Санарка и Уй, на площадке зернотока глубокую яму для зерносушилки. В ковше экскаватора то и дело попадались кости диких животных. Их было много. Наконец работы остановили и вызвали ученых из Троицкого ветеринарного института. Те заметили на одной из костей следы работы человека и предположили, что найдено стойбище древних людей. Находку перевезли в институт и передали тем ученым, которых она интересовала не как остатки древнего жилища, а как кости ископаемых животных. Археологи узнали о находке лишь несколько лет спустя. Так что придется ждать следующего случая, чтобы восстановить, как выглядело жилище древнейших обитателей нашего края.

В конце каменного века (10—6 тысяч лет назад) по берегам южноуральских рек и озер появились поселки рыболовов-охотников. По ряду причин ни один из них пока не исследован полностью. Поэтому можно описать только отдельные сооружения того времени. Юго-западнее Магнитогорска на мысе, образованном речкой Янгелькой и озером Сибаркуль, археолог Г. Н. Матюшин исследовал остатки постройки, сооруженной около 10 тысяч лет назад. Камни ограничивали прямоугольную площадку. Как выглядели стены и, тем более, кровля — сказать невозможно. Внутри остатков постройки археологи расчистили несколько очагов и огромное количество каменных орудий. Археолог предположил, что здесь обитали несколько близких родственников, а очаги принадлежали отдельным семьям.

Природа и климат, образ жизни, традиции, связи с другими народами, мода, наконец — вот далеко не полный перечень причин, влиявших на то, как и какими строили свои дома наши далекие и не очень предшественники.

По окончании ледникового периода Урал в основном покрылся лесами. Мужчины тогда большую часть жизни проводили вне поселка: на охоте или на рыбной ловле. По берегам рек и озер Южного Урала можно было видеть сезонные стоянки небольших групп живших здесь рыболовов-охотников. На укрытой от пронизывающих ветров площадке, за скальными грядами, на вдающемся в озеро мысе сооружали они шалаши-чумы (рис. 65). Для этого жерди каркаса слегка вкапывали, ставя шалашом. Затем каркас накрывали шкурами животных или пластами специально выделанной бересты. Вход закрывал полог. В холодное время обитателей жилища согревало тепло костра. Подобный сезонный охотничий или рыбацкий лагерь мог состоять из нескольких островерхих шалашей-чумов.

Чтобы дождь и ветер не загасили костер, с наветренной стороны путешественники во время кратковременных остановок устраивали заслоны из растянутых шкур. Именно такую картину представила себе археолог Л. Я. Крижевская, изучив следы подобных стоянок на берегах озера Большое Миассово у подножия Ильменских гор.

Дома и поселки скотоводов бронзового века

Следующая страница древней истории «в камне и дереве» — бронзовый век (5000—2700 лет назад). Ученые лучше изучили жизнь степных народов Южного Урала, живших в это время. О них и пойдет речь.

Рис. 65. Чум народа манси. 1908 год

Это было время великих скотоводов, искусных ремесленников: металлургов, кузнецов, знатоков гончарства, ткачества.

Пастушеские народы жили родами по степным рекам в добротно отстроенных поселениях на возвышенностях рядом с глубокими, никогда не пересыхавшими речными плесами.

Южноуральские степняки той поры жили большими семьями из нескольких поколений близких родственников, где счет родства велся по отцовской линии.

Лучше изучены остатки домов людей так называемой алакульской культуры (XVIII–XV века до н. э.).

На раннем (петровском) этапе истории часть поселений алакульской культуры, как и в предшествующее синташтинское время, укреплялись обводными стенами и рвами. Археологов заинтриговало то, что алакульцы предпочитали строить свои укрепленные поселения на развалинах синташтинских. Ученые полагают, что не последнюю роль в этом постоянстве играл оставшийся от синташтинского металлопроизводства ореол волшебства, витавший над руинами.

Внутренняя площадка застраивалась вдоль стен практически одинаковыми прямоугольными в плане помещениями, разделявшимися между собой засыпными стенами (рис. 66). Рассмотрим процесс их возведения. В строительстве, видимо, принимали посильное участие все члены семьи. Сначала рыли котлован (рис. 67). Он был прямоугольным, неглубоким (до полуметра от уровня поверхности), но обширным — часто до 200 кв. м. После того как котлован был готов, вдоль его краев вкапывали вертикальные столбы с развилкой на верхних концах. Затем эти столбы соединяли поверху горизонтально положенными бревнами. На этом каркасе крепили выполненные из горизонтальных бревен стены (рис. 68). Ряд наблюдений позволяет предположить, что первоначально стены между подобными помещениями, скорее всего, были... полыми (рис. 69). В ходе эксплуатации помещения полое пространство постепенно заполнялось золой из очагов.

Для того чтобы крыша дома была прочной, в средней части котлована ставили один или несколько рядов вертикальных столбов. Количество сторон у крыши было, вероятно, разным. Она могла быть и покатой плоской, но в ней непременно устраивали отверстие — свето-

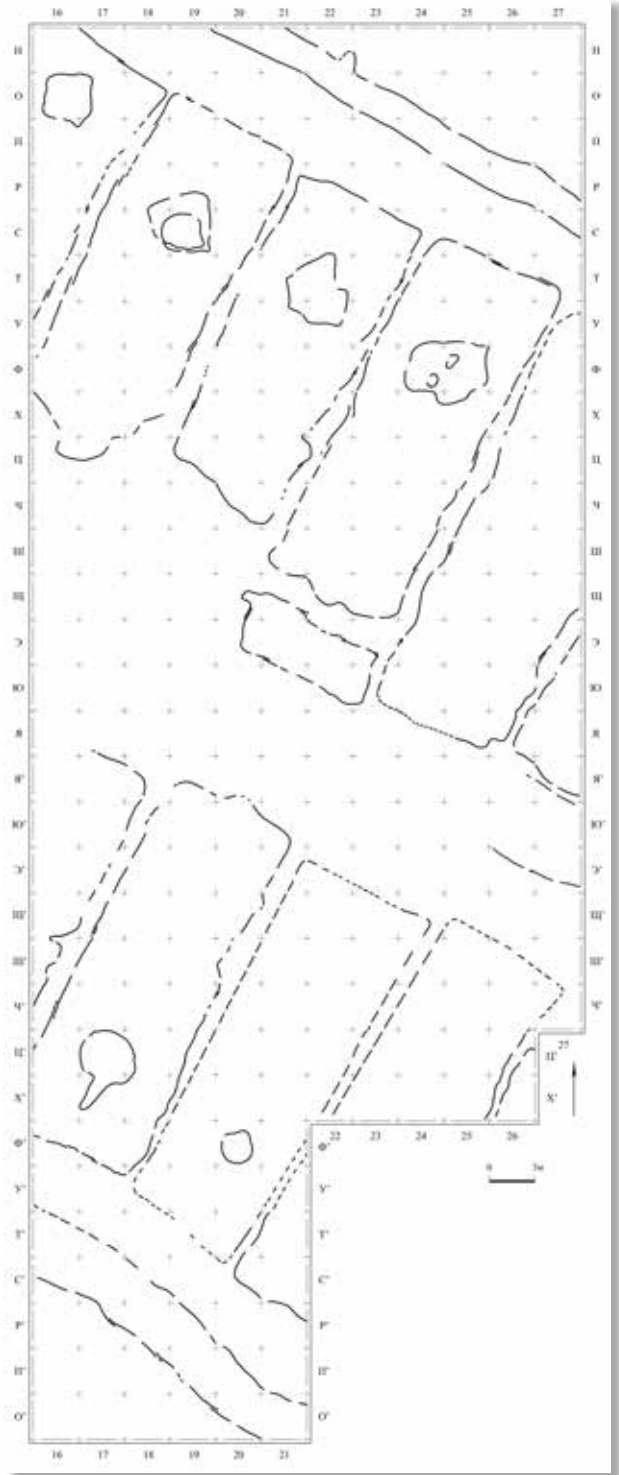

Рис. 66. Планировка пространства внутри обводной стены. Укрепленное поселение Устье I петровского периода его истории. Бронзовый век. Раскопки Н. Б. Виноградова

Рис. 67. Котлованы помещений петровского периода истории укрепленного поселения Устье I разделяли материковые перемычки. 3D-моделирование А. Н. Алексева

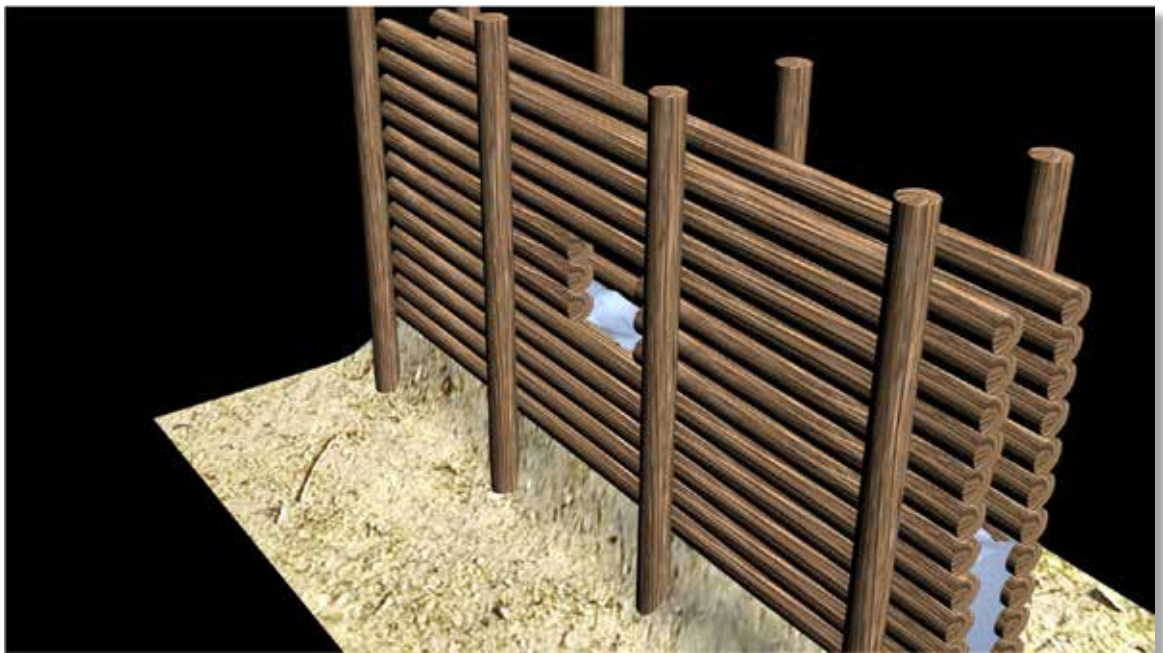

Рис. 68. Конструкция стен между смежными помещениями. Укрепленное поселение Устье I. Бронзовый век. 3D-моделирование А. Н. Алексева

Рис. 69. Пространство между стенами смежных помещений укрепленного поселения Устье I первоначально было полым и постепенно заполнялось золой из очагов. 3D-моделирование А. Н. Алексеева

дымовое окно. Через него в постройку проникал свет, поступал свежий воздух, отводился наружу дым из печей и жаровен. На крышу могли укладывать для утепления и гидроизоляции пласты бересты и золу. Дверь в современном виде вряд ли была. Скорее, можно говорить о плотном пологе или деревянном щите, которым закрывался вход. О потолках и чердаках данных нет, зато можно с уверенностью предположить, что в алакульских домах были деревянные полы. Внутри каждого из больших домов обязательно был колодец, края которого от обрушения предохраняла округлая в плане плетеная из прутьев ивняка облицовка. Сверху колодцы также закрывались. Рядом с колодцами размещались небольшие глинобитные купольные печи. Они использовались не только для бытовых целей, но и для нужд металлопроизводства.

Внутреннее пространство алакульских больших помещений было разделено на отсеки, в каждом из них, вероятно, жила малая семья. Скорее всего, суровыми зимами в домах находился и молодняк домашних животных. Опять-таки ряд наблюдений позволяет предположить наличие мобильных жаровен (рис. 70). Поселения защищали обводные оборонительные стены (рис. 71).

Геометризм и стандартизация архитектурных элементов в синташтинских и алакульских укрепленных поселениях так взволно-

Рис. 70. Мобильные жаровни с заранее нагретыми камнями — возможный вариант отопления отдельных участков внутреннего пространства помещений. 3D-моделирование А. Н. Алексеева

вали ученых, что они выдвинули предположение: древние строители уже пользовались системой мер и весов, а также перед строительством создавали план застройки будущего поселения.

С прекращением возведения укрепленных поселений пресеклась и традиция организации жизни общин в описанных выше массивах помещений вдоль внутреннего края обводных стен. Сами помещения, сведенные в «массивы», позднее, на классическом этапе истории алакульской куль-

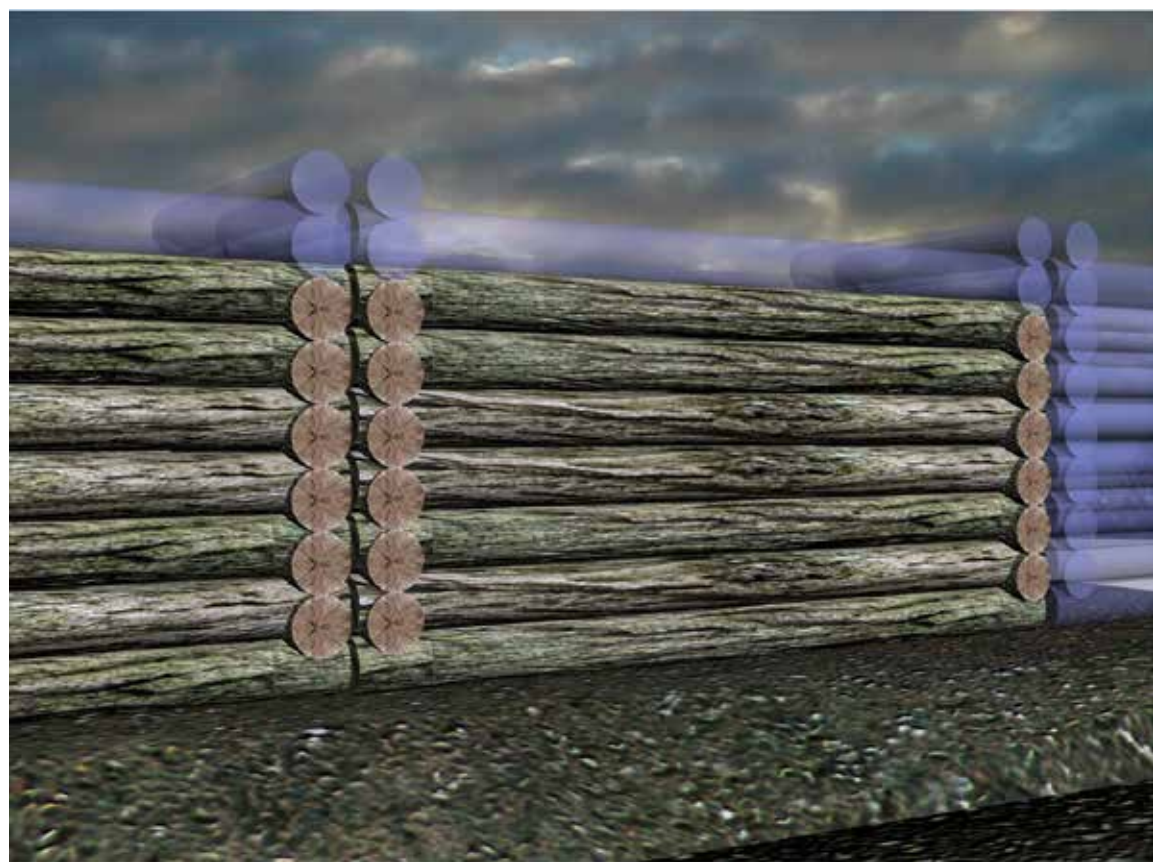

Рис. 71. Вариант реконструкции обводной оборонительной стены укрепленного поселения Устье I петровского периода его истории. 3D-моделирование А. Н. Алексеева

туры, превратились в отдельно стоящие, организованные в «улицу» дома. Но при этом каждый дом сохранял особенности архитектуры и внутренней планировки, которые были присущи помещениям в синташтинских и петровских «массивах» предшествующего времени (рис. 72).

Ближе к концу бронзового века местный климат стал засушливым. Уровень воды в реках значительно понизился по сравнению с предшествующими столетиями. В степях Южного Урала в то время жили потомки алакульцев — племена алексеевской культуры. Подойдем к их поселению поутру. Конные пастухи с собаками уже выгнали стада. Дымы поселка перевиваются с речными туманами. Улица тянется, как и у алакульцев, вдоль реки. Дома поставлены торцами к береговому обрыву. Но как они не похожи на алакульские! Огромные, просторные, почти на всю высоту стен, они «спрятаны» в глубокие котлованы. Стены котлованов облицованы деревом. И пол также деревянный. В отличие от алакульцев, у алексеевцев не было обычая утеплять крышу слоем золы. Скорее, они укладывали

Рис. 72. Черда котлованов построек бронзового века, расположенных «в улицу» вдоль берега реки Черной

на деревянное покрытие крыши пласты бересты, а на них — дерновые блоки-«кирпичи». Крыша была, скорее всего, четырехскатной, но обязательно со светодымовым окном в центре. Под этим окном располагался очаг. Вдоль стен находились лежанки, ниши-углубления для домашней утвари. Выход из подобных домов был обращен к реке. Он выглядел как глубокая... крытая галерея — от берега реки до входа в сам дом. Стенки ее укреплялись деревом, и, возможно, выход также имел крышу. Так что хозяйкам и детям было не очень обременительно бегать с глиняными сосудами за водой.

Так выглядели дома южноуральцев бронзового века. Конечно, им далеко до современных по качеству удобств. Пронизывали их, к примеру, сквозняки. Ученые, специально изучавшие кости людей того времени, считают, что южноуральцы бронзового века часто простужались и болели.

В то время как по рекам у предгорий Урала алексеевские племена конца бронзового века еще строили поселки, похожие на только что описанный, южнее, в степях Казахстана, жившие там народы уже перешли к новому, более целесообразному в ту пору образу жизни — к кочевничеству.

Кочевники изобретают... юрту

В период с 2700 года от наших дней и совсем до недавнего времени (чуть более 250 лет назад) южноуральские степи чередой заселяли разноязычные кочевые народы: саки, сарматы, гунны, угры, различные тюркоязычные племена, череду которых замкнули предки башкир, казахов. Конечно, это были разные народы, каждый со своей культурой и обычаями. Но помимо кочевничества их роднило и многое другое. Прежде всего их жилище — юрта, великое изобретение степных народов. Знаменитый средневековый путешественник Марко Поло писал о жилищах кочевников так: «Дома у них деревянные, и покрывают они их веревками; они круглы; всюду с собой их переносят; переносить их легко, перевязаны они прутьями хорошо и крепко, когда дома расставляют и устанавливают, вход всегда приходится на юг. Телеги у них покрыты черным войлоком, да так хорошо, что хоть бы целый день шел дождь, вода ничего не подмочит в телеге». Можно добавить, что не только в дождь в юрте сухо, но и в мороз тепло, а в жару прохладно. Почему? За счет чудесных свойств природного материала — шерсти, из которой, как говорят, «свалян» войлок.

Рис. 73. Башкирское летнее кочевье в горах Южного Урала. Художник Ю. Шмелев

Юрты различных кочевых народов были конструктивно схожи. На деревянный каркас из гнутых жердей при помощи веревок крепились пласты войлока. Двери были деревянными или заменялись пологом. В центре крыши, над очагом, оставлялось отверстие. По необходимости оно также прикрывалось войлоком. Внутреннее пространство застилалось и завешивалось войлоками или коврами. При сходстве конструкции, тем не менее, есть несколько разных типов юрт. Одни имеют крышу в форме купола, другие — островерхие. Часто даже у одного народа, например у башкир, бытовали различные типы юрт. Но любую из них можно было за час-другой собрать или разобрать (рис. 73). В юрте у большинства кочевых народов левая от входа сторона принадлежала мужской половине семьи, а правая — женской. В центре располагался очаг. Сочетание удивительной простоты возведения с относительной комфортностью сделали юрту одной из вершин культуры кочевых народов.

Однако вопрос о времени появления юрты в обиходе скотоводов до сих пор можно считать открытым. Почему? Самые древние кочевники в степях Южного Урала появились не 2700 лет назад,

как считалось ранее, а 5000 лет назад. Ученым они известны под условным названием «древнеямная культура». На протяжении всего III тыс. до н. э. древнеямные скотоводы жили в степях Оренбуржья. Но они оставили после себя лишь погребальные памятники — древнейшие курганы в этих местах. Древнеямные поселения ученым не известны. По логике вещей, скотоводы и должны быть объявлены первооткрывателями юрты.

Возникновение современных поселений

Чуть более 300 лет назад на северо-востоке современной Челябинской области появились первые поселения русских крестьян — Бродокалмак, Русская Теча и другие.

Так случилось, что раньше русские люди стали заселять территории нынешних Свердловской и Курганской областей. В 1644 году был основан знаменитый Далматов монастырь на реке Исети. Он стал центром русской колонизации Зауралья.

Около 250 лет назад стала обустраиваться граница России с казахскими племенами. По реке Уй, которая являлась естественным рубежом, была выстроена линия крепостей. Многие их названия хранят память о той далекой поре. Вот, например, село Степное — 260 лет назад это была крепость Степная. А вот село Подгорное. Тогда здесь был один из редутов (вид маленького укрепления между крепостями).

Вот что писал об этом историк П. А. Словцов: «В Указе 20 августа 1739 года насчет линий по рекам Ую и Тоболу повелено строить крепостцы и их населять. В случае дальнего расстояния между ними, например, 40—50 верст, но неудобству грунта, делать среди них небольшие редуты для караулов и для убежища проезжающих от неприятеля; ставить при тех редутах на высоких столбах высокие караульни, дабы с одной до другой видеть часовых и усматривать издали неприятеля... Редут редуту давал повестки выстрелом или зажжением маяка».

Все крепости строились по заранее разработанным планам. Если подняться над линией крепостей по реке Уй в воздух, то сразу станет заметно, что архитекторы расположили укрепления по левому берегу реки. Они рассчитывали, что река будет не только естественной границей с кочевниками, но и препятствием для противника. К сожалению, от тех крепостей на границе России почти ничего не осталось. Но сохранились их планы и описания, из которых видно, что оборонительные сооружения пограничных крепостей ограничи-

вали квадратную или прямоугольную площадку. Укрепления состояли из рва, земляных и деревянных препятствий. Стены имели по углам своеобразные башни. В крепостях располагались пороховые погреба, склады, канцелярия, церковь, жилые помещения — казармы для воинов. В каждой из крепостей по реке Уй были размещены по две роты драгун.

Относительно недавно исследователи обнаружили прекрасно сохранившиеся руины русской крепости на озере Кызылташ в черте современного Озерска. План ее сооружения, обнаруженный в архиве, был подписан в 1736 году В. Н. Татищевым (рис. 74).

Под защитой крепостей, рядом с ними, начинали селиться и невоенные люди: крестьяне, торговцы. Часто их дома (а время было беспокойное) также обносились заграждениями. Так возникли некоторые южноуральские села, например Миасское.

В 30–40-е годы XIX века граница России была вновь перенесена дальше в степи. На новой границе (Новой линии), совпадающей в целом с современной, были построены новые казачьи крепости, поселки, редуты, пикеты и маяки. До наших дней сохранились лишь две сложенные из кирпичей пограничные крепости — Николаевская в Варненском районе (рис. 75) и Наследницкая в Брединском. Их стены имели башни по углам, а в центре внутреннего пространства находилась церковь. С наружной стороны вдоль стен были сооружены рвы. На прикрытой новой границей территории возникли десятки новых, уже крестьянских земледельческих поселений...

Многие степные села до сих пор хранят следы прежней жизни. В бывших казачьих станицах и поселках сохранилась застройка улиц под прямым углом друг к другу — кварталами. Центром таких сел служила большая площадь с церковью на ней (рис. 76). Здесь казаки на общем собрании решали вопросы устройства своей жизни, проводили ежегодные военные смотры. Отсюда их провожали родственники на многочисленные войны, которые вела Россия.

Многим городам в нашем крае дали жизнь заводы, первые из которых были построены около 250 лет назад. И здесь следы минувших времен заметны до сих пор. Тогда машины и механизмы приводились в движение силой падающей воды при помощи системы передач. Поэтому-то при строительстве заводов учитывалось наличие не только руды, но и леса (из него выжигался древесный уголь) и воды. Пруд с плотиной также были непременными условиями существования завода (рис. 77). Такие пруды до сих пор сохранились в некоторых наших городах, например в Сатке, Златоусте, Миассе, Каслях, Кыштыме. Центром такого заводского поселения всегда была при-

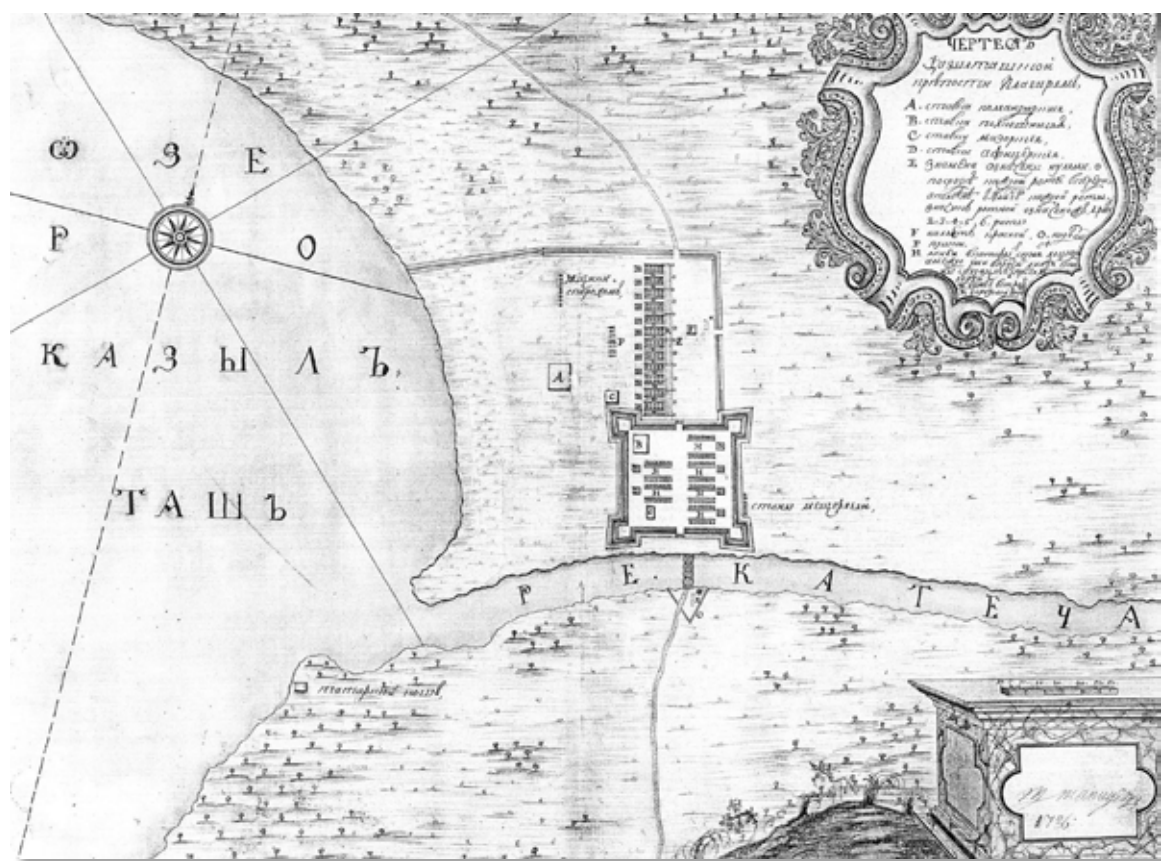
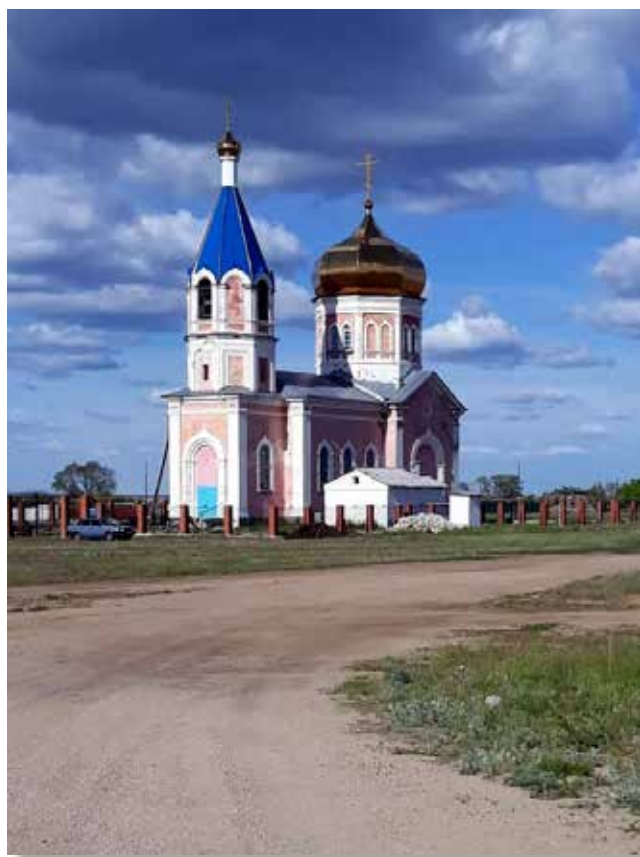

Рис. 74. Крепость на озере Кизил-Таш. План строительства с подписью В. Н. Татищева

Рис. 75. Николаевская крепость середины XIX века в Варненском районе Челябинской области

*Рис. 76. Церковь на центральной
площади Великопетровки.
Карталинский район*

*Рис. 77. Миасс. Вид на плотину заводского пруда и завод.
Открытка начала XX века*

заводская площадь. Как и люди, южноуральские старинные города разнолики. На них наложила печать история: «золотая лихорадка» в Миассе, художественное чугунное литье в Каслях, сталеварение и гравюра на стали в Златоусте. Примеры эти можно продолжать.

Мы уже говорили о том, что большинство наших предшественников в этих местах переселились на Южный Урал из разных районов России со своими представлениями о том, как должны выглядеть дома. Вот один пример. Мы поедем по шоссе из Челябинска в Екатеринбург и будем внимательно смотреть на деревянные дома в селах, через которые будем проезжать. И вот что увидим. В поселениях юга области, у Челябинска и чуть севернее дома чаще расположены вдоль улицы. Но в селах севера Челябинской области и особенно Свердловской области дома чаще повернуты к улице торцом. Архитекторы считают, что это связано с тем, что территорию нынешней Свердловской области и северо-восток нынешней Челябинской столетия назад заселили выходцы из северных районов тогдашней России, из так называемого Поморья. Там подобное расположение домов в улице было привычным. Да и силуэты крыш здесь не такие, как на юге нашей области, заселенном преимущественно выходцами из центральных и южных районов России. На севере крыши более островерхие и высокие. И это тоже напоминание о прошлом. В Поморье климат в значительной степени определяется влиянием Атлантики. Снега там выпадает больше. И чтобы он не скапливался на крыше, ей традиционно придавали большой наклон. Традицию эту переселенцы принесли и в Зауралье, хотя здесь климат иной. Кстати, и обычай закрывать окна ставнями не был характерен для Русского Севера.

Все в наших домах интересно. Интересно, почему квартал домов в центре Челябинска, который в народе зовут «кварталом МВД» или «городком МВД», так напоминает крепость. Интересно, зачем потребовались разнообразные лепные украшения на наружных стенах домов, которые были построены в конце сороковых — начале пятидесятых годов нашего века, скажем, в Миассе. Дома и улицы в наших городах и селах могут многое рассказать о времени, когда они были построены, и о людях — их строителях.

ЮЖНЫЙ УРАЛ И ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

На открытке начала прошлого века — готовый к дальней дороге караван верблюдов на улице деревянного одноэтажного Троицка в тогдашней Оренбургской губернии. Рядом с верблюдами — погонщики в экзотических для наших мест одеждах. Караван готов к отправке в далекую Среднюю Азию (рис. 78). Нам неведомо, что в тюках на спинах этих горбатых покорителей дорог... А зрителям неведомек, что фотограф бесстрастно запечатлел гибель системы караванных путей длиной в 3500 лет. Именно в начале XX века была поставлена точка в истории караванной торговли Южного Зауралья с далекими землями — истории, которая началась еще в бронзовом веке, примерно 3500 лет назад. В гибели караванной торговли в начале XX века лишь отчасти надо «винить» построенные тогда железные дороги, по которым хлынули разнообразные товары. Время распорядилось так. Но у каждого конца есть и начало. Обратимся к нему.

Связи с далекими землями стали возможны тогда, когда там, на юге, где природа благоволила, появились и расцвели общества земледельцев-скотоводов. Со все нарастающей скоростью они двигались к созданию разнообразно организованных государств с их знатью, жречеством и религией, основанной на дуализме — борьбе Добра и Зла, развитыми ремеслами, системами письма и учета всего и вся и *потребностью в контактах*. Это произошло примерно пять тысяч лет назад.

Рис. 78. Караван, готовый к отправке в Среднюю Азию, на улице Троицка. Фотография начала XX века

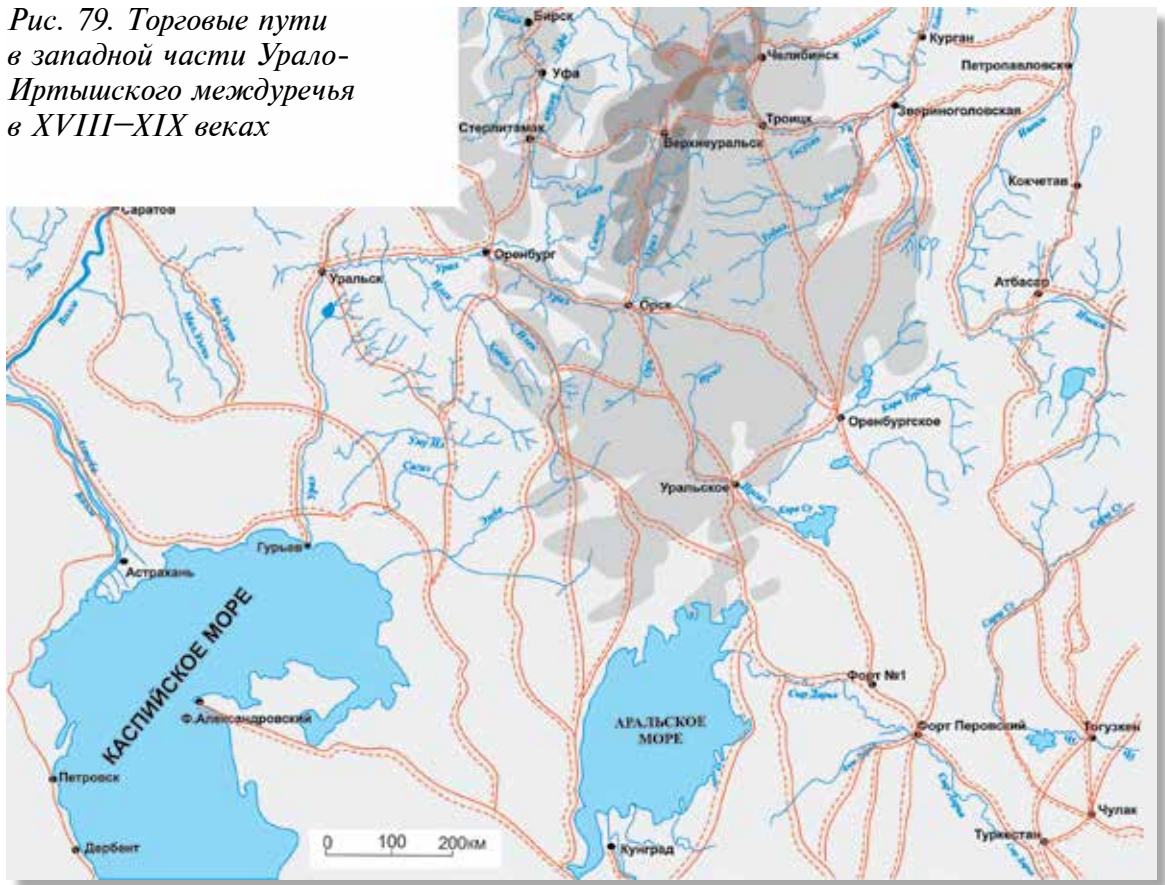
Примерно в это же время Великая степь Евразии познала чудо скотоводства и здесь стали возникать воинственные союзы скотоводческих племен. Как по мановению волшебной палочки явились разнообразные транспортные средства и тягловые животные. Помню свое изумление, когда археозоолог Павел Андреевич Косинцев поведал мне о том, что уже четыре тысячи лет назад, в бронзовом веке, наши местные скотоводы проводили операцию кастрации для получения тягловых животных — волов. Так или иначе, примерно пять тысяч лет назад скотоводческие народы получили возможность совершать далекие путешествия: у них появились разнообразные повозки, тягловые животные, для которых были изобретены хитроумные системы упряжи и управления.

И только жизнь обитателей глухих таежных урманов и голубых тундр в эту пору мало чем отличалась от той, какой она была и девять тысяч лет назад.

И эти три модели жизни были просто обречены контактировать друг с другом.

Мозаика причин привела к формированию системы караванных путей. Посмотрите на этот рисунок. Он взят из небольшой, но немало заинтриговавшей меня книги моего коллеги Александра Дмитриевича Таирова, посвященной системе коммуникаций, которая сформировалась, по его мнению, в I тыс. до н. э. (рис. 79). Спасибо Стефании Докучаевой, придумавшей для этой схемы интересный дизайн. Посмотрите на эту карту, на густую сеть караванных дорог, которые ее покрывают. Конечно, система караванных путей не могла сформироваться с воскресения на понедельник. Процесс шел постепенно. По логике, сначала должен был оформиться сегмент коммуникаций, соединивший мир скотоводческих племен необъятных просторов Казахстана и протогородские центры юга Средней Азии. По караванным путям из степей Казахстана к стенам протогородов двинулись разнообразные продукты животноводства, а на степных поселениях самих скотоводов в Центральном Казахстане в обиходе появилась посуда, изготовленная на гончарном круге в мастерских земледельческих протогородов. К концу II тыс. до н. э., как полагают некоторые мои коллеги, на Алтае и в степях Казахстана гончары — выходцы из Средней Азии изготавливали круговую керамику уже непосредственно в поселениях местных скотоводов. Не вполне понятна пока роль в процессе формирования системы дальних коммуникаций «Север — Юг» тазабагъябской культуры позднего бронзового века Юго-Восточного Приаралья с ее вполне степной архитектурой поселений, погребальной обрядностью и самым северным

Рис. 79. Торговые пути в западной части Урало-Иртышского междуречья в XVIII–XIX веках

орошаемым земледелием. Скорее всего, она играла ту же роль в коммуникациях степных скотоводов и земледельцев юга Средней Азии, что и позднее античный Хорезм.

В середине II тыс. до н. э. в практику далеких путешествий народов, живших в степях Казахстана, властно вмешалась госпожа Природа. Многолетняя засуха превратилась в экологическую катастрофу, и множеству скотоводческих народов, стремительно терявших скот и людей, не оставалось иного выхода, кроме как бежать из района, охваченного засухой, как из чумного барака. Благо система караванных путей от колодца к колодцу, от водопоя к водопою уже была. И непрошенные гости скоро появились в земледельческих областях Средней Азии, где им были не рады. Часть спасавшихся от гибели скотоводов бежала не на юг, а на восток, на просторы Сибири. Третьи устремились на север, к прохладным горам Южного Урала с их кристально чистыми реками и обильными травами. В степях рядом с Уралом тогда жили родственные по культуре и языку скотоводческие племена (мы знаем их как алакульскую культуру Южного Зауралья), не отказавшиеся принять в свои общины дошедших до них уцелевшими путешественников. Началась пора смешения культур.

Археологи видят этот процесс, наблюдая за погребальными обрядами. До экологической катастрофы у себя, в степях Казахстана, местные скотоводы тела умерших соплеменников преимущественно предавали земле и лишь некоторых сжигали и затем захоранивали прах. На Южном Урале мигранты были обречены влиться в общины местных скотоводов, раствориться в них. Нам доподлинно не известно, по каким причинам, но они полностью перешли здесь к практике кремации тел соплеменников. По старинному степному обычаю казахстанской безлесной родины сородичи сооружали для умерших каменные гробницы, хотя кладбище могло располагаться даже на опушке соснового бора. Традиции — великое дело!

Так годы великих бедствий поспособствовали продолжению на север системы караванных путей. К середине II тыс. до н. э. относятся и погребения могильника Кулевчи в Варненском районе, материалы которых впервые свидетельствовали о связях с далекими землями. Речь идет о двух захоронениях, совершенных по способу кремации. Ямы были ограблены еще в древности. Помимо кремированных останков людей в каждой из ям находилось по паре керамических сосудов. Меня они заинтриговали. Каждая пара состояла из горшечно-баночного сосуда большого объема и глубокой миски. И если подобные горшки были достаточно распространены в погребальных памятниках Южного Зауралья позднего бронзового века, то этого нельзя сказать о вторых сосудах (рис. 80) — глубоких мисках. Они сформованы вручную. По составу теста, температурному режиму обжига и своей форме миски совершенно чужеродны для местного гончарства позднего бронзового века. Они были поняты как лепные копии сосудов земледельческих обществ позднего бронзового века юга Средней Азии, которые там обычно изготавливали на гончарном круге. То есть по неким соображениям престижности кулевчинские миски формовали вручную, безусловно ориентируясь на *круговые прототипы*. Отсутствие орнамента на этих сосудах вполне согласуется с характеристиками круговой керамики раннеземледельческой зоны Средней Азии бронзового века.

Так что начало истории системы дальних коммуникаций, связавших наши места с далекими землями, надо относить еще к середине II тыс. до н. э.

В развалинах существовавшего на рубеже II—I тыс. до н. э. поселения Кинжитай в Варненском районе я вновь столкнулся с наличием импортной керамической посуды из Южного Приаралья, обломки которой лежали вместе с типичными для заключительного этапа бронзового века наших мест лепными горшками. И вновь был

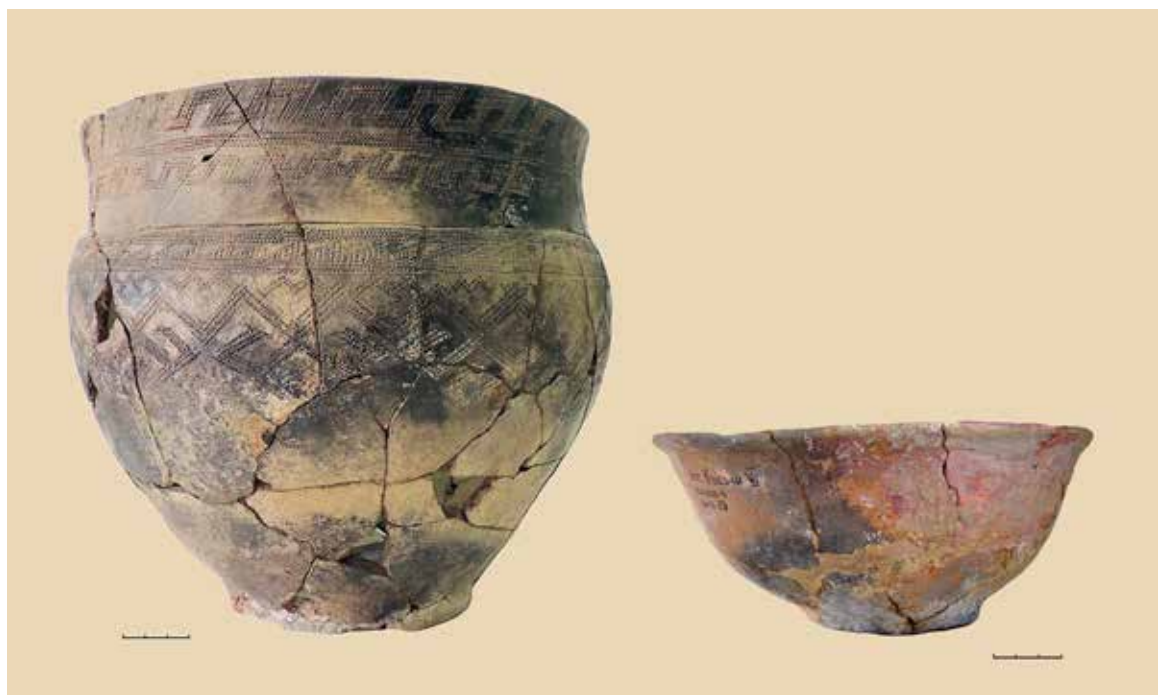

Рис. 80. Сосуды из могильника Кулевчи VI позднего бронзового века — доказательство связей Южного Урала и Средней Азии

сделан вывод о том, что караванные пути продолжали существовать и тогда.

В античную эпоху (в раннем железном веке) сеть караванных коммуникаций в этой части Евразии окончательно сформировалась. Ее основу составил, конечно, Великий шелковый путь с его несколькими маршрутами, менявшимися в зависимости от капризов политической обстановки, войн и нестабильности, сопровождавшей историю человечества. Маршруты Великого шелкового пути имели разветвленную периферию в виде второстепенных караванных путей. Часть их шла и в сторону Южного Урала через Великую степь. В самой степи на рубеже II—I тыс. до н. э. совершался эпохальный великий поворот к кочевничеству как образу жизни. Само кочевничество было бы невозможно без появившейся тогда же так называемой пастбищно-кочевой системы, то есть модели ведения скотоводческого хозяйства, предполагавшей сезонные перекочевки всего населения со стадами и по определенным маршрутам. В урало-казахстанских степях ученые реконструируют меридионально ориентированную пастбищно-кочевую систему с перекочевками в северные области, к Уральским горам летом и в Центральный Казахстан, Приаралье ближе к зиме. Как связаны кочевание и караванные пути? И то и другое возможно лишь при наличии водных

источников на маршрутах и достаточного объема кормовых ресурсов для животных. Очень важно! По мнению Александра Дмитриевича Таирова, маршруты перекочевок и караванных путей зачастую совпадали. Пастбищно-кочевая система практически в неизменном виде пережила несколько кардинальных смен населения, когда ираноязычных кочевников I тыс. до н. э. — саков и сарматов — сменили тюркоязычные народы. Независимо от языка кочевники продолжали двигаться по старинным маршрутам, доставшимся им от прежних обитателей степи. Я подвожу вас к мысли о том, что прав А. Д. Таиров в том, что реконструировать систему караванных путей можно, опираясь на этнографические знания маршрутов перекочевок родовых групп позднейших казахов.

Кстати, просматривая книгу средневекового путешественника Марко Поло, я наткнулся на карту, где обозначен так называемый «степной» маршрут Великого шелкового пути, который шел практически по широте мимо озера Балхаш через степи Казахстана на запад, к низовьям Волги.

Действительно, в законченном виде система дальних коммуникаций сформировалась в следующий период древней истории — в раннем железном веке, в течение I тыс. до н. э. и в первые века нашей эры. К этому времени геополитическая ситуация в этой части Евразии кардинально менялась. В Средней Азии началась история целого ряда древнейших государств: Парфии, Маргианы, Греко-Бактрии, Согда и Хорезма. Для нашего повествования важнейшее значение имеет история именно Хорезма. Он находится в нескольких месяцах караванного пути от Южного Урала. Эта страна, с VI века до н. э. располагавшаяся в низовьях Амударьи и Сырдарьи, выполняла важнейшую функцию. Она связывала два совершенно разных мира: мир раннеземледельческих государств Средней Азии и кочевую Великую степь, представленную в этот период несколькими военно-территориальными союзами кочевых племен саков, массагетов и дахов. Это в наши дни Древний Хорезм — мертвая страна, цивилизация, открытая миру лишь в XX веке. А в античный период Хорезм был и сатрапией ахеменидского Ирана, и могучей независимой державой, шах которой предлагал Александру Македонскому военный союз и совместный поход на север, к устью реки, которую мы сейчас называем Волгой.

В Хорезм уводят нас находки керамических, выпуклых с одной стороны и плоских с другой вьючных фляг. Изредка подобные фляги обнаруживаются в погребениях живших в наших местах кочевников. Одна из них найдена М. К. Хабдулиной при раскопках склепа

семьи знатных кочевников IV века до н. э. под курганом у поселка Новотемирского в Чесменском районе (рис. 81). В исследованном относительно недавно А. Д. Таировым могильнике IV века до н. э. у села Кичигино под Южноуральском также были найдены агатовые и сердоликовые бусы из Индии. Они прошли через талантливые руки иранских мастеров и попали в наши края по караванным дорогам через Среднюю Азию (рис. 61). К IV веку до н. э. относятся и замечательные иноземные вещи из могильника Филипповка в Северном Оренбуржье. Вы можете видеть среди предметов погребального инвентаря замечательный серебряный ритон (сосуд для вина) иранской работы (рис. 82).

Как все эти вещи попали к местной кочевой знати? Это могла быть и транзитная пошлина, и некие дары. Говорят ли эти вещи о далеких походах южноуральских кочевников? Сложно сказать. Неслучайно резкое увеличение в местных кочевнических погребениях импортных предметов относится именно к IV веку до н. э. Именно тогда эту часть Азии сотрясло нашествие греко-македонских войск, погибла держава Ахеменидов и, безусловно, изменилась геополитическая ситуация, в том числе и в степях Казахстана.

Помню, как меня заинтересовала заметка К. В. Сальникова, посвященная находке в 1939 году близ устья реки Миасс, при впадении ее в Исеть, небольшого (12,5 см) серебряного хорезмийского кувшинчика (рис. 83). Его хорезмийское происхождение доказывало... клеймо — знак, который был хорошо известен нумизматам, знакомым с монетным делом античной Средней Азии. Полная аналогия этой тамге имеется на медных хорезмийских монетах, обнаруженных при раскопках знаменитого дворца Топрак-кала в Южном Приаралье. Датируются эти монеты II—III веками н. э., а сама тамга принадлежит династии Сиявушидов — шахов античного Хорезма. На первый взгляд можно было бы предположить, что кувшинчик попал в Зауралье как товар. Но собственность царствующего дома шахов Хорезма вряд ли могла стать товаром. Скорее, как считает К. В. Сальников, сосуд отражает некие политические отношения Южного Урала с далеким античным государством и был направлен как дар одному из властных лиц той эпохи в Зауралье.

Меня в свое время сильно удивили и основания башен-бастионов обводной стены деревянно-земляного Мурзинского городища раннего железного века в Каргопольском районе Курганской области. Вполне допускаю, что эта новация фортификационной архитектуры пришла тогда в лесной край Зауралья по караванным путям из Средней Азии, где башни как элемент оборонительных систем были известны с V тыс. до н. э.

Рис. 81. Плоская с одной стороны «вьючная» глиняная фляга. Подобные производились в Хорезме. Раскопки М. Хабдулиной

Рис. 82. Серебряный иранский ритон (сосуд для вина). IV–III века до нашей эры. Филипповские курганы. Раскопки А. Х. Пшеничнюка

Рис. 83. Серебряный кувшинчик с тамгой Хорезмшахов, найденный в 1939 году близ устья реки Миасс

До сих пор мы говорили о меридионально ориентированной системе караванных путей. Но примерно с середины I тыс. до н. э. Южный Урал был включен и в систему широтных караванных дорог. В частности, с V века до н. э. известна так называемая «дорога Геродота» (от древнегреческого города Ольвии на берегу Днепровско-Бугского лимана до Оренбуржья). Именно Геродот упоминает об этой караванной дороге, оговариваясь, что нужны семь переводчиков для того, чтобы обслужить караван от начала движения до завершения пути. Кстати, в позднеантичное время был период, когда северо-италийские предметы напрямую попадали на Урал, минуя города античного Боспорского царства в районе современного Керченского пролива.

В погребениях кочевников раннего железного века, исследованных в Башкирии, археолог Анатолий Харитонович Пшеничнюк обнаружил стеклянные бусы, произведенные в мастерских на территории Сирии, Финикии и Египта. Десятки бронзовых зеркал, изготовленных в ремесленных мастерских древнегреческого города Ольвия, обнаружены в погребениях кочевников раннего железного века, сарматов, в Оренбуржье, Башкирии и Пермском крае. В последние века I тыс. до н. э. увеличивается количество разнообразных античных монет, также находимых в погребениях в Поволжье, в том числе на левобережье, и даже в Башкирии. Массовые находки боспорской посуды, сопровождаемой стеклянными бусами и разнообразными металлическими изделиями, также боспорского происхождения, встречены в погребениях ранних кочевников вплоть до города Уральска. Римские застежки плащей — фибулы — североиталийского производства, изредка с надписями, найдены в ряде могильников в Башкирии.

Уникальная коллекция посуды I—III веков, произведенной в европейских провинциях Римской империи, найдена археологами А. Д. Таировым и С. Г. Боталовым в погребении у поселка Магнитного Агаповского района (рис. 84).

В памятниках средневековой поры на Урале также встречено довольно много иноземных вещей. Это и византийская серебряная посуда, и византийские монеты.

К середине 1970-х годов на Урале было учтено более 70 найденных средневековых кладов и единичных серебряных изделий. Большую их часть составляют чаши — предметы роскоши византийского или иранского производства, которые поступали в распоряжение местной знати или шаманов, чья культовая практика запрещала вкушение жертвенного мяса с деревянной посуды — требовалась именно металлическая. Кроме того, она была необходима и для подвешивания на ветви священных деревьев при камлании.

Рис. 84. Предметы из погребения у поселка Магнитного Агаповского района, изготовленные в европейских провинциях Римской империи в I–III веках. Раскопки С. Г. Боталова

Необходимо упомянуть и о таких находках, как шелковые иранские ткани в средневековых погребениях в окрестностях Челябинска. Самая известная из них сделана в 1959 году при раскопках кургана на берегу озера Синеглазово (рис. 85). Исследователи древнего текстиля установили, что ткань изготовлена в Иране в VIII–IX веках.

Эпоха Великого переселения народов принесла на Южный Урал большое количество китайских зеркал и, вероятно, тканей.

Теперь о том, как иноземные предметы попадали на Южный Урал и на Урал вообще. Поводы могли быть разными: торговля, дипломатия, война. Но в любом случае эти предметы передвигались по хорошо известным на протяжении столетий караванным путям.

В Средние века на караванных дорогах Южного Урала встали «манифесты» ислама — мавзолей, выстроенные по традиционным для этой религии канонам из квадратного тонкого кирпича — плинфы. Это и знаменитая башня Тамерлана, и безвестный мавзолей у села Клястицкого, еще в XVIII веке разобранный ради кирпича троцкими купцами.

Когда приходится доказывать среднеазиатское происхождение наших мавзолеев (XIV–XVI вв.), я всегда вспоминаю близнеца по

Рис. 85. «Челябинская ткань» из погребения VIII–IX веков на озере Синеглазово. Иран. Раскопки В. С. Стоколова

архитектуре нашей башни Тамерлана — мавзолеей в Каракалпакии, возведенный, видимо, той же самой бригадой мастеров, что и наш. С караванами из Средней Азии пришли на Южный Урал и исламские миссионеры, чьи могилы как святые места почитаются и сейчас правоверными на горе Аушкуль в Башкирии.

В позднейшее время, как считают ученые, заботу о снабжении купцов верблюдами и обслугой, сопровождающей караван, брали на себя отдельные казахские роды. Это были роды, направления весенних и осенних перекочевков которых совпадали с направлением торговых путей. Сопровождение караванов, обеспечение их продуктами питания, верблюдами приносило казахам-кочевникам значительные выгоды. Родоплеменная верхушка взимала с караванов пошлину за проход через контролируемую родом территорию (за пользование водопоями, пастбищами и т. п.), за обеспечение их безопасности. Вероятно, эта практика сложилась издревле, вместе с системой дальних коммуникаций.

По упомянутым караванным путям ходили не только торговые караваны, но и дипломатические представительства. Так, я сильно удивился в свое время, прочитав, что целый ряд встреч казахских ханов с представителями российского правительства, в частности с известным полковником — основателем Челябинска А. И. Тевкелевым, происходил при впадении реки Уй в Тобол, там, где сейчас стоит село Усть-Уйское. Составляя «Археологическую карту Курганской области», я обратил внимание на невиданную концентрацию погребальных памятников в районе Усть-Уйского. Теперь мне понятна причина их появления: подобно Гнездовским курганам на «пути из варяг в греки» эти курганы маркируют один из важнейших перевалочных пунктов — своеобразный хаб, или логистический центр на древнем караванном маршруте.

Разглядывая открытку начала прошлого века, на которой изображен готовый к дальней дороге караван верблюдов на улице деревянного одноэтажного Троицка, хотел бы заметить, что проблемы, связанные с системой дальних коммуникаций, с ее происхождением, этапами истории и логическим завершением, еще ждут своего пытливого исследователя.

МАГИЯ ГЛИНЫ

Всю археологическую жизнь восхищаюсь гончарством. Не древним, а гончарством в принципе. В нас, видимо, до сих пор живет первобытное чувство изумления зрелищем трансформации, которую претерпевает кусок глины, превращающийся в нечто совершенно противоположное, причудливо соединяя технологию и идеологию (рис. 86).

Всегда хотелось... исполнить орнамент на керамике — как некий музыкальный текст. Останавливало то, что, будучи системой ритмично повторенных символов, орнамент как музыкальное произведение вряд ли будет оригинальным.

Однако именно эта каноничность орнамента на сосудах и позволяет археологам зачастую определиться с культурной принадлежностью и хронологической позицией памятника. И напротив, нарушение орнаментальной каноничности настораживает нас, заставляет искать причины трансформации в самой культуре или в межкультурных взаимодействиях.

Археолог не может не любить керамику. У меня перед глазами до сих пор строка из воспоминаний Ильи Эренбурга, впечатленного японским народным гончарством, где на поверхности сосудов намеренно сохраняют отпечатки пальцев гончара — зримые следы создавшего эти произведения человека, хранящие его тепло и энергетику.

Предлагаю восхищаться не только северным сиянием или цветами сакуры, но и... удивительной в своем разнообразии и непознанности древней керамикой. Давайте просто полюбуемся творениями древних и поразмышляем.

Своим пятиклассникам я часто повторял: «Старайтесь увидеть неизвестное — в известном!» Вот один из таких примеров.

Знаменитые миниатюрные, нарочито острореберные сосудики с отверстиями на уровне шейки на диаметрально противоположных концах из абашевских и синташтинских памятников рубежа III—II тыс. до н. э. безоговорочно поняты и приговорены моими коллегами как... светильники (рис. 86). И это при полном отсутствии следов длительного воздействия высоких температур на поверхностях. Я за полвека в археологии достаточно много видел разнообразных и разновременных керамических светильников. Ракурс съемки этого сосудика и ему подобных убеждает меня в том, что они: а) подвешивались; б) подвешивались на время ритуала, судя по стертости краев дна; в) подвешивались не ниже уровня глаз взрослого чело-

*Рис. 86. Миниатюрный сосуд из могильника Кривое Озеро. Бронзовый век.
Раскопки Н. Б. Виноградова*

века. Только в этом случае изящная сложная знаковая композиция, выполненная на внешней поверхности стенок и на дне сосуда гребенчатым штампом — многоэлементное целое, этот сгусток ритуальной символики, — была видна участникам действия и выполняла свою функцию.

Старайтесь увидеть неизвестное — в известном!

Впервые обитатели Южного Урала стали использовать в быту обожженную на огне глиняную посуду, то есть керамику, в конце каменного века — около восьми тысяч лет назад. «Ну и событие!» — скажете вы. Стоит ли говорить о горшках? Откуда это известно? И это тайна? Еще какая тайна! Попробуйте-ка вскипятить воду в... кожаном ведре. А именно так приходилось делать людям до изобретения керамики. Нагревали в костре камни и раскаленными опускали их в воду. Так что варить пищу можно было и до появления керамики, но именно использование глиняной посуды умножило возможности древних кулинаров и благотворно отразилось на здоровье наших далеких предшественников. Ведь вареная пища лучше усваивается организмом человека.

Изобретатель керамики, найдись он, заслуживает памятника. Ведь он умудрился создать первый искусственный материал! Да еще какой! Помните, как мягкая глина легко меняет форму под вашими пальцами. Но при определенных условиях эта же глина способна стать подобной камню — твердой, влагонепроницаемой, жаропрочной.

Жаль, но персонального памятника, видимо, не будет. Дело в том, что глиняная посуда появилась почти в одно и то же время у многих древних народов.

Легко ли изготовить глиняный сосуд?

Юные археологи в наших летних экспедициях не раз пытались доказать, что сделать посуду из глины можно и без особых знаний. Они лепили сосуды, сушили их, ставили в костер для обжига, где те с грохотом лопались на мелкие кусочки, убеждая лишний раз в том, что изготовление керамики без знаний свойств глины, без навыков лепки, сушки, обжига — пустое занятие и что относиться свысока к древним мастерам неблагодарное дело. Опытные исследователи уже давно это поняли. В Институте археологии Российской академии наук есть даже специальная лаборатория, в которой вот уже много лет изучают древнее гончарство.

Сосуды в древности изготавливались не из любой глины, а лишь из глины с определенными свойствами. Более того, древние гончары использовали специальное глиняное тесто. Для этого в основное сырье — глину — добавляли определенные примеси-отошители: песок, дробленые камешки, измельченные куски стенок глиняных сосудов, толченые слюды, тальк, раковины, навоз, птичий помет... Делалось это для того, чтобы получить посуду с заранее заданными свойствами. Особенность древнего гончарства была и в том, что гончарные знания в письменной форме не передавались, а о физике, химии и других науках гончары, конечно, и не слышали. Просто они много экспериментировали с глиной и результаты опытов передавали из поколения в поколение, точь-в-точь как сказки.

Современные гончары пользуются для создания глиняной посуды вращающимся гончарным кругом, «вытягивая» на нем из куска глиняного теста сосуд (рис. 87). На современных керамических заводах посуду отливают в специальных формах. Древние гончары Южного Урала не знали ни того ни другого. Ученые считают, что гончарством занимались в основном женщины и обучение гончарному делу было частью воспитания девочек.

Рис. 87. Современное гончарное производство. Невьянск. 1986 год

Сосуды первых гончаров

У каждого народа были свои представления о том, как надо готовить глиняное тесто, какие примеси и в каком количестве добавлять, каким способом лепить сосуды, заглаживать их поверхность для большей влагонепроницаемости, как и на какие части сосудов наносить рисунки (орнаменты), как обжигать их, наконец. Поэтому-то для археолога обломки древней керамики — желанные находки. Они позволяют определить, какой древний народ здесь жил и когда.

Как выглядела древнейшая глиняная посуда в нашем крае? Раскопки стоянок конца каменного века по берегам озер в окрестностях Миасса, Чебаркуля, Магнитогорска дали немало обломков древнейшей керамики. Уникальное собрание неолитических предметов обнаружили... дайверы на дне одного из красивейших озер края — Увильды. Их можно увидеть в экспозиции Государственного исторического музея Южного Урала (рис. 88).

Как же выглядели древнейшие глиняные сосуды? Представьте, что у куриного яйца аккуратно срезан тупой конец. Вот такую форму имели первые глиняные сосуды в наших местах. Они были разной величины и назначения.

Рис. 88. Неолитический сосуд, найденный дайверами на дне озера Увильды

Каким способом изготовляли посуду? Предполагается, что древнейшие гончары использовали жгуты или ленты из глины, в которую добавляли толченый тальковый камень или песок. Сначала окончание жгута сворачивалось спиралью. Затем тем же жгутом по спирали гончар выводил стенки будущего сосуда до верха. При этом витки жгута плотно слеплялись друг с другом. Жгуты могли выводиться и кругами, круговым налепом. Стенки заглаживались и затирались специальными инструментами. Сосуд орнаментировался специальными штампами наподобие расчески с небольшими зубцами или палочкой. Излюбленными мотивами орнамента были редкие волнистые линии и геометрические фигуры.

Сосуды тщательно просушивались, первоначально в тени, и только после достаточной просушки обжигались. Археологи считают, что обжиг тогда проводился на открытом костре. Сначала сосуды ставились по краям костровой ямы, затем постепенно передвигались все ближе и ближе к огню, чтобы наконец на несколько часов оказаться среди пылающих углей.

Описанные формы сосудов могли конструироваться и иначе. В быту сосуды ставились в вырытые в земле ямки или на специальные выкладки из камней. Для людей каменного века, охотников и рыболовов, часто менявших место стоянки, это было удобно.

Разрушительный эксперимент

...Те, кто заходил в тот день в лабораторию, застывали от изумления. С явным удовольствием археологи швыряли на пол глиняные сосуды. Затем аккуратно собирали их осколки и, разложив на столе, что-то долго обсуждали. Кто же в здравом рассудке ломает древние горшки?! Ведь они же бесценны для науки! «А это вовсе и не древняя посуда», — отвечали хозяева. В лаборатории всю шел эксперимент — изучалось гончарство алакульцев. Сначала археологи сделали по древней технологии сосуды, а затем стали их разбивать, для того чтобы сравнить «свои» осколки с найденными в раскопках алакульских поселений и могильников. Экспериментаторы исходили из того, что сосуды, разбиваясь, ломаются преимущественно по местам соединения частей, из которых когда-то собирались. Если сосуд изготовлялся ленточно-жгутовым способом, то он и расколется прежде всего по местам стыков этих лент. Но алакульская посуда разбивалась какими-то кусками. Внимательное обследование трещин на настоящих алакульских сосудах показало, что все они, или почти все, вертикальные.

Отпечатки тканей на керамике

Другой особенностью алакульской керамики были отпечатки ткани на внутренней стороне сосудов, в нижней половине. Еще лет 60 назад археологи высказали гипотезу, что эти отпечатки связаны со способом лепки сосудов. Как тогда предполагалось, алакульцы лепили сосуды на заполненных песком мешочках, сшитых особым образом. Их обмазывали глиной, давали подсохнуть, а затем песок из мешочка высыпали. Все это казалось правдоподобным объясне-

нием, за исключением одного: каким образом мешочек из ткани держал форму? Вся лаборатория билась над этой загадкой.

Разгадка тайны отпечатков

Рис. 89. Первооткрыватель негативов отпечатков орнамента сосудов-основ студент-археолог Сергей Марков

Но не зря говорят: рано или поздно все тайное становится явным. Повезло тому, кто, видимо, больше всех хотел разгадать тайну. Это был студент-археолог Сережа Марков (рис. 89). Перебирая коллекцию предметов из раскопок поселения Кулевчи, Сережа взял в руки обломки двух сосудов из одного и того же жилища и увидел, что на внутренней стороне одного из них отпечатался орнамент, нанесенный на наружную поверхность другого (рис. 90). Вот он, ключ к разгадке! Как будто пелена упала с глаз археологов. На сотнях других обломков алакульских сосудов помимо отпечатков ткани обнаружались оттиски орнаментов сосудов-основ, на которых они формовались (рис. 91). Влажная ткань, таким образом, играла роль прокладки.

Последовательность изготовления алакульского сосуда

Она показана на рисунке (рис. 92). Сначала сосуд нужного размера оборачивался куском ткани, концы которой завязывались крест-накрест над горловиной. Ткань смачивали водой, сосуд переворачивали вверх дном. Затем из комка глины оформляли дно, после чего комочками или лоскутами глины выводились стенки. Заготовка нового сосуда несколько часов сохла в тени на сосуда-основе. После

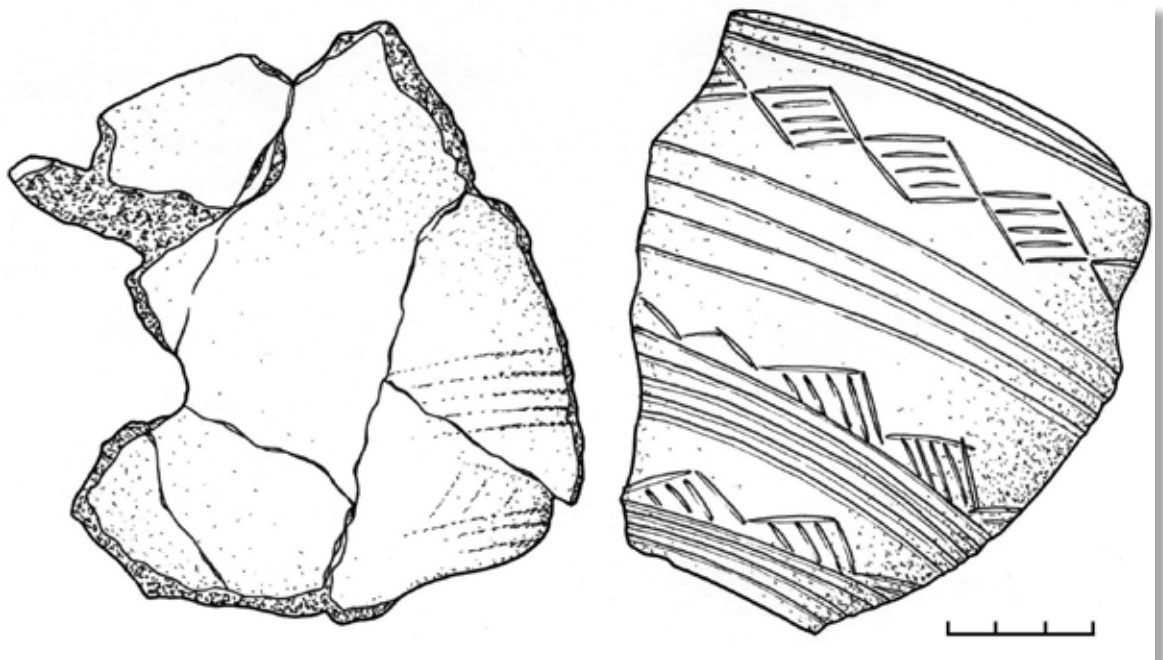

Рис. 90. Фрагменты двух сосудов с поселения бронзового века Кулевчи III. Следы орнамента на внутренней стороне нового сосуда (слева), сосуд-основа (справа)

Рис. 91. Оттиски текстиля и негативы орнамента сосуда-основы на внутренней стороне нового сосуда. Могильник Кривое Озеро

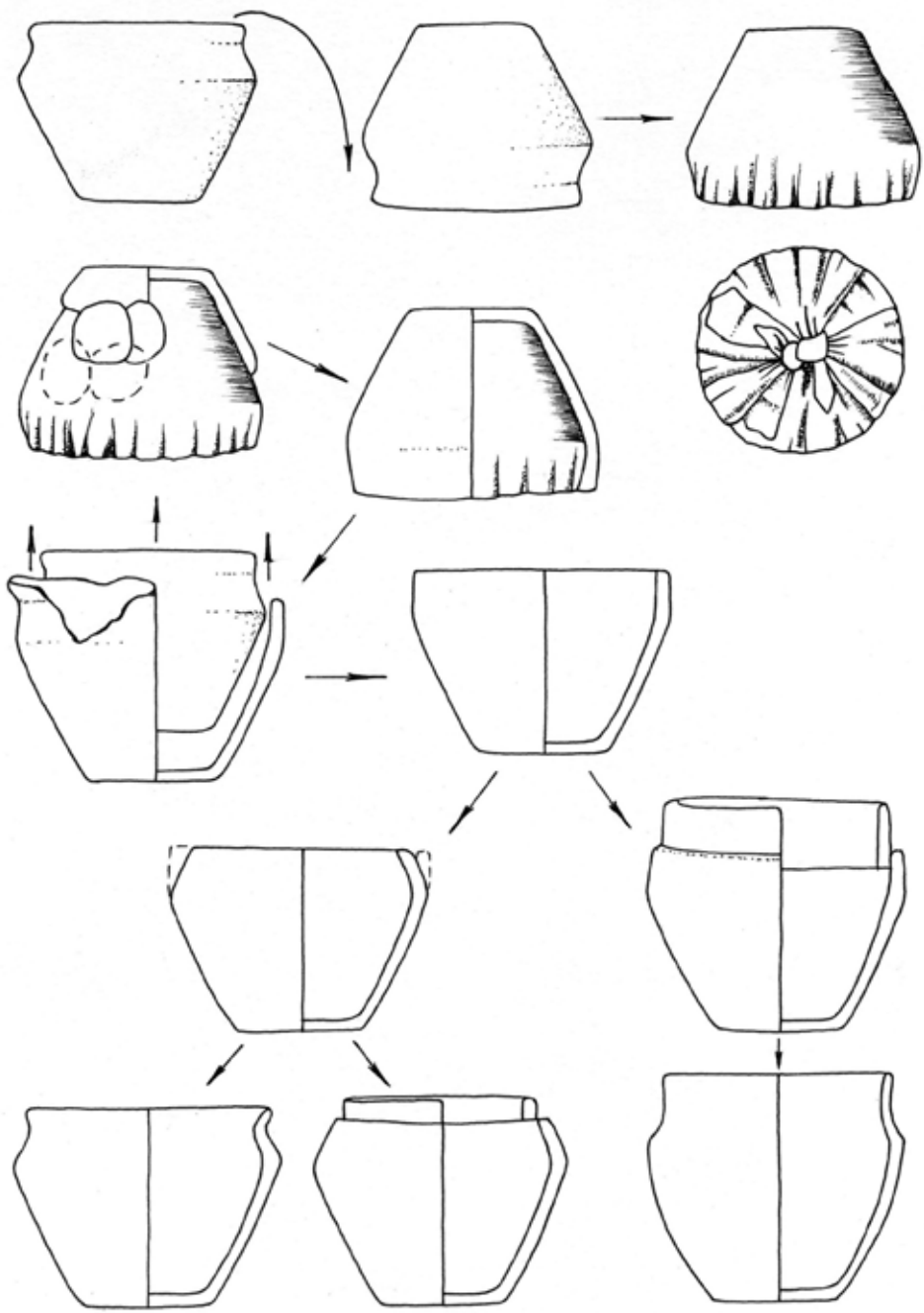

Рис. 92. Последовательность операций по изготовлению сосудов с применением сосудов-основ и тканевой прокладки

этого глина на какое-то время обретала свойство слегка растягиваться и возвращаться в прежнее состояние. Тогда-то и вынимался сосуд-основа. А на внутренней стороне нового сосуда навсегда оставались отпечатки ткани-прокладки с проступающими через нее следами орнамента сосуда-основы. Обратите внимание: у алакульских сосудов диаметр по тулову всегда равен или почти равен диаметру горловины. Если горловина нового сосуда будет намного уже тулова, его просто не удастся снять с сосуда-основы.

После описанной операции сосуд можно было совершенствовать. Во-первых, его можно было оставить таким, как есть — тогда новый сосуд будет походить на большую банку. Во-вторых, к готовому тулову можно было подлепить изнутри широкую ленту, оформив таким образом верхнюю часть сосуда. В-третьих, можно было сделать сосуд остросереберным. Именно эти формы и были характерны для алакульского гончарства.

Ученые разбивали экспериментально изготовленные сосуды, чтобы проверить, правильно ли они разгадали секрет древних гончаров. Так что трещины на старых сосудах тоже могут о многом поведать.

Как передавались традиции

Разновременные сосуды или сосуды разных археологических культур вряд ли можно перепутать. В заблуждение археологи могут впасть лишь в том случае, если жившие по соседству древние народы не только обменивались товарами, но и создавали смешанные семьи. Археологи считают, что, как и сейчас, в бронзовом веке счет родства велся по отцовской линии. После создания семьи жена переселялась из рода родителей в род мужа. Представьте, что рядом живут два народа. Они говорят на похожих языках. У них одни и те же хозяйственные занятия и сходный образ жизни. Но есть особенности, характерные только для каждого из этих народов. Одна из них — гончарство. Если жену брали из поселения соседнего народа, то она приносила с собой свои представления о том, как создавать глиняные сосуды и как они должны выглядеть в конечном счете. Через какое-то время она усваивала традиции гончарства, которые бытовали среди женщин в роде (и в народе) мужа. Но тем не менее сосуды, вышедшие из ее рук, частично были похожи на керамику соседнего народа. Так произошло, например, с известными алакульцами и племенами так называемой срубной культуры. Они граничили по реке Урал. Поселки тех и других размещались чересполосно. В этом районе на сосудах археологи видят черты гончарства обоих этих народов.

Загадочный язык орнаментов

Как много могут рассказать, казалось бы, безгласные сосуды!

Начнем с того, что древние южноуральцы считали волшебством превращение мягкой глины в камнеподобный материал. Обладали волшебными свойствами в представлении древних людей и рисунки на керамике. Может показаться, что рисунки на сосудах и в ту пору служили украшениями. Не спорю, но только — в последнюю очередь. Археологи считают, что в древних орнаментах зашифрованы заклинания, которые должны были защищать содержимое сосудов от злых сил. Мы можем лишь догадываться, что они означали, но никогда их не прочтем. Вот, например, орнамент на дне сосуда бронзового века: крест, вписанный в круг (рис. 93). Обратите внимание на другой вариант креста, вписанного в круг: четыре заштрихованных сектора фактически означают несколько раз повторенное изображение креста. Ученые единодушно определяют крест как древний символ солнца, плодородия, тепла, как и круг — колесо. Зачем же надо было повторять несколько раз один и тот же знак? Древние люди верили, что сила заклинания увеличится во столько раз, сколько раз повторен знак. Так что орнаменты на древней керамике не просто украшение. Очень редко наши далекие земляки действительно рисовали по сырой глине сосудов. Вот, к примеру, сосуд с изображением колесницы из могильника у села Спасского в Верхнеуральском районе (рис. 94).

Как загадочный древний язык, манят древние орнаменты археологов. Сколько тайн хранят порой неказистые древние сосуды, подтверждая истину: «Не все золото, что блестит». В древней истории Южного Урала далеко не все народы славились тщательной отделкой своей керамики и сложными орнаментами. Поспешный читатель немедленно заявит, что грубо выполненные сосуды без орнамента были созданы менее развитыми народами. И ошибется! Почему? Да потому, что заклинания у этих народов могли просто произноситься вслух, а не изображаться в виде орнаментов.

Рис. 93. Соляной орнамент на дне сосуда из петровского (раннеалакульского) погребения в могильнике бронзового века Кривое Озеро

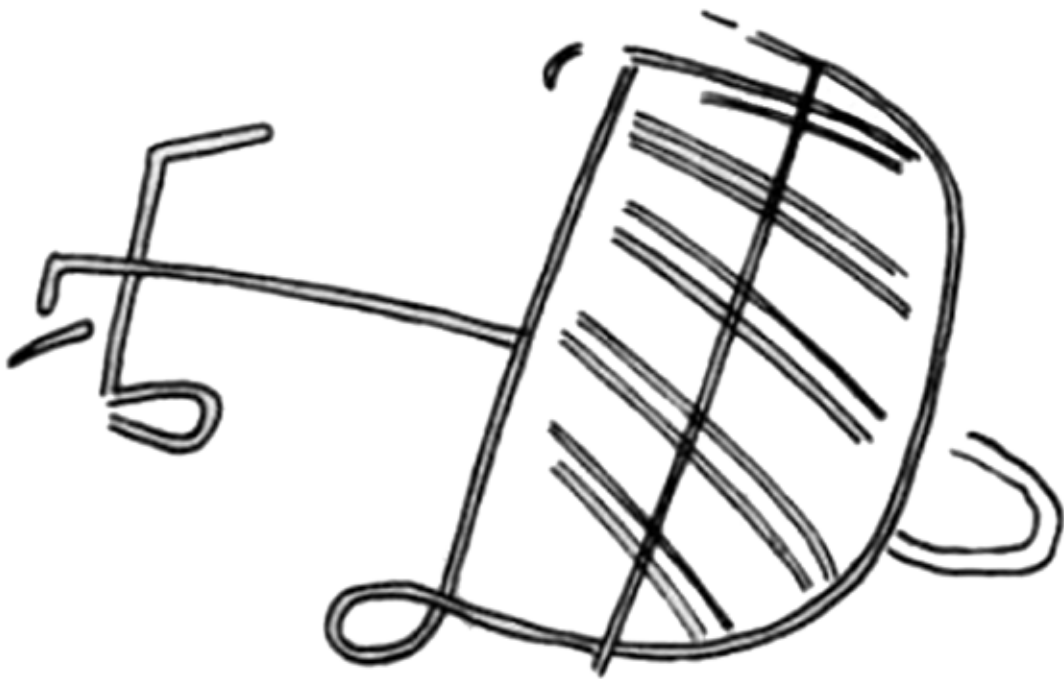
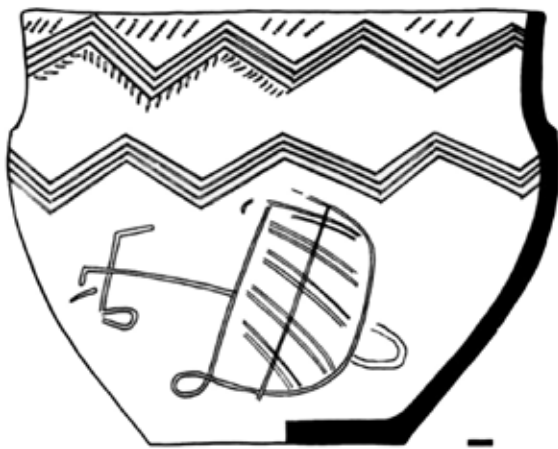

Рис. 94. Рисунок колесницы на сосуде из погребения срубной культуры позднего бронзового века в могильнике Спасское. Раскопки В. С. Стоколова

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЛОШАДИ

Однажды у меня родилась идея создать выставку с таким названием. Ее можно было бы назвать по-другому: «Сорок тысяч лет вместе». Именно с поздней фазы древнего каменного века мы можем уверенно говорить о месте лошади в жизни древних южноуральцев. Об этом свидетельствуют как артефакты из раскопок, так и шедевры настенной живописи охотников ледникового периода, отделенные от наших дней несколькими десятками тысячелетий.

Первоначально, до III тыс. до н. э. (до бронзового века), лошадь была для жителей Урала и Казахстана лишь объектом охоты. Речь идет о знаменитых тарпанах, известных на Южном Урале с энеолитического периода его истории и истребленных людьми на Южном Урале в 1870-е годы.

Начиная с бронзового века (III — начало I тыс. до н. э.), со времени одомашнивания лошади, человек приступил к бесчисленным опытам, целью которых было разнонаправленное использование коня — для верховой езды и как тягловой силы для перемещения повозок различного назначения.

В раннем железном веке (I тыс. до н. э. — начало I тыс. н. э.) активное использование лошадей степными народами привело к решительной перекройке карты этнического расселения народов Евразии.

В многообразных дальних путешествиях средневековых народов, в формировании современной локализации отдельных народов Старого Света роль лошади трудно переоценить.

Новое и новейшее время в истории Южного Урала демонстрирует самое разнообразное применение лошади: от ипподрома и военной службы до рудников.

Обсуждая древнюю и средневековую историю Южного Зауралья, тему, вынесенную в заголовок главы, невозможно обойти. И вот с чего мы начнем.

Около 200 лет прошло с тех пор, как в небольшом южноуральском городке Златоусте работал замечательный художник-гравер Иван Бушуев. Из-за особенностей профессии он не дожил и до сорока лет, но остался в веках как великий Мастер! На гравированных им клинках он ставил свое клеймо — изображение коня (рис. 95). Это не было бы удивительно, если бы конь не был... крылатым. Где видел художник летающих коней?

Крылатые кони — фантазия не только художников и поэтов. У многих народов, живущих ныне, в том числе и на Южном Урале,

Рис. 95. Крылатый Пегас на холодном оружии из Златоуста

сохранились предания о крылатых конях. У башкир и казахов такой чудесный конь назывался *тулпар*. Вот строчки из казахского предания о богатыре Кобланды и его верном крылатом коне по имени Бурыл:

Не дал поймать себя конь Бурыл.
Когда смертельная угроза прошла,
...Он с шумом взлетел на небеса.
Коль, окружив, не смогли поймать на земле,
Кто же поймает его в небесах?

А эти строчки из башкирского предания посвящены волшебному коню, имя которого — Акбузат:

Горы, достигающие до облаков,
С ходу перескакивал Акбузат.
Там, где касалось его копыто,
Озера создавал Акбузат.
Там, где проносился он,
Горы громоздил Акбузат.

Боевые кони из древних преданий могут не только летать. Они обсуждают со всадником предстоящие битвы, а затем сражаются вместе с ним на равных — конь и человек как единое целое. А теперь вспомните предания древних греков о кентаврах. Кентавры имели туловище коня и голову и торс человека. Ученые полагают, что предания о кентаврах возникли у народов, впервые столкнувшихся с конными воинами. Первоначально они считали их, воина и коня, одним существом.

Откуда же взялись волшебные кони в сказках и преданиях? Красивая придумка? Не совсем. Крылатые и говорящие кони зовут нас в далекие времена, к самому началу знакомства человека с лошадьёю.

Степные народы приручают лошадей

Когда и где произошло это знакомство? Смотря что считать знакомством. Еще в ледниковые времена южноуральцы охотились на диких лошадей. Предком современных домашних лошадей традиционно считался тарпан — вымерший к нашим дням вид диких лошадей. Тарпаны были невысоки — до 130 см в холке. Миллионы их обитали в древности в степях нашей страны. Еще чуть более ста (!) лет назад тарпанов можно было изредка встретить в оренбургских степях.

Современная наука свидетельствует, что история коневодства в Северном Казахстане и на Южном Урале началась в конце каменного века, начале эпохи металлов — в меднокаменном и бронзовом веке (6–5 тысяч лет назад). Именно тогда в степях нынешнего Казахстана, Оренбуржья и в предгорьях Южного Урала жило несколько народов, с которыми ученые связывают начало коневодства в нашем крае. Энеолитические культуры в Северном Казахстане получили названия ботайской и терсекской. Известны как постоянные большие поселения, так и сезонные, временные. Первоначально было обнаружено и исследовано поселение Ботай I (рис. 96). Древнеямные племена Оренбуржья — современники ботайцев, жившие, в отличие от них, уже в бронзовом веке, — оставили после себя только кладбища, из чего можно заключить, что они не жили подолгу на одном и том же месте.

Конечно, сейчас трудно представить, как начиналось здесь коневодство. Не так давно генетики установили, что лошади Ботая — не одомашненные тарпаны, а иной вид, известный биологам как лошадь Пржевальского.

Археозоологи и некоторые археологи полагают, что на остатках поселений ботайцев действительно имеются свидетельства полуоче-

Рис. 96. Вид долины реки Иман-Бурлук и горы Кокше-Тау с площадки поселения энеолитического периода Ботай I. 1980 год

ния молока от кобылиц и использования лишь отдельных лошадей для верховой езды. Но скотоводства как отрасли хозяйства, по мнению этих ученых, у ботайцев еще не было.

Ученые также считают, что истребление охотниками лошадей в больших количествах и неблагоприятные изменения климата подтолкнули древних жителей Северного Казахстана к одомашниванию коня.

Не только в древности, но и в более поздние времена коневоды часто не ограничивали свободу своих табунов загонами и не заготавливали для них сено на зиму. Вот как описывал коневодство у башкир Южного Урала ученый путешественник XVIII века П. И. Рычков: «Башкирцы как зимой, так и летом все свои табуны содержат на степи, ибо как бы ни глубок был снег, однако лошади их привыкли разгребать, а по их названию, *тебенить* ногою, и так, под снежной травой, имея на себе довольно жиру, содержатся».

Можно предположить, что и в древности табуны домашних лошадей паслись, возможно, недалеко от диких. За исключением немногих, приручившихся для верховой езды, лошади содержались как запасы «живой» пищи.

П. И. Рычков описывает случаи, когда наездники-казахи ловили диких лошадей, привязывали их арканами к своим лошадям и так, на аркане, водили за собой в течение долгого времени, приучая повиноваться человеку.

Стоит ли после этого удивляться, почему ученые, изучающие кости древних лошадей, часто спорят, каким же особям они принадлежат — домашним или диким. И упорно продолжают поиски надежного способа определения этого. Не без успеха, например, исследуют под микроскопом зубы лошадей. Дело в том, что, если конь использовался для верховой езды или возил повозку, на его зубах обязательно оставались характерные следы стертости.

Верховая езда в те времена была связана с рядом сложностей. Еще не были изобретены ни жесткое седло, ни стремяна. Они появятся вместе с саблей потом, всего около 1400 лет назад. А до тех пор всадники обходились попоной и ременной петлей — стремянем, часто с одной стороны.

Древнейшие колесницы на планете

Одомашнив коня, жители степей Казахстана и Южного Урала постоянно стремились улучшить его породу. Уже в бронзовом веке (5000—2700 лет назад) южноуральские степные и лесостепные народы имели в своем распоряжении не менее трех пород коней (высотой в холке от 136 до 160 см). Около четырех тысяч лет назад наши земляки одними из первых в мире создали колесницу, в которую запрягали двух коней. Конечно, никто не возьмется указать место для памятника создателям первой на земле колесницы. Но археологи соглашаются с тем, что древнейшие из когда-либо найденных на планете колесниц, запряженных конями, найдены у нас, на Южном Урале.

В 1974 году экспедиция, которой руководил известный археолог В. Ф. Генинг, исследовала могильник бронзового века у села Римникского на реке Синташте в Брединском районе. Именно там и были впервые найдены части шести древнейших в мире колесниц. Впоследствии в могильниках, раскопанных в Южном Зауралье и Северном Казахстане, их обнаружено более двадцати!

Каким образом они сохранились, ведь дерево так недолговечно?

Дело в том, что, как правило, колеса от колесницы устанавливались в заранее сделанные в полу деревянной погребальной камеры параллельные углубления. Затем колеса присыпались глиной или песком, которые, скорее всего, утрамбовывались. Благодаря этому

археологи получили через четыре тысячи лет... отпечатки колес в виде пустот (рис. 97): плотная глина сохранила их, несмотря на то, что дерево, из которого были изготовлены колеса, истлело. А в одном случае, в могильнике Кривое Озеро у современного села Черно-речье на реке Уй, колеса были закопаны в мягкий песчаный грунт чуть глубже — на половину высоты, и археологи впервые увидели, как устроены ступицы колес, ось (?) повозки.

Так как же выглядели древнейшие на планете колесницы, запряженные конями? Они имели колеса диаметром примерно один метр. Колеса состояли из обода, снабженного 8–12 спицами, которые крепились в массивных ступицах. Конструкция колесницы (ширина колеи) должна была быть такой, чтобы исключить опрокидывание на резких поворотах. По этой причине не все археологи соглашались с предположением о том, что в гробницы помещали целую колесницу. На оси, соединявшей колеса, строился легкий и, видимо, высокий кузов. Он мог быть кожаным на легком деревянном каркасе либо сплетенным из гибких ивовых ветвей (рис. 98). Вся конструкция выполнялась без единого гвоздя. От центра оси под прямым углом к ней выдвигалось так называемое дышло — достаточно длинная жердь. По обе стороны от дышла и ставились две специально обученные для этой работы колесничные лошади.

Какой была упряжь колесничных коней? В упряжь современного коня, который возит повозку, входят хомут, ременная узда с железными удилами, поводья, разнообразные ремни. В древности колесничных коней запрягали несколько иначе. Роль хомута исполняло ярмо.

В углах могилы, противоположных вкопанным колесам, почти обязательно находились две выкладки из голов лошадей и комплектов ног, обрубленных в скакательном суставе и покрытых шкурой (рис. 99). Рядом с выкладками — по комплекту узды, от которых до наших дней сохранилась пара роговых псалиев — нащечников (рис. 100). Псалии были центральной частью системы управления колесничными лошадьми. Обращенные шипами к мягким губам лошади, эти костяные диски (или сегменты) крепились при помощи ремешков. Через рот скакуна пропускались мягкие ременные удила, которые подводились к центральным отверстиям псалиев. Здесь же крепились и концы вожжей. В могильниках с остатками колесниц археологи находят и другие сохранившиеся части узды, например роговые распределители ремней узды (рис. 101).

Некоторые ученые считают, что подобная двухколесная повозка могла быть рассчитана лишь на одного человека. В таком случае

Рис. 97. Отпечатки нижней части колес в углублении в полу погребальной камеры (яма 30). Синташтинский Большой грунтовый могильник

Рис. 98. Реплика синташтинской колесницы, выполненная сотрудниками музея-заповедника «Аркаим». Руководитель проекта А. М. Кисленко

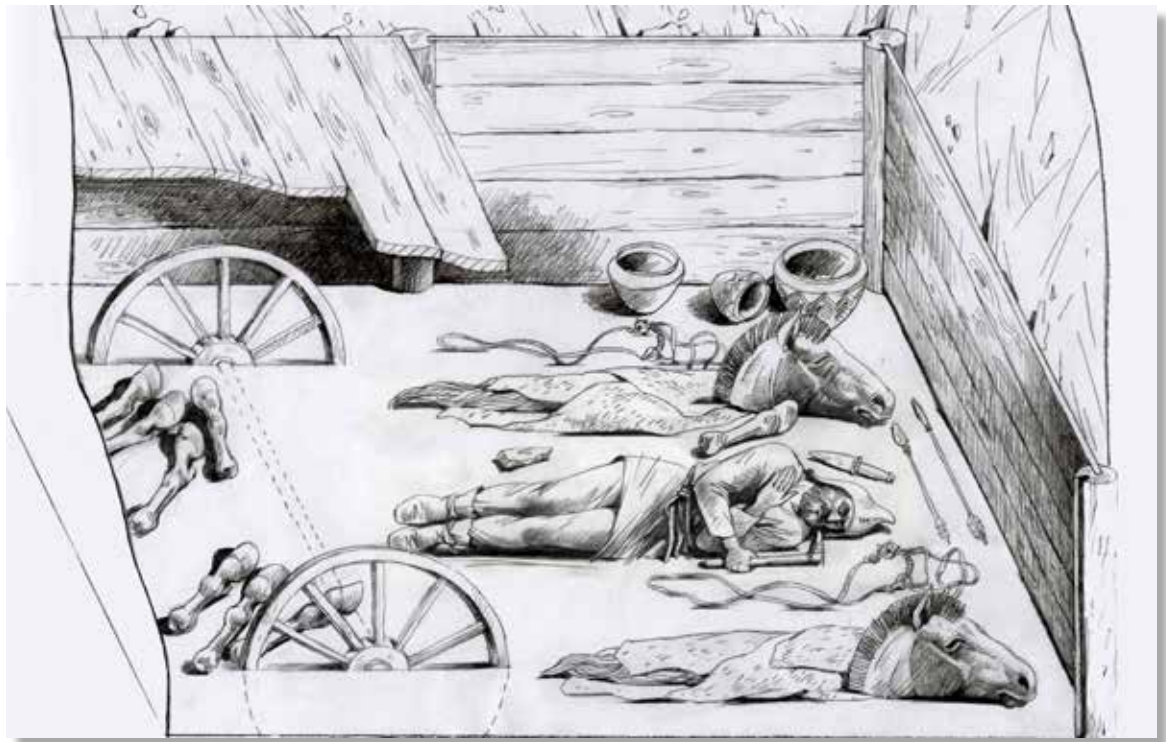

Рис. 99. Имитация погребальной колесницы в яме 1 кургана 9 могильника Кривое Озеро. Реконструкция вида остатков на полу погребальной камеры. Художник В. Витлиф

если воину во время езды на колеснице требовалось взять в руки лук или копье, он должен был обмотать поводья вокруг тела и управлять лошадьми так: если надо было остановиться, он откидывался назад; если нужно было повернуть в сторону — отклонялся. О таком способе управления поведали ученым древние рисунки и надписи.

Конечно, управление колесничными конями требовало большого умения. Кони должны были быть послушными. Не только успех боя, но и жизнь воина-колесничего зависела от этого. Возможно, древнейшие колесницы применялись на войне, на охоте, во время торжественных праздников. Мнения ученых здесь расходятся.

Сомнений в широкой распространенности разнообразных повозок, снабженных легкими колесами с системой спиц, в обыденной жизни скотоводов бронзового века степей Евразии нет. Найденные в синташтинских гробницах детали повозок, выкладки голов и ног коней, покрытых шкурой, и детали узды, я понимаю как макетное воспроизведение древнего мифа о путешествии души на символической погребальной повозке. Это может быть воспринято как развитие круга верований более ранних по отношению к синташтинским ямного и катакомбного культурных миров, где также практиковалось помещение повозки в погребальную камеру.

*Рис. 100. Роговой псалий — нащечник узды колесничного коня.
Могильник Кривое Озеро. Раскопки Н. Б. Виноградова*

*Рис. 101. Роговой распределитель ремней узды колесничного коня.
Могильник Кривое Озеро. Раскопки Н. Б. Виноградова*

Традиция помещать колесницы в могилы у степных народов, в том числе на Южном Урале, прекратилась примерно 3500 лет назад. По одной из гипотез, это произошло потому, что всадники, вооруженные мощными луками, на поверку оказались боеспособнее, и колесницы потеряли свое военное значение. Не исключено также, что новые редакции погребальных мифов повествовали об иных способах путешествия душ умерших, без участия погребальных повозок. Управление верховым конем потребовало новой конструкции узды. В конце бронзового века появилась узда с бронзовыми удилами, а псалии приобрели другую форму (стержней) и другое назначение.

Около 2500 лет назад, как считают ученые, именно в степях Евразии кочевые народы «изобрели» тяжелую кавалерию. Полагают, что она составлялась из знатных людей, которые способны были приобрести принадлежности тяжело вооруженного всадника: пластинчатую броню, длинный меч и тяжелое копье. Иногда железными пластинками защищалась и грудь коня.

Степные корни имела и тяжелая кавалерия древнего Ирана — парфянские катафрактары (рис. 102). Именно они в битве при Каррах в 53 году до н. э. наголову разбили, казалось бы, непобедимые легионы Марка Лициния Красса. Вот как красочно описывает парфянскую тяжелую кавалерию Плутарх в своих «Сравнительных жизнеописаниях»: «Когда же парфяне подошли ближе, их военачальник подал знак, и вся равнина сразу огласилась глухим гулом и наводящим трепет шумом. Ибо парфяне, воодушевляя себя перед боем, не трубят в рога и трубы, а поднимают шум, колотя в обтянутые кожей полые инструменты, которые обвешиваются кругом медными погремками. Эти инструменты издают какой-то низкий, устрашающий звук, смешанный как бы со звериным ревом и раскатами грома; парфяне хорошо знают, что из всех чувствований слух особенно легко приводит душу в замешательство, скорее всех других возбуждает в ней страсти и лишает ее способности к здравому суждению. Устрашив римлян этими звуками, парфяне вдруг сбросили с доспехов покровы и предстали перед неприятелем пламени подобные — сами в шлемах и латах из маргианской, ослепительно сверкавшей стали, кони же их в латах медных и железных...»

Тяжелая кавалерия у кочевников соседствовала с легкой. Ее всадники и кони не имели металлических защитных доспехов, а воины были легко вооружены: лук с колчаном стрел, короткий меч, кинжал. Конечно, назначение этих видов кавалерии было различным.

Рис. 102. Парфянский катафрактий. Граффити. Дура-Европос

Кони изменяют людей и мир

Если учесть, что почти три тысячи последних лет степи нашего края населяли кочевые народы, несложно определить, как велика в их жизни была роль коня. И все-таки где же здесь волшебство? Откуда взялись крылатые кони? Приручение коня многократно увеличивало возможности людей. Например, если взрослый человек способен без серьезных последствий для здоровья пройти пешком за день 20–25 км, то конь увеличил это расстояние в три раза. Невроятно возросли возможности воинов, охотников. Упрочились связи между народами. Сами народы, при необходимости используя коней, оказались способны совершать тысячекилометровые путешествия и менять район обитания. Со времен одомашнивания коня несколько раз изменялась карта расселения народов в Старом Свете.

Курганы с «усами»

В степях Южного Урала археологам известно более тридцати странных сооружений. Исследователи называют их курганами с «усами». Они полосой тянутся по степям от Центрального Казахстана до Южной Башкирии.

На Южном Урале курганы с «усами» располагаются, как правило, на возвышенностях вдоль рек, откуда почти во все стороны просматриваются дали. Почти всегда рядом находятся могильники — курганы, сложенные из камней. Курганы в могильниках могли быть и земляными, но обязательно обкладывались каменным «панцирем».

Если подняться, лучше осенью, в бледно-синее небо, высоко-высоко над курганом с «усами», то внизу среди пожелтевших трав увидим: от кургана с каменной насыпью к востоку проложены как бы две дороги из каменных плит, уложенных на землю. Как два гигантских «уса» (протяженностью иногда до 250 м) они тянутся по дуге к востоку, ограничивая большую площадку. Археологи знают на Южном Урале несколько разновидностей таких сооружений. Они различаются по количеству курганов, от которых начинаются каменные дороги; сами дороги тоже могут по-разному начинаться и оканчиваться. Но «усы» всегда направлены к востоку, а их восточные окончания никогда не смыкаются. Между ними всегда есть своеобразный вход-«ворота». Для кого? В Казахстане такие курганы часто имеют одну особенность: восточнее центрального кургана находится насыпь поменьше. Под большим курганом ученые часто обнаруживали погребение человека, а под малым — погребение коня.

Рассуждая о смысле этих сооружений, археологи вспомнили, что писал о древних кочевниках степей Казахстана знаменитый грек Геродот, живший около 2500 лет назад, в своей «Истории»: «Единственный бог, которого они почитают, это солнце. Солнцу они приносят в жертву коней, полагая смысл этого жертвоприношения в том, что самому быстрому богу нужно приносить самое быстрое существо на свете...» Живший несколькими веками позднее другой ученый, Страбон, вторит ему: «Богом они почитают одно только солнце и приносят ему в жертву коней...»

Неслучайно «усы» открыты на восток, на восход солнца. Может быть, для него, для Солнца, точнее солнечного божества, и оставлены эти «ворота»? Значит, здесь древние властелины наших степей совершали в его честь обряды? И кости коня в казахстанских курганах с «усами» объяснимы. Многие древние народы, особенно степные, обожествляли коня, почитали солнце в образе коня. Курганы

с «усами» служили также местом погребения выдающихся людей в тогдашнем обществе.

Курганы с «усами» древних кочевников Южного Урала только-только начали раскрывать свои тайны. И ты еще успеешь принять участие в их разгадке.

Известный исследователь природы степей Казахстана Павел Иустиневич Мариковский неоднократно встречал в степи курганы с «усами». Однажды ранним утром он случайно обнаружил, что солнце вошло в точку, от которой можно было провести прямую линию к центральному кургану через окончание одного из «усов» (точнее, наоборот — от кургана к месту восхода солнца). П. И. Мариковский предположил, что при сооружении этого гигантского памятника древние располагали его так, чтобы в определенное время года солнце вставало над определенной частью кургана с «усами». Так ведь это же астрономическая обсерватория, гигантские часы, по которым можно узнать время года! Возможно ли? В то время? Для чего?

Слишком много вопросов. Молчат пока гигантские святилища, посвященные солнечному божеству и затерянные ныне не только в степях Южного Урала и Казахстана, но и в памяти людей. В самом деле, кто о них знает? Современные люди о них и не ведают. Но ведь они существуют, эти тридцать таинственных «усатых» курганов.

Среди археологов нет единства, когда речь заходит о времени создания этих неожиданных, порой гигантских по размерам храмов кочевников. Часть ученых в роли их создателей видит повелителей степей Казахстана VII—VI веков до н. э., извечных врагов Ирана — ираноязычных кочевников саков. Другие специалисты полагают, что строители курганов с «усами» — тюркоязычные кочевники I тыс. н. э. Как бы то ни было, сам факт существования в кочевых культурах подобных «храмов» под открытым небом говорит о сложном духовном мире и верованиях этих народов.

ЮЖНЫЙ УРАЛ В ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ЕВРАЗИИ

Вклад населения Южного Урала в развитие Евразийского супер-континента в древности и в Средние века — очень непростая для трансляции проблема. Начнем с того, что и масштабы, и детали этого вклада и определить, и изучить непросто. Уральский регион в целом не отметился в древней истории созданием системы письма и развитых государств, где этими письменами были бы записаны достижения людей, полезные для заимствования как соседями, так и отдаленными народами. Значит, вновь надежда только на археологию, а в наши дни — и на современные методы естественных наук, адаптированные к изучению археологических материалов.

Пещерные святилища позднего палеолита

Мы уже говорили о далеких временах позднего палеолита, когда Южному Уралу суждено было стать единственным в Восточной Европе районом, где появилась настенная живопись в пещерах-святилищах. В пещере Шульган-Таш (Каповой) рисунки людей ледникового времени изучаются с конца 1950-х годов (рис. 103). В наши дни исследователи обнаружили на первом этаже пещеры множество новых рисунков, выполненных в иной технике, нежели известные до этого времени, и один из современных исследователей рисунков Каповой пещеры, Юрий Борисович Сериков, удивил, не только меня, фразой: «Исследование рисунков в этой пещере только начинается».

В 1979–1980 годах рисунки, выполненные охрой и сажей и датированные поздним палеолитом, были обнаружены в пещере Ямазы-Таш (Игнатьевской), что в борту каньона на реке Сим в Катав-Ивановском районе Челябинской области, и в пещере Серпиевская II (рис. 104). С удовлетворением я прочел недавно известие о начале реставрационных работ в Игнатьевской пещере и о ее закрытии для неконтролируемого посещения туристами.

С открытием на Южном Урале (впервые в Восточной Европе) пещер-святилищ с настенными рисунками позднепалеолитического возраста для археологов, историков искусства стало очевидным, что и в Западной Европе (Франция, Испания), и далеко на востоке (Южный Урал) палеолитические охотники сходным образом понимали пещеру в контексте мифологической картины мира: как средоточие мрака, как запредельный мир, как вход в лоно матери-Земли, как место совершения шаманских обрядов, связанных с магией плодородия, охотничье-промысловой магией.

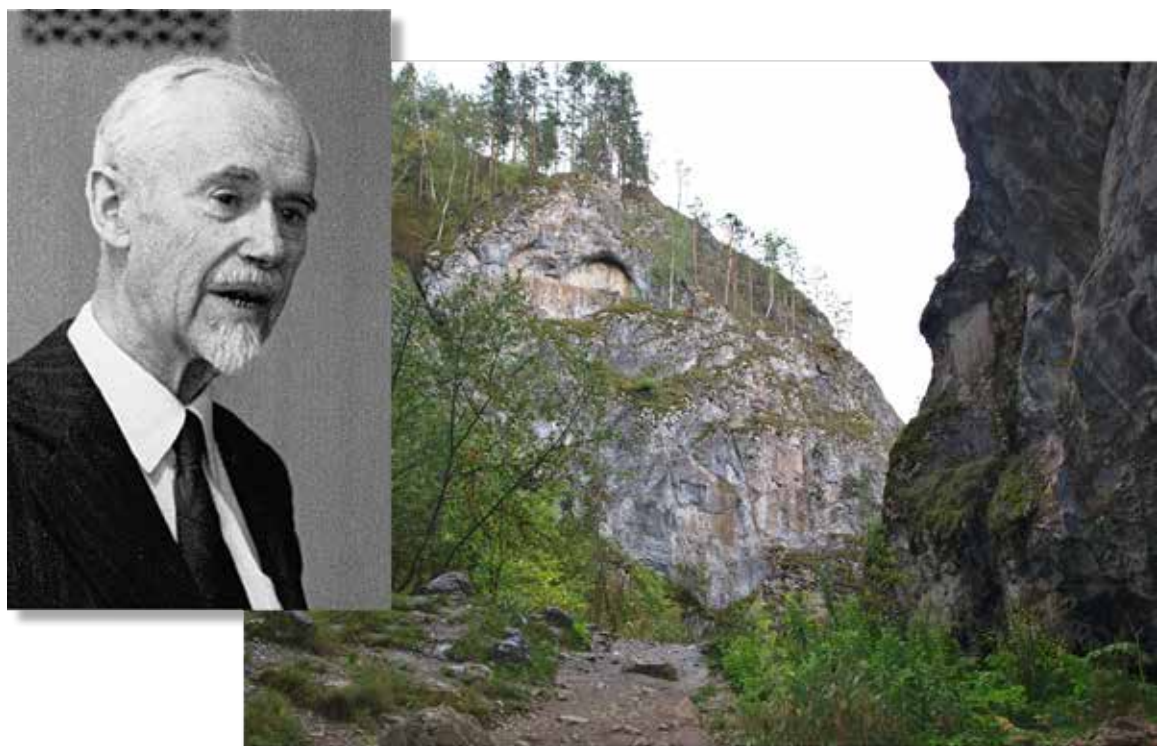

Рис. 103. Святилище позднего палеолита в пещере Шульган-таш (Каповой) и один из его исследователей О. Н. Бадер

Рис. 104. Святилище позднего палеолита в пещере Ямазы-таш (Игнатиевской) и его исследователь В.Т. Петрин

Урал и древняя история финно-угорских народов

При определении вклада нашего региона в сокровищницу древней и средневековой истории Евразии следует помнить, что Урал, в самом общем понимании, традиционно включается учеными в состав территорий первоначального сложения уральской языковой общности. Лингвистами установлено, что общность этих языков уже существовала тогда, когда в обиход вошли слова, обозначающие *лук, тетиву, наконечники стрел, долото, сверло, горшок, лыжи, нарты*. Возникновение этих слов в большинстве своем относится еще к эпохе мезолита — неолита, и позднее в финно-угорских языках сохранились их общие названия. Важным доказательством существования общности духовного мира неолитического населения Урала и лесных территорий западнее его (до Скандинавии) в каменном веке являются выраженные следы культа водоплавающих птиц (утки) в материальной культуре. В древней и средневековой истории Урала и сопредельных территорий имеются серийные примеры кремневой скульптуры, изображений на керамике, деревянных емкостей с ручками в виде головок птиц (рис. 105), отлитых из меди изображений птиц. В древних верованиях народов финно-угорского мира водоплавающим птицам отводилось важное место. И в позднейшие времена в эпосе «Калевала» мы находим миф о рождении Мира из яйца утки:

Из яйца, из нижней части
Вышла мать — земля сырая;
Из яйца, из верхней части,
Встал высокий свод небесный,
Из желтка, из верхней части,
Солнце светлое явилось;
Из белка, из верхней части,
Ясный месяц появился;
Из яйца, из пестрой части,
Звезды сделались на небе;
Из яйца, из темной части,
Тучи в воздухе явились.

Несомненно, логично видеть связь между предметами древних культур из археологических памятников и эпической традицией, бытовавшей издревле у лесных обитателей севера Восточной Европы и Урала (рис. 106).

Рис. 105. Деревянный черпак с ручкой в виде головы утки. Мезолит. Шигирская кладовая

Рис. 106. Сосуд с орнаментом в виде «уточек». Поздний бронзовый век. Могильник Черняки II, курган 2, погребение 2. Раскопки В. С. Стоколова. 1962 год

Безусловно, в материальном и духовном мире древних и средневековых народов Урала есть и другие особенности, отличающие его от иных земель: например, пермский звериный стиль декоративно-прикладного искусства.

У начала истории горного дела и металлопроизводства. Бронзовый век

Еще один повод гордиться местной древней историей... горное дело и металлопроизводство. Именно металлопроизводство не только придало древней истории региона яркое своеобразие, но и определило на долгие столетия направленность развития и образ жизни большого количества народов бронзового века, обитавших в открытых ландшафтах не только на Южном Урале, но и в Казахстане.

На рубеже IV—III тыс. до н. э. на юг Урала впервые в его истории проникают навыки горного дела, добычи медных руд, получения меди и изготовления из нее разнообразных предметов. Тогда же, в III тыс. до н. э., началась разработка месторождений. Так что горному делу и цветной металлургии на Южном Урале никак не менее 5000 лет.

Долины степных рек Оренбуржья и предгорья Урала с многочисленными речушками и ручьями, густыми травами стали в то время родиной продвинувшихся сюда из Поволжья племен древнейших скотоводов, которые, в отличие от местных южноуральских охотничье-рыболовецких племен, жили уже в бронзовом веке, вели подвижный (кочевой?) образ жизни, передвигаясь со стадами с пастбища на пастбище по строго определенному для каждой родовой общины маршруту в течение всего года. Лишь зимнее время они пережидали на сезонных зимних поселениях. Археологи называют их древнеямными племенами — за способ погребения умерших соплеменников в грунтовых ямах. Люди древнеямной культуры Волго-Уральского района по антропологическому облику были похожи на современных европейцев и, в отличие от местных уральских (протоугрозычных) народов, как считают некоторые ученые, были древнейшими индоевропейцами. Надо заметить, что до миграции в район Южного Приуралья древнеямных племен все пространство между Уральской горной страной и Каспийским морем занимали далекие предки протоугрозычных народов Урала.

Древнейшие скотоводы древнеямной культуры Оренбуржья раннего бронзового века стали также первыми в районе Урала строите-

лями геометризованных дерново-земляных надмогильных сооружений (их развалины мы сегодня называем курганами). Древнейшие повозки и тягловые животные в районе Урала появились вместе с ними.

Археологи изучили в Оренбуржье довольно много древнеямных могильников. Наблюдая и сравнивая размеры курганов, облик и степень «богатства» вещей, сопровождавших погребенных, они сделали вывод о том, что общество древнейших скотоводов уже знало неравенство. Это и неудивительно. Борьба за пастбища в условиях неустойчивого климата с его периодическими засухами и другими проблемами неизбежно приводила к образованию больших военно-политических союзов, которые могли силой оружия отстаивать права и защитить от врагов отдельные скотоводческие семьи и роды. Появились вожди, знать.

Подвижный облик их жизни предполагал частые контакты с соседями и, как следствие, обмен различными достижениями культуры и техническими открытиями.

В 50 км севернее Оренбурга, вдоль речушки Каргалы, с XVIII века известны гигантские по площади (500 кв. км) древние разработки медных руд (шахты и карьеры), которые с перерывами разрабатывались с эпохи бронзы и до XIX века. Ученые связывают начало истории Каргалинского рудного поля с горняками древнеямной культуры (рис. 107).

Древнеямные металлурги и кузнецы были настолько искусны, что могли изготавливать так называемые биметаллические предметы, в которых одна часть была из меди, а другая — из метеоритного железа. Интересно, что в то же самое время в Северном Казахстане, восточнее территории, занятой древнеямными скотоводами, жили фактически еще с каменного века потомки местного населения — носители аборигенных археологических культур. Казалось бы, у них, с такими соседями, как ямные племена, также должна была быть хорошо развита металлургия меди. Однако на их поселениях медные предметы и следы плавки меди практически неизвестны или почти неизвестны. Археологи думают, что эти народы, жившие здесь и прежде, говорившие на праугорских языках, и пришельцы — древнеямные племена, стали непримиримыми врагами и практически не общались.

Следующий этап древней истории металлопроизводства на Южном Урале отражает удивительное созвездие укрепленных поселений и относящихся к ним могильников. История их в Южном Зауралье длилась с XXI по XIX век до н. э.

Рис. 107. «Княжеское оружие» древнейшей культуры — медный топор. Случайная находка

Мы никогда не узнаем, как себя именовали обитатели укрепленных поселений того времени. Ученые дали таким поселениям условное название — «синташтинские памятники» — по первому открытому в степях в современном Брединском районе, на берегу реки Синташты укрепленному поселению и могильнику рядом с ним. Название реки, кстати, с казахского переводится как «Могильная».

Археологам очень помогли специалисты по... расшифровке снимков, сделанных с самолета. А у геологов имеются подобные снимки на все районы Южного Урала. Именно через окуляры стереоскопов дешифровщики геологических аэрофотоснимков Ия Михайловна Батанина и Нинель Викторовна Левит впервые в XX веке увидели в степях Южного Зауралья руины, казалось, навсегда потерянных в веках укрепленных поселений бронзового века. Поначалу их нашлось 14. К настоящему времени насчитывается 23. Полосой с севера на юг расположились они на Зауральском пенеплене вдоль восточных предгорий Южного Урала: от реки Уй до севера Оренбургской области.

Синташтинцы создали в Южном Зауралье новый, принципиально отличный от бытовавшего здесь ранее у местного населения образ жизни. Развитое пастушеское скотоводство сочеталось у них с высоким уровнем владения металлургическими знаниями и металлопроизводством в целом, со строительством сложных деревянно-земляных укрепленных поселений, новым, невиданным ранее обустройством семейных кладбищ (могильников).

Уже первые раскопки выяснили, что большинство из синташтинских укрепленных поселений обживалось и перестраивалось по меньшей мере дважды. Часто после запустения поселений на их развалинах строились новые подобные. Предметы, оставленные в них, убедили ученых в том, что они были построены уже другим, более поздним народом, известным археологам как алакульская культура.

В устройстве укрепленных поселений много общих черт. Каждое строилось по заранее разработанному плану. Использовались разнообразные строительные материалы: дерево, камень, глина, земля. Во рвах вокруг этих поселений имелись проходы к воротам. Сами обводные стены устраивались по-разному (рис. 108): каркасы из различных материалов наполнялись землей. К стенам изнутри пристраивались дома. Их справедливее назвать помещениями, потому что они стояли не отдельно друг от друга — их разделяли засыпные стены, а соединяли проходы в этих стенах. Помещения были перекрыты общей кровлей.

Если укрепления оконтуривали округлую в плане площадку, то помещения получались трапециевидными. Они располагались по кругу вдоль обводной стены, оставляя незастроенной центральную площадку. Если укрепления ограничивали прямоугольную площадку, то два ряда прямоугольных помещений пристраивались с внутренних сторон длинных стен; между ними располагалась центральная улица. Если ряды помещений ориентировались вдоль коротких стен, то улиц было несколько.

Для сооружения каждого из помещений рылся неглубокий котлован. Вдоль его краев вкапывались вертикально столбы, которые удерживали горизонтальные бревна стен. Из помещений можно было выйти на внутреннюю улицу. Выходы не имели ступенек и выглядели как некрутые подъемы. Полы выполнялись из дерева, стены в жилой части, возможно, штукатурились. Кровля над этими помещениями, скорее всего, была плоской, с наклоном внутрь поселения. Вряд ли можно представить помещение без световых окон в кровле, легких перегородок, деливших внутреннее пространство на отсеки. Предполагается, что в каждом помещении жила большая

Рис. 108. Остатки обводных оборонительных систем синташтинского и петровского периодов истории укрепленного поселения бронзового века Устье I. Раскопки Н. Б. Виноградова

семья из нескольких поколений близких родственников. По предварительным подсчетам, в подобных поселениях жило по несколько сот человек.

Почему археологи считают, что эти поселения сооружались по предварительному плану? Вот некоторые соображения по этому поводу. Размеры помещений в пределах одного поселения практически одинаковы. Колодцы, имевшиеся в каждом помещении, находятся на строго размеченном месте. Если встать перед одним из них, то все колодцы окажутся на одной линии. Это возможно только при условии, что линия колодцев была размечена до возведения стен.

Синташтинские укрепленные поселения существовали примерно в одно и то же время, но не обязательно одновременно. По разным причинам и в разное время они были оставлены людьми. Аркаим, например, несколько раз обжигался и забрасывался. На других поселениях, существовавших дольше, остались следы вполне обычной жизни. Люди, обитавшие здесь тогда, занимались скотоводством. В их стадах были крупный и мелкий рогатый скот, лошади. Тысячи костей домашних животных подтверждает это. Обломки керамики, костяные и каменные изделия повествуют о жизни, обычной для степных народов того времени. Но до сих пор над развалинами этих поселений витает дух колдовства. Раскапывая укрепленное поселение Устье, ученые встретили странные скопления костей домашних животных — под полом помещения, в глубокой яме, уложенные в круг 12 черепов коров, лошадей и овец. Внутреннее пространство круга было заполнено плотно уложенными костями ног тех же животных. Конечно, перед нами жертвенник (рис. 109), остатки ритуальной трапезы, а кости принадлежали жертвенным животным. По древним верованиям, в этой трапезе незримо должны участвовать и боги. Подобные жертвенники многочисленны и могут принимать различный вид. В частности, это может быть захороненная перед входом в помещение собака (рис. 110). Внутри помещений, рядом с входами, под полами были найдены погребения детей. Они интерпретированы как остатки обрядов. При их совершении определенные дети при определенных условиях их жизни и смерти хоронились именно здесь.

Одно обстоятельство удивило археологов во время изучения загадочных укрепленных поселений — огромное количество предметов, связанных с металлургией и обработкой бронзы: керамические льячки, каменные песты и молотки различных размеров, обломки рудотерок, куски малахита и азурита, металлургический шлак, слитки металла и готовые изделия (рис. 111). Во всех помещениях рядом с

*Рис. 109. Жертвенник из голов и ног домашних животных.
Укрепленное поселение бронзового века Устье I. Раскопки Н. Б. Виноградова*

*Рис. 110. Жертвенник — погребение собаки перед входом в помещение.
Укрепленное поселение бронзового века Устье I. Раскопки Н. Б. Виноградова*

колодцами постоянно находили округлые выкладки из прокаленных камней (рис. 112) или развалы глинобитных печей. Иногда от них к колодцам шла канавка. Оказалось, что это остатки печей, где не только готовили пищу, но и плавил металл. В этом случае печь загружалась древесным углем. Там же размещались готовый к расплаву слиток либо порция руды. Для достижения необходимой температуры в печь вдували воздух при помощи специального меха, соединенного с печью глиняной или деревянной трубкой — соплом (рис. 113). В редких случаях ученые, исследовавшие золу из этих очагов, обнаруживали в ней следы меди. Воздух мог поступать в печь и из колодца. Археологи и историки металлургии выяснили, что при определенных условиях это было возможно благодаря разнице температур у поверхности воды в колодце и наверху.

Итак, в каждом помещении имелась печь, которая использовалась не только для бытовых нужд, но и для металлопроизводства. Древние мастера умели ковать бронзовые предметы, отливать их в каменных или керамических формах, сваривать. В раскопанных около этих поселений могильниках найдены отдельные погребения мастеров-металлургов, а в каждом пятом синташтинском погребе-

*Рис. 111. Свидетельства
металлопроизводства
в бронзовом веке:
металлургический шлак,
слитки черновой меди,
полуфабрикаты-заготовки.
Укрепленное поселение
Устье I.
Раскопки Н. Б. Виноградова*

1

2

3

Рис. 112. Конструктивные детали теплотехнических устройств:

1 – развал глинобитного свода печи. Укрепленное поселение Синташта I

2 – каменная выкладка основания горна. Поселение Кулевчи III

3 – остатки дымохода с крупницами металлургической сажи. Поселение Кулевчи III

Рис. 113. Керамические сопла. Укрепленное поселение Синташта I и Синташтинский могильник. Рубеж III–II тысячелетий до нашей эры (бронзовый век)

нии найдены предметы, так или иначе связанные с металлопроизводством. В окрестностях некоторых из этих поселений уже найдены и древние рудники (рис. 114). Геологи сравнили добытую из них руду с образцами руды из поселений. По составу они оказались очень близкими.

Так что уже около 4000 лет назад на Южном Урале жили народы, одними из основных занятий которых, помимо скотоводства, были металлургия и металлообработка.

Рис. 114. Медно-магнетитовая руда Новотемирского рудника

Синташтинцы до сих пор продолжают удивлять археологов. Помните, мы уже говорили, что любой древний народ имел свое «лицо» (определенным образом обустраивал жилье и могилы, использовал одни и те же по форме и орнаменту глиняные сосуды и так далее)? Синташтинцы же — обитатели укрепленных поселений — будто решили посмеяться над археологами! В орнаментах их глиняной посуды переплелись черты нескольких культур бронзового века. Некоторые ученые объясняют это тем, что описанные поселения были оставлены переселявшимися в то время с запада на восток народами с различной керамикой. Но есть и другое предположение. Дело в том, что металлургией и металлообработкой занимались отдельные семьи (кланы родственников). И это неслучайно, ведь древние металлурги и кузнецы передавали тайны своего ремесла по наследству, из поколения в поколение. Ученые, изучавшие то, как живут и работают кузнецы у народов, чей образ жизни еще недавно был близок к древнему, установили, что даже жен кузнецы предпочитали брать из семей кузнецов соседних народов, чтобы тайны ремесла не стали известны непосвященным. Перейдя жить в поселение мужа, жена продолжала изготавливать глиняную посуду, как это было принято у женщин ее народа.

Может быть, этим и объясняется разнообразие орнаментов на посуде из загадочных поселений? А сезонное население их и составляли как раз члены нескольких кланов металлургов-кузнецов-литейщиков?

Знаете ли вы, чем отличается ремесло от волшебства? Конечно, волшебство предполагает власть колдуна над кем-то или чем-то, общение с духами, богами. Именно волшебством и были в глазах современников древняя металлургия и обработка металлов. В самом деле, как можно спокойно относиться к превращению зеленого камня в расплавленное «солнце», а затем — в золотистую бронзу?! Конечно, это самое настоящее волшебство, колдовство. Так и воспринимали кузнецов-литейщиков народы, которые еще сравнительно недавно жили жизнью, похожей на жизнь древних людей.

Древние металлурги считали металл «ребенком», родившимся от брака металлургической печи с воздухом, который нагнетался в нее при помощи мехов. Волшебными и, конечно, живыми, равноправными с мастером участниками колдовства считались и инструменты, особенно литейные формы и сопла (глиняные или деревянные трубки, соединявшие меха с печью). Археологи, раскапывая укрепленные поселения начала бронзового века в Южном Зауралье, не перестают удивляться тому, что среди многочисленных следов работы с рудой и металлом почти нет литейных форм и сопел. По раскопкам в других местах известно, что вышедшие из строя, сломанные литейные формы и другие принадлежности для металлургии древние мастера хоронили, как людей. Подобные «клады», состоящие из обломков литейных форм бронзового века, найдены на берегу Первого озера в черте Челябинска. Ученые считают, что уже в ту эпоху мастера могли создавать различные виды бронзы: один состав для изготовления оружия, другой — для украшений. Какие же это «дикари»?! Это сейчас у нас в распоряжении и книги, и приборы. Знания древних предшественников приобретались в ходе многочисленных опытов, превращаясь в обряд. Огненное ремесло и тогда было невозможно без мер и весов, без знания пропорций. Это отразилось не только во внешнем виде предметов той поры, но и в правильности очертаний поселений в целом, строгости внутренней застройки. Конечно, оборонительные укрепления использовались прежде всего для защиты поселений от врагов. Но было у них и другое назначение — играть роль своеобразной магической черты, границы, которая отделяла мир колдунов-металлургов от мира обычных людей, смотревших на них со страхом и поклонением.

Южноуральские мастера бронзового века не только изготавливали бронзовые предметы, но и совершали экспедиции к соседним

и весьма далеким народам. Откуда мы узнаем об этом? Дело в том, что они оставили могилы своих сородичей далеко от родных мест, на чужих кладбищах на просторах от Западной Сибири до Подонья. Почему там эти могилы должны считаться могилами южноуральцев? Каждый народ хоронил своих умерших сородичей по-своему, и археологи, увидев почти полное их сходство с южноуральскими, решили, что эти люди туда пришли с Южного Урала.

Откуда взялись укрепленные поселения мастеров-металлургов? Среди ученых в ходу несколько гипотез. Одни специалисты утверждают, что из степей нынешнего Оренбуржья в Южное Зауралье около 4000 лет назад переселился народ, обладавший секретами огненного ремесла. Пришельцы нашли здесь «кладовые» медных руд и вместе с местными народами стали их разрабатывать.

По мысли других, появление в наших местах 4100 лет назад невиданных ранее монументальных укрепленных поселений — результат дальней, из района Малой Азии, миграции небольшой по численности хорошо вооруженной группы, владевшей передовыми для того времени технологиями, в том числе и таинством металлопроизводства.

Какого мнения придерживаюсь я? Своего.

По-моему, синташтинские кланы-общины объединяли горняков, металлургов, кузнецов и литейщиков иногда нескольких соседних южноуральских археологических культур, в частности абашевской и некоей «протосрубной» культур Южного Урала и позднейших энеолитических культур Южного Урала и Северного Казахстана.

В этом случае нет смысла представлять население синташтинских укрепленных поселений как результат дальних миграций из Малой Азии или другого отдаленного от Южного Урала региона, где в предшествующее время имели место круглоплановые укрепленные поселения и высокоразвитое металлопроизводство.

Полная заселенность синташтинских укрепленных поселений, скорее всего, была сезонной и зависела от возможности ведения работ по добыче руды и переработке ее в металл. Люди, оставившие укрепленные поселения синташтинского типа, создали модель жизни, резко отличную от скотоводческих степных культур позднего бронзового века на этой же территории.

Чем же они отличаются?

Синташтинская территория разделяется на две части — внутреннюю и внешнюю. Внутренняя вытянута полосой с севера на юг вдоль насыщенного зонами медной минерализации восточного макросклона гор Южного Урала. Здесь известны как синташтинские

укрепленные поселения, так и могильники. Во внешней части (до Среднего Притоболья на восток и фактически до Поволжья на запад) — лишь одиночные курганы или даже единичные погребения.

Синташтинскую историю отличает традиция использования практически исключительно укрепленных поселений.

Синташтинские укрепленные поселения приурочены к лесным массивам и месторождениям медьсодержащих минералов.

Синташтинские укрепленные поселения расположены нелогично в рельефе, с точки зрения практики фортификации.

Синташтинские укрепленные поселения отличает геометризованная модель пространства для жизни, включая архитектурный стиль. Я понимаю это как логическое следствие владения системой абсолютных величин — мер длины, веса и объема — и приемов обращения с ними, необходимых прежде всего для процессов, связанных с металлопроизводством.

Особенности организации металлопроизводства, его этапы и их практическая реализация для синташтинского населения пока не определены.

Памятники синташтинского типа отличает оригинальная гончарная технологическая традиция, предполагавшая использование в качестве форм-основ старых сосудов необходимого объема.

Только для памятников синташтинского типа прослежена в ряде случаев и пока не нашла объяснения традиция разделения поселенческих и погребальных памятников водной преградой.

Именно в синташтинской среде зародилась и оформилась оригинальная концепция функционирования погребальных памятников (погребальных площадок). Она была усвоена жившими позднее алакульскими общинами как в Южном Зауралье, так и в Казахстане.

Синташтинские памятники характеризуют разнообразная, удивительно сложная и тотально «богатая» погребальная обрядность, многочисленные разнотипные жертвенные комплексы, в первую очередь из частей туш животных, как на поселениях, так и (особенно) в могильниках. Эта особенность — показатель сложности духовного мира и материального богатства неясного происхождения.

Примечательно, что этот достаточно сложно организованный мир, насыщенный «высокими технологиями» того времени, сконцентрированный за стенами укрепленных поселений, на рубеже III—II тыс. до н. э. соседствовал с традиционным хозяйством и бытом фактически конца каменного века местных позднейших энеолитических культур.

Около 3800 лет назад строительство укрепленных поселений металлургов-кузнецов прекратилось и в бронзовом веке более не возобновлялось. По каким-то причинам необходимость в них отпала. Нет, огненное ремесло не исчезло. Просто оно стало другим. Вряд ли ученые придут к одному мнению, обсуждая причины прекращения строительства таких поселений. Но поразмышлять над этим стоит.

Археологи считают, что общество синташтинцев было обществом равных, что не исключало власти вождей, хотя и по этому вопросу среди ученых нет единства мнений. Синташтинцы не только создали уникальное общество колдунов — металлургов и кузнецов. Они были одними из первых народов в степях Евразии, создавших легкую деревянную двухколесную колесницу, запряженную двумя конями.

Обитатели синташтинских укрепленных поселений очень сильно повлияли на процесс формирования и направление развития нескольких крупных археологических культур бронзового века степей и лесостепей Южного Зауралья и Казахстана, в частности сразу нескольких алакульских культур, объединенных исследователями в алакульскую культурно-историческую общность.

Носители алакульских культур открытых ландшафтов Южного Зауралья и Казахстана — потомки населения местных энеолитических культур — не только активно усвоили престижную для них модель жизни синташтинцев, включая занятия пастушеским скотоводством и, на раннем (петровском) этапе, строительство укрепленных поселений, горное дело и металлопроизводство, но и переняли способы формообразования глиняных сосудов с использованием старых сосудов в качестве основ и влажной текстильной прокладки. Даже принципы организации большесемейных погребальных площадок в алакульских могильниках берут свои истоки в синташтинской традиции.

В древней и средневековой истории Урала мы не найдем другого эпизода столь масштабного воздействия относительно немногочисленной группы населения на кардинальную трансформацию образа жизни народов, живших в открытых ландшафтах Южного Урала и окружающих территорий, прежде всего необъятных степей Казахстана.

АРКАИМ. РОЖДЕНИЕ МИФА

Я долго не решался обсуждать обозначенную тему. Нерешительность была обоснованной. С одной стороны, даже первичное открытие древностей этого круга и сегодня нельзя считать завершенным процессом. Время от времени появляются сообщения об обнаружении новых укрепленных поселений бронзового века в Южном Зауралье. С другой стороны, за несколько десятилетий со времени открытия памятников опубликованы результаты раскопок лишь единичных могильников и укрепленных поселений этого круга, которые можно считать полноценными источниками. А отсутствие полноценных публикаций обо всех исследованных памятниках этой группы резко сужает возможность их анализа и интерпретации научным сообществом и столь же резко увеличивает спекулятивные шансы сочинений разнообразных популяризаторов параллельной археологии, археоастрономии или эзотерики, приверженцев различных политических учений и этнических корпораций на успех у публики.

И тем не менее я решился на этот шаг. Для моего решения есть веские основания. Прежде всего то, что на протяжении нескольких десятилетий я занимался выявлением и изучением укрепленных поселений бронзового века и относящихся к ним могильников в Южном Зауралье.

Летом 1987 года в засушливых степях на юге Челябинской области двое школьников, работавших в составе археологической экспедиции ЧелГУ (руководитель экспедиции — ныне доктор исторических наук С. Г. Боталов), зажгли звезду Аркаима. Если говорить более приземленно — они случайно наткнулись на развалины, которые археологами были определены как руины укрепленного поселения, существовавшего около 4000 лет назад, в бронзовом веке.

Нельзя сказать, что ранее укрепленные поселения бронзового века в Южном Зауралье не были известны. Еще в конце 1940-х годов К. В. Сальников изучал под Магнитогорском так называемое Мало-Кизильское селище с явными следами оборонительных укреплений и военной катастрофы. В начале 1970-х годов В. С. Стоколос раскапывал укрепленное поселение бронзового века у села Кизильского, на берегу реки Худолаз — старичной протоки реки Урал (рис. 115). В это же время археологами из Уральской археологической экспедиции было начато исследование Синташтинского укрепленного поселения на реке Синташте в Брединском районе (рис. 116). Именно по этому впервые открытому памятнику остальные стали

Рис. 115. Археолог Владимир Савельевич Стоколос исследует укрепленное поселение бронзового века у села Кизильского. 1971 год

Рис. 116. Археолог Владимир Федорович Генинг на раскопках укрепленного поселения бронзового века Синташта I демонстрирует экскурсантам оборонительный ров. 1974 год

называть «памятниками синташтинского типа» или «памятниками синташтинской культуры». В Северном Казахстане на рубеже 1960–1970-х годов Г. Б. Зданович также открыл целую серию укрепленных поселений бронзового века: Петровка II, Новоникольское I, Боголюбово I. Первым из них было открыто поселение Петровка II, поэтому подобные памятники стали называть «петровскими».

Так что проблема для специалистов была не новой. Но до находки Аркаима, названного так исследователями по расположенной неподалеку горе, укрепленные поселения бронзового века такой степени сохранности, практически без следов современного антропогенного воздействия, археологам еще не встречались. На аэрофотоснимках до раскопок просматривалась четкая концентрическая структура — почти идеальный круг.

Проблема была в другом. Найденный памятник находился в зоне затопления практически уже построенного Караганского водохранилища, должен был быть затоплен и потерян для науки. Археологи ЧелГУ, опираясь на широкую общественность, в том числе научную, сделали невозможное. Правительство остановило стройку, памятник был спасен. В период неопределенности исхода борьбы за Аркаим археологи приложили максимум усилий для его изучения. Объединенными силами было спешно исследовано более 8000 кв. м площади поселения — невиданные масштабы раскопок на поселенческих памятниках бронзового века в регионе.

Инициативная группа ученых во главе с Г. Б. Здановичем приступила к формированию на базе Аркаима научного центра по его изучению. Комплексное изучение Аркаима должны были вести представители различных отраслей знания. За относительно короткое время в глухой степи рядом с древним укрепленным поселением при активной поддержке федерального и регионального правительств появились поселок, дорога к нему, музей, электричество, современная связь.

Дальнейшее известно всем. Аркаим превратился в... знак, некий феномен. Феномен удивительный, и не столько археологический, сколько культурологический и психологический. В 1999 году увидел свет каталог публикаций, посвященных Аркаиму и вышедших из печати между 1987 и 1997 годами. Оказалось, что за десять лет с момента открытия памятника о нем было написано около 400 статей! В версии каталога 2006 года было указано уже около 800 статей. В абсолютном большинстве это материалы из разнообразных журналов и газет. Авторы предлагают свою трактовку различных аспектов жизни обитателей укрепленного поселения и выдвигают свои

гипотезы относительно самого населения Аркаима. Специальных научных статей по материалам этого поселения почти нет. Точнее, их можно перечесать по пальцам.

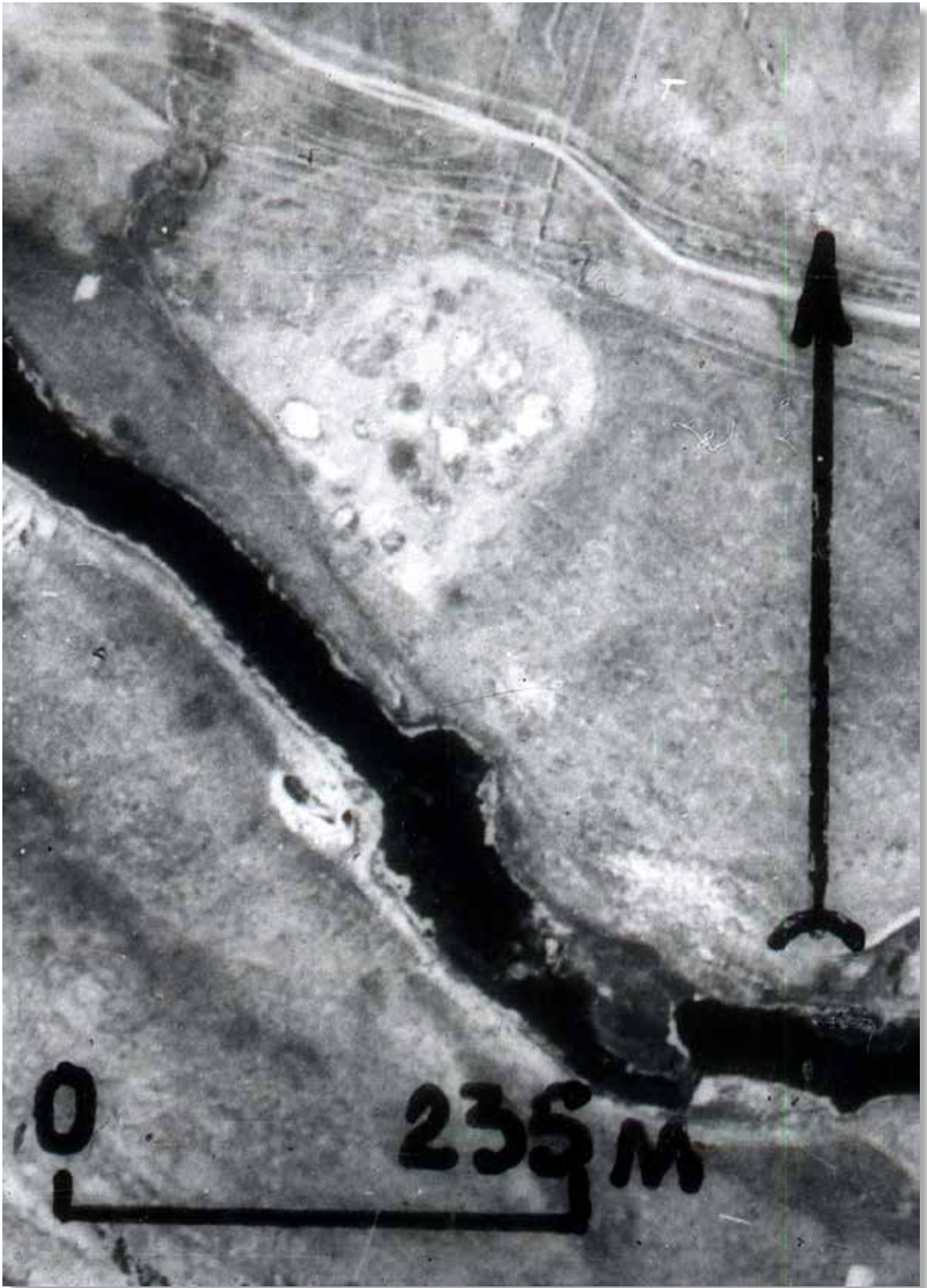
Между тем в археологии действует жесткое правило: любые интерпретации, любое обсуждение возможны лишь после полного источниковедческого изучения памятника, полной публикации материалов по результатам его раскопок. Со времени открытия Аркаима прошло 30 лет. Материалы его раскопок (за исключением скромной в сравнении с масштабами работ керамической коллекции) до сих пор не обнародованы. Но сотни публикаций, в том числе и интервью с исследователями Аркаима, десятки популярных фильмов уже все объяснили читателям и зрителям. Статьи об Аркаиме включены в энциклопедии, причем не только отечественные. Аркаим стал брендом Челябинской области.

Как вы заметили, до сих пор речь шла лишь об Аркаиме. Действительно, широкой аудитории до поры до времени создатели феномена Аркаима предпочитали говорить о нем лишь как об исключительном, уникальном, не имеющем аналогов археологическом памятнике. Позднее, в 1990-е годы, читатели, зрители и слушатели по всей стране и за ее пределами вдруг узнали и поняли, что Аркаим — лишь одно из более чем двадцати похожих друг на друга укрепленных поселений, существовавших в Южном Зауралье, от широты Челябинска до Северного Оренбуржья, примерно в одно и то же время и оставленных одним и тем же населением. Но хит Аркаима остался непоколебим в народном сознании, как и уверенность в его уникальности.

Поздней осенью 1986 года я познакомился с двумя милыми женщинами-геологами: Ией Михайловной Батаниной (рис. 117) и Нинель Викторовной Левит. Они занимались дешифровкой аэрофотоснимков для нужд южноуральской геологии, а я к тому времени уже несколько лет раскапывал укрепленное поселение бронзового века Устье I на границе Карталинского и Варненского районов. Мне хотелось увидеть, как планировка моего памятника, точнее его руин, выглядит на аэрофотоснимке. По этому поводу мы и встретились с И. М. Батаниной. Я объяснил цель моего визита. Она нашла нужный аэрофотоснимок, и мы вместе насладились невероятным зрелищем — общим видом укрепленного поселения Устье I: светлым фототоном развалов оборонительных стен, темными полосками рвов. Через неделю Ия Михайловна позвонила мне и сообщила, что нашла... 14 подобных объектов (рис. 118). Сказать, что это известие произвело на меня сильное впечатление, — ничего не сказать. Так

Рис. 117. Ия Михайловна Батанина на раскопках укрепленного поселения Устье I. 1986 год

*Рис. 118. Укрепленное поселение Ольгино (Каменный Амбар).
Фрагмент аэрофотоснимка*

зимой 1986/87 годов было сделано выдающееся открытие — одно из самых ярких не только в археологии страны, но и в мировой археологии XX века. И сделала это открытие геолог, дешифровщик аэрофотоснимков Ия Михайловна Батанина. А я горд тем, что волей слепого случая стал первым археологом, наблюдавшим на аэрофотоснимках очертания неведомых и немыслимых ранее монументальных укрепленных поселений бронзового века в степях Южного Зауралья (см. интервью с И. М. Батаниной в газете «Хроника»*) (рис. 119). Позднее я скопировал изображения укрепленных поселений с предоставленных Ией Михайловной аэрофотоснимков и отмасштабировал их от руки.

В 1987–1989 годах отряды нашей экспедиции впервые в истории южноуральской археологии обследовали помимо поселения Устье I еще несколько укрепленных поселений бронзового века, обнаруженных дешифровщиками. В 1987 году нами было впервые обследовано укрепленное поселение Ягодный Дол (по версии Г. Б. Здановича — Берсуат). Был выполнен глазомерный план, заложен шурф, сделано описание**. В 1988 году обследовано и укрепленное поселение Родники, составлен его инструментальный план***. Поселение Черноречье III в 1989 году было обследовано мной как укрепленное. Был составлен план, заложены два шурфа, сделано описание визуально наблюдаемых остатков оборонительных сооружений****. Укрепленное поселение Журумбай в Карталинском районе обследовал В. П. Костюков.

Стало понятно, что для комплексного исследования всей уникальной совокупности укрепленных поселений бронзового века в Южном Зауралье необходим проект в рамках Академии наук СССР в целом с подключением к нему разнопрофильных специалистов. Но история неожиданно стала развиваться в принципиально ином направлении. Мы не афишировали открытие, но утечка информации случилась. Руководство археологической лаборатории ЧелГУ немедленно пригласило на работу И. М. Батанину и Н. В. Левит, и далее я не считал возможным участвовать в этих исследованиях, хотя мне формально это однажды (я подозреваю, по настоянию И. М. Батаниной) и предлагали, и сосредоточился на изучении укрепленного поселения Устье I, могильника Кривое Озеро. Этот аспект касается предыстории.

Далее будем говорить о степени опубликованности источников

* Батанина И. М. Страна городов с птичьего полета // Хроника. 1995. 25 мая.

** Научно-отраслевой архив Института археологии Российской академии наук. Ф-1. Р-1. № 12340.

*** Там же. № 14677.

**** Там же № 22637.

Сейфы «первых отделов» советской страны за семью печатями хранили тысячи аэрофотоснимков с четкими отпечатками древних крепостных стен и некрополей. И, кто знает, узнал ли бы просвещенный мир о древней Стране городов, которая существовала без малого 4000 лет назад, и не остались ли бы Синташта и Аркаим феноменами на земле Южного Урала, не перекрестись пути археологов и аэрогеологов?

Первым археологом, обратившимся за помощью к аэрогеологам в 1986 году, был Н.Б.Виноградов, преподаватель Челябинского пединститута. Он раскапывал очень сложное, многослойное поселение эпохи бронзы Устье на реке Нижний Тогузак. Участок речной террасы с поселением много лет распаивался. У края террасы хорошо про-

сматривался мощный глиняный вал, глубокий ров, во множестве были разбросаны по всей площади котлованы жилищ. Но общий план поселения не поддавался расшифровке. Наверное, очень хотелось взглянуть на всю эту мозаику с высоты птичьего полета. Николай Борисович был первым археологом, который рассказал нам об эпохе бронзы на Южном Урале, о том, как устроены были поселения, и что такое курганы. Ему первому мы показали аэрофотоснимок террасы реки Уй с необычными буграми, в которых он сразу же узнал курганы. Никогда не забыть того радостного потрясения, которое испытали и мы, аэрогеологи — я и Нинель Викторовна Левит, руководитель нашей группы, и сам археолог от этого, казалось бы, неболь-

шого открытия «для себя»!

Мы еще не знали тогда, что у нас в руках путеводная нить, которая приведет нас в замечательный мир археологии, и с ее помощью нам удастся увидеть древнюю страну, раскинувшуюся на обширной территории Южного Урала.

Первый «город» — Степное — я увидела на аэрофотоснимке вскоре после встречи с Н.Б. Виноградовым. На берегу реки Уй, невдалеке от некрополя, под стеклами стереоскопа вдруг открылся светлый прямоугольный вал с закругленными углами. Внутри этого вала располагалось несколько рядов темных небольших впадин, образующих своеобразные «улучки». Показала снимок Н.Б. Виноградову — оказалось городище бронзового века! Позже мы увидели, изучая снимки под приборами, более древнее

Рис. 119. Интервью И. М. Батаниной в газете «Хроника» от 25 мая 1995 года

для интерпретационных построений. Из всей совокупности поселенческих синташтинских памятников за истекшие десятилетия на семи велись более или менее масштабные полевые исследования. Монографические труды опубликованы лишь по результатам изучения укрепленного поселения Устье I. Сведения об остальных фрагментарны. Что касается погребальных памятников, то монографические публикации посвящены лишь материалам раскопок могильников Синташтинский, Большекараганский, Каменный Амбар 5 и Кривое Озеро. То есть степень введения в научный оборот материалов о синташтинских поселениях минимальна. Соответственно максимально сужена база для интерпретации этих материалов. Но это в теории.

На практике еще в 1990-е годы оформилась концепция интерпретации обсуждаемой группы памятников. За исходную модель Г. Б. Зданович взял разработанную В. М. Массоном для бронзового века юга Средней Азии с его орошаемым земледелием концепцию так называемых протогородских центров, сочетавшихся с сельско-

хозяйственной округой. На первых порах осмысления памятников синташтинского типа Г. Б. Зданович пытался найти в них все основные параметры, характерные для протогородских центров юга Средней Азии: земледелие (едва ли не орошаемое) с сельскохозяйственной округой протогородских центров, иерархическая организация поселений (наличие, помимо укрепленных, и не укрепленных), глинобитная архитектура и даже зачатки письменности.

Надо ли говорить, что все эти признаки (за исключением спорадического использования глины в качестве строительного материала на некоторых памятниках) в структуре синташтинских памятников отсутствуют? Отсутствие ключевого элемента — земледелия, подтверждено еще в конце 1980-х годов инструментально. Более двадцати попыток получить свидетельства наличия земледелия из культурного слоя Аркаима методом флотации дали отрицательный результат. Сам В. М. Массон весьма скептически отнесся к переносу критериев протогородских центров юга Средней Азии на южноуральскую почву. Синташтинским укрепленным поселениям Г. Б. Зданович дал поэтичное (и не сообразующееся с наукой) название «Страна городов». Феномен «Страны городов» в разное время в различных статьях автором определялся как «протоцивилизация», «протогородская цивилизация», «супер культурное» образование, надстроенное над археологическими культурами степной и лесостепной Евразии, «ступень, связанная с формированием сегментных обществ и протогосударственных образований», «одна из ранних индоевропейских цивилизаций», «ранняя бесписьменная цивилизация»... Сами же укрепленные поселения понимались как «урбанизированные территории», протогорода.

С определением южноуральских поселений бронзового века как протогородов вряд ли можно согласиться. Их архитектуру отличает полное отсутствие общественных зданий, предназначенных для управления властных функций. Ремесло (металлопроизводство) равномерно в остатках распределено по всей территории поселений. До сих пор отсутствуют свидетельства существования неукрепленных синташтинских поселений, а значит, нет их иерархии.

Ощущая экстраординарность синташтинских памятников, Г. Б. Зданович постоянно подчеркивает культурогенетическую активность населения этих укрепленных поселений. Особенно когда речь идет о финале истории синташтинского населения в Южном Зауралье. Финал этот представляется Г. Б. Здановичу как исход населения (на юг и на запад, вплоть до Балканского полуострова и Карпат). Причем в одной из ранних статей Г. Б. Зданович уверенно

говорит о том, что южноуральские «синташтинцы» отправились в финале своей истории в Иран, а петровское население Северного Казахстана — в Индию. На наш взгляд, это существенное упрощение понимания тех сложных исторических процессов, которые сопровождали распространение синташтинских культурных стереотипов среди местного населения степей Южного Зауралья и Северного Казахстана, а позднее уже петровских культурных стереотипов — по просторам степей Казахстана и Средней Азии.

Так как же все-таки родился миф об Аркаиме? Мы присутствовали при его рождении и ничего не могли поделать! Миф родился. Самое время назвать его режиссеров и сценаристов. Это и ученые, лишенные в эпоху перестройки малейших перспектив на поддержку государством их проектов. Это и чиновники, призванные демонстрировать заботу о сохранении культурного наследия и лишенные на рубеже 1980–1990-х годов всяческих возможностей делать это.

Из того времени всплывают два эпизода. Первый — моя встреча с тогдашним первым заместителем губернатора Челябинской области П. И. Сумина — А. Н. Косиловым. Вопрос мне был задан только один: «Что такое Аркаим?» В ответ я рассказал часть того, что повторяю в этом тексте. Не убедил! Мои аргументы не перевесили ожидания возможных дивидендов от мифотворчества, и Администрация Челябинской области приняла решение поддержать рождение мифа об Аркаиме. Это закономерно.

Второй эпизод — заседание областного Совета, где решался вопрос о широком участии государства в исследовании Аркаима. Напрасно я взывал к участникам собрания о том, что таких уникальных поселений (на тот момент) около двух десятков и все они нуждаются во внимании и охране. Не услышали. Решение было принято. И это тоже закономерно.

Все, кто жил в те годы, согласятся со мной. Это было время «униженных и оскорбленных». Старые идеалы растоптаны. Новых нет. И тут «появляется» Аркаим во всей красе и «говорит»: «Успокойтесь! Вас подпирают из глубины тысячелетий гениальные предшественники... за тысячу лет до Трои...» Ожидание чуда завершилось его пришествием. А затем начались и вовсе совершеннейшие чудеса. Уже сам Аркаим оказался, по мысли ряда авторов, уникальным археоастрономическим объектом. Я, не будучи специалистом в астрономии, оставлю критику этого аспекта феномена Аркаима профессионалам.

Практически сразу интерес к Аркаиму проявили эзотерики. Ни-

когда не забуду, как большая делегация сторонников эзотерического толкования Аркаима и похожих памятников посетила нашу экспедицию на Устье. После небольшой моей ознакомительной экскурсии по памятнику, на следующее утро, после своеобразной молитвы с воздеванием рук к солнцу гости устроили уже для меня свою экскурсию, в ходе которой рассказали, где на Устье стоял главный жрец, и процитировали краткое содержание его проповеди.

Авторский взгляд

Я полагаю, что появление в Южном Зауралье синташтинских укрепленных поселений было связано не только со скотоводством, но и с металлопроизводством. Жизнь их относительно немногочисленных обитателей была совершенно не похожа на жизнь местных охотников-рыболовов, которые в Южном Зауралье в это время фактически еще жили в каменном веке небольшими по численности родовыми группами на небольших стоянках.

Синташтинцы выстроили по берегам степных рек огромные по меркам того времени деревянно-земляные поселения, обнесенные стенами и рвами. Если посмотреть на них сверху, то окажется, что стены и рвы окружали округлую, овальную или прямоугольную площадку. Причем, как выяснилось позднее, форма площадки, оконтуренной оборонительными сооружениями, не является хронологическим репером. Не все поселения с прямоугольной конфигурацией оборонительных сооружений — поздние, и наоборот.

В таких поселениях, в помещениях, расположенных рядами вдоль стен, как считают ученые, могло жить одновременно, если пользоваться разными системами подсчета, от нескольких сотен до нескольких тысяч человек. Привыкшие жить небольшими группами родственников на столь же небольших стоянках местные жители — охотники-рыболовы присматривались к огромным по меркам того времени крепостям. Можно только догадываться, какие они испытывали чувства при этом: удивление, страх или почтение?

При раскопках почти всех исследованных укрепленных поселений бронзового века археологи неизменно получали разнообразные свидетельства металлургии. Инструменты и принадлежности металлопроизводства, комки разноцветной глины со следами меди (с месторождения?), куски медной руды и обломки шлаковых лепешек изредка встречаются при раскопках синташтинских и петровских гробниц.

Четверть века назад я высказал предположение о приуроченности

синташтинских укрепленных поселений Южного Зауралья к месторождениям медьсодержащих минералов. В последние годы в непосредственной близости от укрепленных поселений было обнаружено несколько рудников с бесспорными свидетельствами их разработки в бронзовом веке.

Известный геолог Виктор Владимирович Зайков еще в 2007 году заметил приуроченность южноуральских укрепленных поселений бронзового века и к лесным массивам — источникам древесного угля.

Так или иначе, к настоящему времени в Южном Зауралье и прилегающих районах Северного Казахстана известно не менее 23 синташтинских укрепленных поселений. Укрепленное поселение Аркаим — одно из них.

Длительность обживания каждого конкретного укрепленного поселения конечно зависела от сочетания многих факторов. Не последним из них была, по моему мнению, перспективность разработки месторождения медьсодержащих минералов, близ которого и сооружалось поселение. В случае с Аркаимом, рискну предположить, месторождение не оправдало ожиданий разведчиков, и поэтому укрепленное поселение *несколько раз отстраивалось и забрасывалось*. Во всяком случае это хотя бы как-то рационально объясняет крайнюю немногочисленность находок при раскопках Аркаима.

И последнее. Как это ни парадоксально, написанное выше не относится к заповеднику «Аркаим». За немалые уже годы работы он вполне доказал свою эффективность как научно-просветительский центр, ориентированный на комплексное научное изучение края — от биогеоценозов степей до разнообразных тайн древней истории.

ОНИ НЕ МОГЛИ НЕ УМИРАТЬ

Многие считают, что со смертью человеческая жизнь заканчивается навсегда. Но есть и другие точки зрения. Древние народы полагали, что человек не умирает. Это просто его душа... меняет тело и продолжает жить в другом человеке либо переселяется в иной мир, откуда нет возврата.

Древние греки, например, считали, что «глубоко под землей царит неумолимый брат Зевса Аид. Полно мрака и ужасов его царство. Бездонные пропасти ведут с поверхности Земли в печальное царство Аида. Там протекает все леденящая река Стикс, водами которой клянутся сами боги... Катят там свои волны Коцит и Ахеронт. Суровый старый Харон, перевозчик душ умерших, не повезет через мрачные воды Ахеронта ни одну душу обратно туда, где ярко светит солнце жизни. Кстати, именно Харону предназначалась мелкая серебряная монета, которую вкладывали умершему в рот. Предполагалось, что ею будет оплачена поездка души в один конец, через реку, из мира живых в мир мертвых. На вечное безрадостное существование обречены души умерших в мрачном царстве Аида» (цитируется по книге Н. А. Куна «Легенды и мифы Древней Греции»).

Древние индийцы верили в существование «страны блаженных» — страны вечного счастья, расположенной на острове среди Молочного моря. Только избранные попадают туда, и то только после окончания жизни на Земле.

Реки, разделявшие миры

Среди тайн, связанных с историей народов бронзового века Южного Урала, которых ученые условно называют «синташтинцами» и алакульцами», одна имеет прямое отношение к теме этой главы. Дело в том, что кладбища (могильники) обитателей укрепленных поселений бронзового века, о которых уже шла речь в этой книге, зачастую расположены *на противоположном берегу реки* (рис. 120). И это при том, что на берегу, где находится поселение, более чем достаточно подходящих для кладбища мест. Один, два или даже три таких примера можно было бы назвать случайностью. Но их больше, значит, перед нашими древними земляками в этих случаях была не просто река, разделяющая поселение и кладбище, а именно граница между мирами. Такой границей между укрепленным поселением Устье и могильником Солнце II была река Нижний Тогузак, что протекает недалеко от небольшого поселка Солнце Варненско-

Рис. 120. Четыре тысячи лет назад реке Нижний Тогузак было суждено разделять мир живых (укрепленное поселение Устье I) и мир мертвых (могильник Солнце II)

го района, река Карагайлы-Аят — между укрепленным поселением Ольгино (Каменный Амбар) и могильником Каменный Амбар 5 у современного села Варшавского в Карталинском районе.

Смысл обряда погребения в древности

Представления о загробной жизни у древних людей были связаны с представлениями о душе. Ее нельзя увидеть, услышать или потрогать. Но она есть у всего живого, а зачастую и у вещей. По представлениям древних, душа, покинув тело человека, не сразу спешит в иной мир, а делает промежуточную остановку. У многих древних народов существовал обычай представлять душу в виде птицы, изображение которой хранилось в святилище в то время, когда душа уже покинула тело человека, но еще не переселилась в иной мир. По мнению ученых, таким «временным пристанищем» для душ умерших людей у большинства народов являлись и могилы.

Археологи единодушно считают, что обряд погребения умершего сородича у древних народов связан именно с представлением о переводе души умершего из одного мира в другой.

У большинства древних народов считалось, что на том свете умершие люди либо станут жить лучше, чем на этом, либо будут продолжать жизнь, какую вели до смерти. А это значит, что вожди будут вождями, воины — воинами, мастера — мастерами и так далее. Поэтому по-разному выглядели могилы этих людей и насыпи над ними.

Но очень важное правило необходимо запомнить, начиная разговор о погребальных обрядах древних земляков. У каждого народа постепенно складывались общие представления о том, как должны быть организованы церемония похорон, прощание с умершим, какие должны быть сказаны слова, «плачи» по умершему, как обрядовать тело, как и кому нести покойника на кладбище, в какое время года, месяца, дня, каким должен быть «дом мертвого», как разместить в могиле тело и вещи, переданные умершему сородичами для жертв богам и духам, для жизни в ином мире.

Погребальные обряды одного народа отличались от подобных у других. Древние погребения тоже позволяют археологам «узнавать» древние народы. Археологи, к сожалению, способны лишь частично изучить древние погребальные обряды, точнее, только их следы, которые можно увидеть, потрогать. Большая часть погребальных церемоний древних земляков утрачена навсегда, ведь нельзя сегодня услышать древние плачи или определить, сколько дней прощались сородичи с умершим родственником. И последнее: погребальная церемония и в древности, и сейчас — событие, но событие печальное.

Погребения каменного века на Южном Урале

История людей в нашем крае насчитывает около 300 тысяч лет. Но самые древние погребения, открытые учеными здесь, относятся лишь к концу каменного века (не ранее восьми тысяч лет назад). А где же погребения более древних земляков?

Надо учитывать, что обряд погребения мог и не предполагать захоронения тела в земле. Лесные народы Западной Сибири, к примеру, оставляли умерших на лесных полянах-кладбищах в... санях, лодках, на специально сооруженных деревянных помостах (рис. 121). Шаманов, например, могли хоронить на деревьях, привязав их тела, обернутые в кору, к ветвям. От подобных погребений уже через незначительный промежуток времени мало что оставалось.

Рис. 121. Погребальный помост у хантов

Самое древнее погребение в Зауралье было случайно найдено у деревни Пеган в Курганской области. Почти 50 лет назад местные жители добывали глину для домашних нужд в карьере на берегу небольшого озера. Здесь они случайно наткнулись на человеческие кости. По их словам, человек был похоронен... стоя. У костей его ног были обнаружены каменный топор, костяной кинжал с каменным, составленным из пластинок, лезвием (рис. 122), костяные орудия. Вполне возможно, что захороненный человек был не просто охотником, а более значимой фигурой в тогдашней общине родственников.

В нескольких тысячах километров западнее находится известное Онежское озеро. В раскопанном на одном из его островов древнем могильнике примерно того же времени, что и Пеганское погребение, среди десятков могил лишь в четырех умершие были похоронены вертикально, с богатым набором вещей. Ученые считают, что это погребения старейшин, вождей. Жаль, что у нас такое погребение единственное и сравнить его не с чем.

Рис. 122. Костяной кинжал с вкладышевыми лезвиями из пластин с параллельными краями. Погребение у деревни Пеган. Неолит (стр. 162, 163)

Погребения меднокаменного века

В меднокаменном веке (5—4 тысячи лет назад) некоторые из южноуральских народов, живших в степях, уже начали заниматься животноводством. Обитавшие в лесах по горным долинам общины продолжали традиции предков, занимаясь охотой и рыболовством. Образ жизни и сложившиеся представления сформировали у степных и лесных народов различные взгляды на то, какими должны быть похороны умерших сородичей.

Вот пример погребального обряда степных обитателей Южного Урала того времени. Археологи исследовали поселение бронзового века у поселка Дружный Варненского района. Когда слой с остатками жизни этого периода был снят, обнажилась могильная яма, сооруженная задолго до начала истории поселения бронзового века. Археологи обнаружили в яме костяк мужчины, которого при погребении положили на левый бок в скорченном положении. Его ноги оказались сильно подогнутыми, в связи с чем возникло предположение, что он был связан. Рядом с погребенным был найден глиняный сосуд обычной для того периода формы, а в нем — два миниатюрных колечка из медной проволоки. Еще в погребении обнаружен каменный брусок.

Захоронения «скорченных» людей обычны для степных народов этого времени и за пределами Южного Зауралья.

О погребальном обряде лесных народов Южного Урала каменного — меднокаменного века дают представление погребения в пещерах Усть-Катавская II, Бурановская, Старичный Гребень у города Усть-Катава на реке Юрюзани и в гроте у Каменного кольца близ села Серпиевка на реке Сим в Катав-Ивановском районе. Захоронения были совершены в неглубоких ямах, покойные уложены на спину в полный рост, в одежде, украшенной нашивными бусами, каменными каплевидными привесками. К тому же тела умерших оказались посыпаны охрой. Известный исследователь каменного века Урала археолог Юрий Борисович Сериков считает людей, тела которых были погребены подобным образом, шаманами. Это их костюмы для камлания были снабжены шумящими привесками.

Погребальные обряды бронзового века

От следующего периода древней истории края — бронзового века, помимо поселений, остались сотни кладбищ. Археологи называют их могильниками. Некоторые из них раскопаны. Наиболее извест-

ны раскопки на знаменитом Алакульском могильнике в Щучанском районе Курганской области и на Федоровском могильнике у одноименного поселка на реке Миасс, недалеко от современного Челябинска. Так случилось, что по названиям Алакульского и Федоровского могильников археологи дали имя двум древним археологическим культурам. История алакульской культуры датируется XVIII—XV веками до н. э.

У алакульцев членов одной большой семьи хоронили рядом друг с другом, на одной погребальной площадке. Причем, кажется, производили погребение только в относительно теплое время года (не зимой). В могиле устраивали «дом для умершего» — деревянную погребальную камеру из досок, плах или бревен; празднично одетого умершего сородича укладывали на левый бок в скорченной позе (руки согнуты в локтях, ноги — в коленях), головой преимущественно в широтном направлении.

Набор погребального инвентаря (орудия труда, предметы вооружения, символы власти, украшения, принадлежности для игр) зависел от пола, возраста, положения умершего в семье. Практически всегда в могилу помещались сосуды с жидкой пищей, части туш домашних животных.

«Дом мертвого» перекрывался «крышей» из бревен или плах. Над ней возводилось надмогильное сооружение из земли и дерновых кирпичей. Археологи считают, что, скорее всего, оно выглядело как низкий цилиндр или усеченный конус. По основанию надмогильного сооружения в неглубокой кольцевой канавке позднее совершали погребения умерших детей.

Новые могилы взрослых людей и подростков «пристраивались» к первоначальной, а надмогильные сооружения над отдельными погребениями, разрушаясь, смыкались друг с другом. Постепенно время и люди, грабившие эти могилы уже в бронзовом веке, сделали свое дело: за тысячи лет эти сооружения превратились в уплощенные земляные холмы — курганы. Их размеры зависят от того, сколь продолжительной на поселении была жизнь большой семьи, которой принадлежало это кладбище (погребальная площадка).

Археологи считают, что курганы, подобные описанным, принадлежали большим семьям алакульцев, состоявшим из нескольких поколений близких родственников. О многом могут рассказать нам алакульские погребения. Погребения взрослых алакульцев совершались с соблюдением строгих правил: головой в одном направлении, с определенным набором погребального инвентаря. А вот детей хоронили совсем по-другому: тоже на боку, но головой в произволь-

ном направлении. Из инвентаря в погребениях алакульских детей археологи встречаются в лучшем случае лишь фаянсовые или бронзовые бусы, глиняные сосуды да тонкие бронзовые браслетики.

В шесть-семь лет алакульские девочки проходили важное испытание, связанное с переходом в следующий возрастной класс. Такой ритуал существовал у всех древних народов.

Археологи изредка раскапывают алакульские могилы, в которых погребены пары — мужчина и женщина, положенные лицом друг к другу: мужчина — на левом, женщина — на правом боку. Одни археологи считают, что так в древности хоронили мужа и жену. Но есть и другие толкования подобных двойных погребений «в позе объятий».

По-особому в этот период хоронили и мастеров-металлургов. Мест их погребений известно несколько. Во всех присутствуют свидетельства принадлежности умершего к «огненному ремеслу»: керамические сопла, куски руды и шлака. Главам больших семей — старейшинам — в могилы укладывали, помимо всего прочего, знаки власти — булавы, изящно выполненные чаше из мягких пород камня и снабженные деревянной рукоятью. Булава, видимо, обладала волшебной силой в глазах сородичей. В женских погребениях набор украшений зависел от возраста и положения женщины в семье.

Вряд ли какой-нибудь серьезный исследователь станет отрицать тот факт, что люди всегда в своих погребальных обрядах переплетали рациональные санитарно-гигиенические действия с мифологическими представлениями, унаследованными от прежних времен. Погребальный обряд — это миф, наполненный знаками и символами. Приведем один из наиболее ярких примеров.

Версии погребального мифа

В Южном Зауралье и Северном Казахстане насчитывается от 20 до 25 синташтинских и алакульских могил взрослых людей с признаками помещения в их гробницы либо деталей колесниц, либо реальных колесниц «в сборе». Так считает абсолютное большинство исследователей. Погребенных в этих могилах люди ученые считают воинами-колесничими.

Не отрицая существования в это время колесниц, в том числе боевых, я, тем не менее, понимаю колесные углубления и отпечатки нижней четверти колес, детали упряжи коней как свидетельство существования у синташтинского и раннеалакульского (петровского) населения Южного Урала и Северного Казахстана *представлений*

о мифическом путешествии в загробный мир душ некоторых избранных членов рода. Макетная реализация сюжета такого «путешествия» впервые археологически зафиксирована в памятниках ямной культурно-исторической общности, существовавшей на заре бронзового века. Традиция получила развитие в эпоху средней бронзы в культурах катакомбного круга, а позднее распространилась среди больших групп степного населения на рубеже средней и ранней поздней бронзы. Причем не только среди обитателей синташтинских и петровских укрепленных поселений в Южном Зауралье и Северном Казахстане, но и у синхронных групп восточноевропейского степного населения. Угасла эта традиция по не вполне понятным причинам уже в позднем бронзовом веке. То есть в синташтинских, петровских и иных восточноевропейских степных культурах, синхронных с ними, по-видимому, преобладала традиция размещения в погребальной камере *именно частей колесницы, особенно колес, а не целых колесниц.*

Колесные углубления, скорее, были частью макетного воспроизведения символа — знака повозки, где «кузовом» служила сама деревянная погребальная камера. То, что считается учеными в синташтинских и петровских могильниках колесницами, по-видимому, должно пониматься, скорее, как часть макета погребальной «повозки», предназначенной для мифического путешествия души, а не как часть реального транспортного средства.

Иногда в синташтинских гробницах целые отсеки были заполнены головами, ногами и шкурами жертвенных животных. Жертвоприношения могли совершаться и на перекрытии гробницы или у края могильной ямы (рис. 123). Принесение животных в жертву также подтверждает гипотезу о том, что синташтинский и петровский погребальные обряды отражают представления о путешествии души умершего в загробный мир. По мнению Е. Е. Кузьминой, конкретные виды животных предназначались в этом случае в качестве жертв *конкретным* богам.

Достаточно известны в синташтинской и петровской погребальной обрядности псалии. Некоторые из них имеют явные признаки длительного износа. Но вот роговой псалий из могильника Кривое Озеро с нарочито приостренными шипами, явно являясь имитацией, свидетельствует о том, что он, возможно, изначально, при изготовлении был предназначен для «сказочно экстремальной» ситуации. И этот предмет, видимо, отражает неизвестный миф о путешествии души в мир за гробом (рис. 124).

Рис. 123. Жертвенник из голов и ног домашних животных у края могильной ямы. Синташтинский могильник

Рис. 124. Роговой псалий с нарочито приостренными шипами. Могильник Кривое Озеро, курган 9, яма 1. Раскопки Н. Б. Виноградова

Важной среди идей, связанных с этим другим миром, была локализация загробного мира в пространстве. Как правило, это определялось астрономически наблюдаемыми явлениями. В целом в синташтинском погребальном обряде более распространена ориентировка тел взрослых в северном или северо-западном секторах. Зачастую и погребенные люди, и макетные выкладки коней ориентированы единообразно. В частности, на север обращен головой и сам погребенный, и головы коней, составляющие часть символической погребальной «колесницы», в известном погребении 1 кургана 9 могильника Кривое Озеро.

Вероятно, в этом и подобных случаях именно на севере небесной сферы, по представлениям устроителей погребальной церемонии, располагался легендарный авестийский мост Чинват — ворота в загробную жизнь. В астрономическом аспекте северный сектор неба в средних широтах — это прежде всего Полярная звезда, созвездия Большая и Малая Медведицы, нашедшие отражение в ведических гимнах. Туда и направлялась символическая повозка погребальных богов-близнецов Ашвинов с душами избранных, по не вполне понятным критериям членов синташтинского общества, запряженная символической парой лошадей.

Очень жаль, что пока нет данных о масти коней Ашвинов. Но если и случится определить их масть, скорее всего, один из них окажется черным, а другой — белым.

Представления о локализации мира мертвых не были постоянными и изменялись в течение нескольких столетий даже у родственного населения. Эти изменения, как кажется, отражают изменения содержания погребального мифа.

Изучая погребения бронзового века в нашем крае, археологи отметили редко встречаемый странный обычай — хоронить сложенные аккуратной горкой кости погребенного. При раскопках известного Синташтинского могильника было найдено два подобных погребения (рис. 125). Скорее всего, это погребения людей, чьи тела сородичи не смогли сразу предать земле. Как только это становилось возможным, сородичи собирали кости умершего и аккуратно хоронили их с соблюдением всех остальных правил обряда.

Необходимо заметить, что относительно этих погребений имеются и иные точки зрения. Другие южноуральские народы бронзового века также хоронили своих умерших по-особому: абашевцы укладывали покойных на спину, но с согнутыми в коленях ногами; срубные племена хоронили родичей на боку, в скорченной позе, но головой всегда на север.

Так что погребения древних людей не совсем безгласны.

Рис. 125. «Пакетное» погребение в яме 30 Большого грунтового могильника Синташтинского культурного комплекса

Большинство народов этого периода в Южном Зауралье предавали земле именно тела умерших сородичей. Но было и по-другому.

Федоровская катастрофа. Судьба изгоев

Как и алакульцы, федоровцы воздвигали над погребением курган. Но под федоровскими курганами, как правило, одна или в крайнем случае две могилы, а по основанию надмогильного сооружения — кольцо из каменных плит. Федоровцы предпочитали тела умерших сжигать на специально подготовленной для этой цели площадке, а в могилу укладывать предварительно измельченные и перегоревшие в пламени погребального костра кости человека и предназначенные ему вещи. Но странную картину представляли собой федоровские могилы в Южном Зауралье. Для того чтобы захоронить горстку обгоревших костей и, как правило, два глиняных сосуда (был у федоровцев такой обычай), было бы достаточно небольшой по размерам ямки. Но почему-то федоровцы укладывали все это в обширной

могильной яме, в деревянной гробнице, по размерам вполне подходящей для захоронения в ней тела умершего, как у алакульцев. Археологи отмечают, что погребения по способу кремации содержат лишь достаточно мелкие обломки кальцинированных костей. Их преднамеренно измельчали. Для чего? Обломки кальцинированных костей полностью или частично собирались в мешочек. Археолог М. П. Грязнов предположил, что в подобных ямах хоронили «куклы» — подобие человека. В них и помещали мешочки с измельченными костями. Но это предположение нуждалось в доказательстве. Оно было получено в ходе изучения могильника Кулевчи VI в Варненском районе в 1980 году. Удалось получить убедительные свидетельства того, что сценарий обряда при совершении двойного погребения в яме 2 кургана 3 предполагал захоронение объемной имитации тела умершей молодой женщины в скорченном положении, на левом боку. Эта поза традиционна для индивидуальных погребений *алакульской культуры* Южного Зауралья. Типично алакульскими были и многочисленные украшения в этом погребении. Мешочек с измельченными костями был помещен внутрь куклы. Само наличие куклы уверенно «читалось» по взаиморасположению бронзовых женских украшений на полу погребальной камеры (рис. 126).

Заставила археологов поразмышлять и деревянная гробница под одним из земляных курганов могильника Солнце-Талика в Варненском районе. Здесь обширная, но невысокая деревянная гробница завершалась странным перекрытием из поперечно уложенных бревен — крышей. Расстояние между бревнами составляло 15–20 сантиметров. Между ними — пустота. В гробнице в виде отдельных скоплений размещался прах трех кремированных погребенных. Каждое скопление сопровождали 1–3 глиняных сосуда. После укладки бревен перекрытия могила была заполнена хворостом и, возможно, другими легковоспламеняющимися материалами, затем подожжена и заложена пластами дерна. Горение происходило внутри гробницы: наружная сторона бревен перекрытия сохранила естественный цвет древесины, внутренняя сторона обуглилась. Из этого факта археологи сделали вывод, что горение осуществлялось по принципу углевыжигательных печей — при дефиците кислорода (рис. 127).

Оба эти примера свидетельствуют о том, что группы федоровского населения, мигрировавшие из-за экологического кризиса из степей Центрального Казахстана на Южный Урал, оказались здесь в среде родственной местной алакульской культуры. Вдалеке от родных мест, в инокультурном окружении они не могли обособиться в

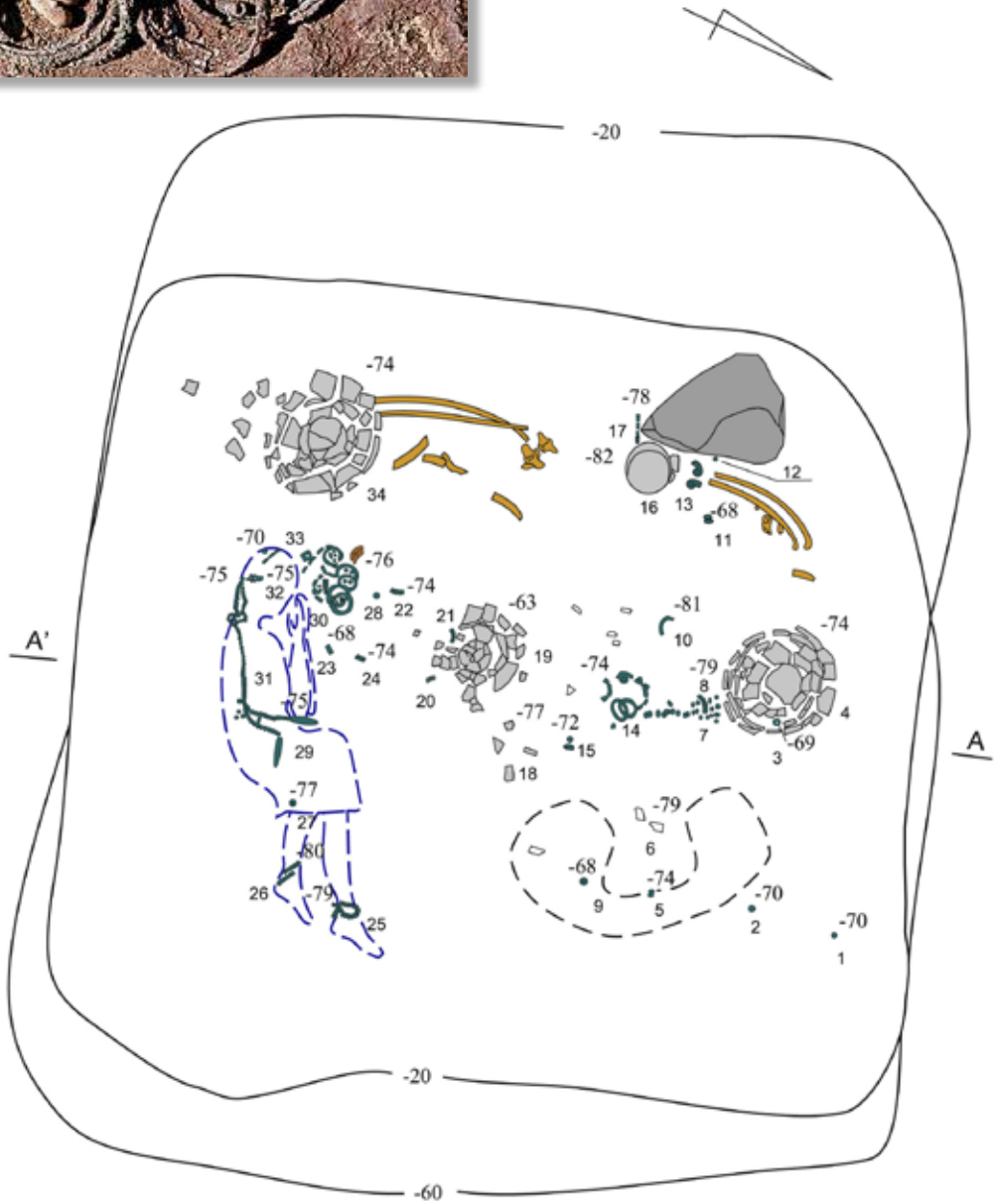

Рис. 126. Антропоморфная кукла в яме 2 кургана 3 могильника позднего бронзового века Кулевчи VI.
Раскопки Н. Б. Виноградова

0 20 40 см

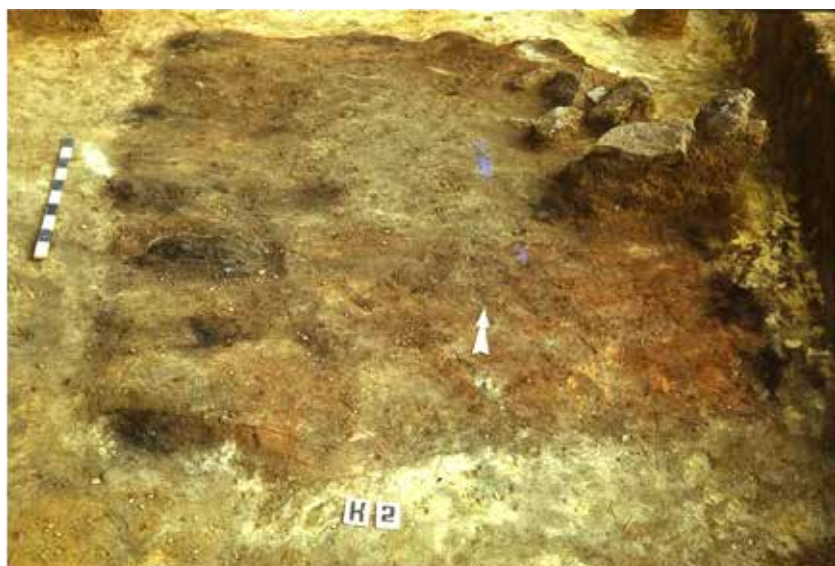

Рис. 127. Тройное погребение по способу кремации под курганом 2 могильника Солнце-Талика позднего бронзового века. Раскопки Н. Б. Виноградова

отдельную культуру. Единственный путь сохранения — интеграция в алакульские общины. Скорее всего, погребения, подобные описанным выше, отражают алакульско-федоровские взаимодействия на уровне семьи.

Известна и традиционная для федоровского населения степей Казахстана погребальная архитектура. Земляные курганы с кольцом из камней по основанию насыпи скрывают одну-две каменные конструкции — прямоугольную в плане гробницу из четырех поставленных на ребро массивных гранитных плит, перекрытых одной или двумя плитами. В гробницах — измельченные кости кремированных вне гробниц людей, кусок мяса и обычно два сосуда. Выше уже упоминалось, что дерево для постройки гробниц не использовалось, даже если некрополь находился на опушке леса. Описанные конструкции обнаружены в ряде могильников бронзового века в Южном Зауралье, например в могильнике Звягино на реке Коелге (Чебаркульский район) или в могильнике Путиловская Заимка на реке Уй (Троицкий район).

Погребальные обряды раннего железного века

В раннем железном веке (2700—1600 лет назад) на Южном Урале, как и прежде, жили несколько народов. Одни кочевали в течение года со стадами с юга на север и обратно, другие жили оседло. Могил лесных обитателей наших мест этого периода известно до обидного мало. Зато археологи достаточно хорошо изучили кладбища кочевников-саков и сарматов, расположенные на открытых всем ветрам возвышенностях по степным рекам и озерам.

Гробницы знатных кочевников

Кочевые народы в это время были вынуждены объединяться в большие военные союзы с единым вождем во главе. Именно тогда помимо родовой появляется и военная знать. Эти изменения отразились и в погребальных обрядах. Впервые в истории степей нашего края здесь появились внушительных размеров «памятники» — курганы вождей и знати. В зависимости от положения умершего в обществе высота подобных курганов колебалась от полутора до десяти метров, а основание их достигало ста метров в диаметре. Часто они окружались кольцевым рвом с проходом в нем. Подобные курганы сооружались из дерновых «кирпичей», земли, камней и раститель-

ных материалов. Иногда огромное количество людей трудились над их возведением. Ученые считают, что первоначально подобные курганы выглядели как ступенчатые пирамиды или усеченные конусы. Археологи из ЧелГУ как-то после раскопок попытались восстановить ступенчатое надмогильное сооружение над раскопанным погребением. Зачем? Чтобы посмотреть, сколь долго это сооружение будет сохранять ступенчатость. Выяснилось: менее чем через десять лет ступенчатая дерново-земляная «пирамида» превратилась в... курган.

По одному или группами рассеяны эти свидетели древности по возвышенностям в междуречьях и у озер. Часто внутри подобных курганов ученые находят остатки склепов — некогда полых бревенчатых сооружений. В склепах на древней поверхности или в яме совершались порой не одно, а несколько захоронений, друг за другом. Каким образом это было возможно? Склепы были снабжены выходами и специальным коридором сообщались с поверхностью. Конечно, такие сооружения предназначались для захоронения родовой, военной знати.

В нашей области они изучались в разных местах, например в Чесменском районе у деревни Климовки и у поселка Новотемирского. Здесь в склепе были похоронены несколько человек — как считают археологи, члены одной семьи (рис. 128). В составе погребального инвентаря в кургане Темир найдены керамические сосуды, в том числе из далекого Хорезма, железное копье, несколько колчанов, содержащих стрелы с бронзовыми, железными и костяными наконечниками, бронзовые котлы, бронзовое зеркало в кожаном чехле и украшения. Колчан со стрелами был найден и рядом с костяком женщины: в то время, когда почти все мужское население отправлялось в военные походы, охрана имущества, стад, детей ложилась на плечи женщин. Еще древние писатели рассказали легенду о женщинах-воительницах, амазонках. Как видите, для этого были все основания.

Могилы простых людей

Простых воинов-кочевников и членов их семей хоронили скромно. Вот пример одного из таких погребений, раскопанного у поселка Солнце в Варненском районе. Развалины надмогильного сооружения из земли и обломков каменных плит в диаметре не превышали восьми метров, а в высоту этот курган был не более 40 сантиметров. В могильной яме под насыпью находился костяк взрослой женщины, положенной на спину. Рядом обнаружили каменную ступку-жерт-

Рис. 128. Курган Темир. Реконструкция А. Д. Таирова в музее-заповеднике «Аркаим». Внешний вид и внутреннее помещение склепа

венник, коробочку из створок раковины речного моллюска и крупинки синей краски. Вот и все, что можно сказать о погребении простой женщины-кочевницы. Недалеко от этого места был раскопан земляной курган также скромных размеров. Под ним — четыре ямы. Три из них были сооружены последовательно вплотную друг к другу (возможно, хоронили родственников) и образовали как бы одну большую яму. Здесь были погребены три человека в позе вытянуто на спине, с керамическими сосудами, бронзовыми зеркалами и их *обломками*, украшениями из бронзы и стеклянной пасты.

В соседней могиле погребение было совершено в небольшой подземной пещерке — *катакомбе*, куда можно было попасть из входной ямы. Носилки с лежавшим на них телом умершего воина сородичи задвинули в эту пещерку. Затем поставили рядом с носилками керамические сосуды с пищей и питьем, положили длинный железный кинжал, лук, колчан стрел с железными наконечниками. После этого закрыли деревянными жердями вход в пещерку, засыпали входную яму и воздвигли курган.

Многие погребения знатных кочевников еще в древности были ограблены. Там было что грабить. В Оренбуржье, у деревни Филипповки, археологи раскопали несколько больших курганов этого времени. В тайниках, которые не сумели найти грабители, они обнаружили множество настоящих произведений искусства из золота, серебра.

Могилы средневековых кочевников. Новые народы приносят новые обычаи

В средневековую эпоху население нашего края несколько раз обновлялось, и каждый из народов, приходивших сюда из Западной Сибири или из степей Казахстана, приносил свои представления о том, как надо хоронить сородичей. Однако были и общие традиции погребения умерших под насыпью из земли или камней (едва заметной сейчас), в узких и длинных ямах, иногда с подбоем-пещеркой в боковой стенке. Покойных укладывали в вытянутой позе на спине. Некоторые средневековые кочевые народы вместе с умершим хоронили коня или конскую голову с пропущенными через рот железными удилами и ноги. Их укладывали на деревянное перекрытие могилы. Другие считали возможным обойтись лишь принадлежностями для верховой езды — уздой с железными удилами, седлом и

стременими. В воинские могилы клали оружие: луки, колчаны со стрелами, ножи и сабли; нехитрые бытовые предметы: кожаные поясные кошель с гребнем или кресалом.

Ислам проникает на Южный Урал

Только около 500–600 лет назад среди местного кочевого населения начинает утверждаться ислам. Постепенно из обряда погребения исчезает традиция класть с умершими вещи. Погребенных теперь укладывают на спину головой на запад, лицом на юг, как это предписывает мусульманская традиция. Каменные массивные вертикально вкопанные плиты над могилами заменяют привычные и сейчас небольшие каменные, а порой и деревянные столбики.

Мавзолеи на караванных дорогах

Известны и другие виды средневековых захоронений в нашем крае. На древних караванных дорогах средневековые южноуральские кочевники, а иногда и приглашенные издалека мастера воздвигали великолепные мавзолеи. Впервые европейцы узнали о них со слов ученого XVIII века Петра Ивановича Рычкова. Вот строки из его книги «Топография Оренбургской губернии»: «По реке Увелке, по течению ее на левой стороне от Троицкой (крепости. — *Н. В.*), в 27 верстах, находится прежде живших здесь народов палатка (мавзолей. — *Н. В.*), кладена из немало жженого кирпича квадратного, в которой вместо связей положены сосновые брусья. Поныне, как сказывают, большей частью она разломана, и кирпич от обывателей троицких в крепость перевозен. Такая же палата и в киргиз-кайсацкой (казахской. — *Н. В.*) степи находится, около вершин (верхнего течения. — *Н. В.*) речки Таузак (Тогузак. — *Н. В.*), от Троицка верстах в 50. О ней объявляют, что без верха, а в прочем никакого повреждения не имеет».

Башня Тамерлана

Сегодня от первого сооружения у современного села Клястицкого в Троицком районе осталось лишь основание. Второй мавзолеем хорошо известен и сейчас под названием «башня Тамерлана». В начале 1980-х годов строители восстановили разрушенные временем части этого здания.

Мавзолей выстроен на возвышенности у высохшего в наши дни озера недалеко от районного центра Варна. Вокруг мавзолея — сотни небольших курганчиков. Ученые выяснили, что под ними находятся средневековые погребения. Археологи неоднократно приступали к раскопкам огромного средневекового кладбища вокруг башни Тамерлана: в 1960 году В. С. Стоколос раскопал здесь восемь подобных курганов, в 1980-е годы С. Г. Боталов раскопал их во множестве. По виду погребений и почти полному отсутствию в них вещей исследователи пришли к выводу, что среди местных кочевников начал распространяться ислам.

Само здание мавзолея находится на прямоугольной площадке, ограниченной рвом и валом. Оно построено из плоского квадратного обожженного кирпича, имеет вид двенадцатигранной пирамиды, водруженной на двенадцатигранную призму. Призма покоится на невысоком цилиндре; ниже — основное здание мавзолея кубической формы. Вход с южной стороны украшен порталом (рис. 129).

Над башней витают легенды. Они связаны с именами древнего завоевателя Тимура (Тамерлана), жившего около 600 лет назад, и его дочери, по легенде, полюбившей простого воина. Их союз в то время был невозможен. Влюбленные бежали, но именно на этом месте

Рис. 129. Башня Тамерлана — мавзолей XIV–XVI веков

были достигнуты погоней... Тело дочери Тамерлана и захоронили в этом мавзолее. Есть ли здесь зерна правды? Проходил ли Тамерлан с войсками через наши степи? Мнения ученых разделились, но большинство считает, что это всего лишь легенда, вымысел. Тайна мавзолея вряд ли когда-нибудь будет раскрыта.

Более ста лет назад археолог Э. Ю. Петри произвел внутри мавзолея раскопки и обнаружил погребения не менее трех человек, в том числе одно «в лубке и досках, до некоторой степени обрисовавших человеческую фигуру. В лубке, покрывавшем череп, сделано было два отверстия для глаз и одно — для рта. По удалении этого покрова обнаружен был женский скелет. Вокруг шеи скелета обмотана была шелковая ткань... При черепе... две золотые серьги... На пальцах рук... два золотых перстня».

Внутри башни Э. Ю. Петри обнаружил множество костей овец и лошадей с нанесенными на них красной краской знаками. Ученый стал расспрашивать казаков-татар из Варны, надеясь разгадать эту загадку. Оказалось, что местные казахи приносили животных в башню Тамерлана, надеясь отвести болезни от себя и своих родственников. Таким образом, кости животных поведали о верованиях людей, живших здесь более ста лет назад.

Особый вопрос — о том, как мы сохраняем башню Тамерлана — жемчужину нашей истории. Упомянутый Э. Ю. Петри писал, что кирпичи, из которых была сложена башня, удивительно крепки. Это и послужило причиной того, что башню начали разбирать. Неоднократно здесь «хозяйничали» кладоискатели, изрывшие все внутреннее пространство башни в поисках ценностей, которых здесь не было никогда. Клад искали и в стенах, в которых со временем образовались большие проломы. К тому времени, когда сюда пришли ученые и строители, чтобы восстановить разрушенные части здания, оно было готово рухнуть. Кроме того, на многих кирпичках заходившие в башню люди вырезали свои имена, фамилии. Так «свидетелю древних времен» был нанесен непоправимый ущерб. Ученые как смогли восстановили состояние башни, но и после этого вновь на стенах появляются имена наших современников. А ведь писать на ее кирпичках — это все равно что процарапывать свое имя на картине или скульптуре в музее.

ИЗБРАННЫЕ ОЧЕРКИ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Физико-географические характеристики Южного Зауралья, их удивительное разнообразие зеркально отразились в истории. Благодаря этому разнообразию древняя и средневековая история в степях, лесостепях и горнолесной части нашего края не могла быть и не была одинаковой.

В свое время мне импонировала идея попытаться хотя бы кратко изложить древнюю и средневековую историю края не в общей редакции, а именно по географическим зонам.

Такую возможность мне предоставили составители учебника «Краеведение» для 7-х классов. В итоге было создано три очерка... на одну и ту же тему, но для разных географических зон.

Затем учебный предмет «Краеведение» волей чиновников был исключен из школьной программы. Учебники стали не нужны. Я предлагаю вашему вниманию написанные для них очерки.

Очерк 1. ПОКОРИТЕЛИ ЮЖНОУРАЛЬСКИХ СТЕПЕЙ

Палеолитический период

Первые люди пришли к Уральским горам бесконечно давно — около 300 тысяч лет назад.

Редки и потому бесценны для ученых места обитания древнейших южноуральцев. Вот один из примеров. В излучине реки Урал, у села Богдановского, что в Кизильском районе нашей области (рис. 130), левый берег обрывается высокой глинистой осыпью. Археолог Владимир Николаевич Широков, проводя поиск мест, где жили древние люди, увидел в обрыве берега, под *семиметровым* (!) слоем осыпавшегося грунта торчащие из земли кости животных, живших на Южном Урале десятки тысяч лет назад: мамонтов, шерстистых носорогов, бизонов, северного и благородного оленя и других. Раскопки показали, что здесь находятся остатки стоянки древнейших южноуральцев. В одном слое с костями животных находились и каменные орудия: острокопечники, скребла (рис. 131). По тому, как оказались распределены по раскопанной части стоянки мелкие кусочки камня — отходы производства каменных орудий, археологи определили, что здесь работали два мастера, изготовлявшие эти орудия. Если бы река не размывала во время весеннего половодья обрыв, мы никогда бы не узнали, что под толщей осыпи скрывается начало истории людей на Южном Урале.

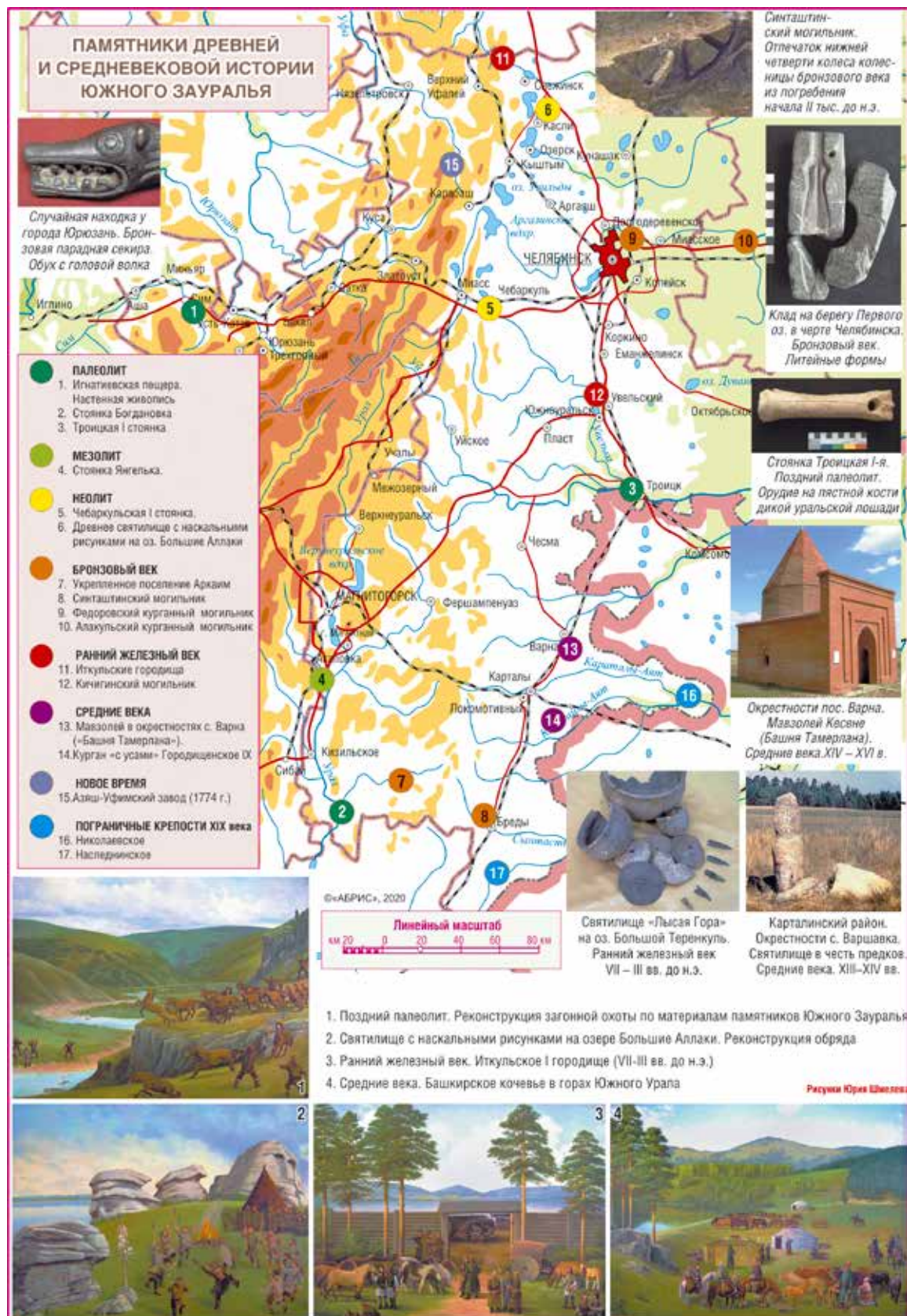

Рис. 130. Карта памятников древней и средневековой истории Южного Зауралья

*Рис. 131. Каменные орудия с палеолитической стоянки Богдановка.
Раскопки В. Н. Широкова*

Время существования стоянки Богдановка (так ее условно назвали археологи) отделено от нас примерно восьмьюдесятью тысячами лет. Примерно в это время в Северном полушарии началось оледенение. Климат стал прохладен настолько, что в северных широтах выпавшие снега не успевали растаять и намерзали новым слоем на прошлогодний снег. Так продолжалось... десятки тысяч лет. В результате образовались громадные ледниковые щиты, толщина которых достигала нескольких километров. Но наши места ледник не затронул, остановившись далеко на севере Урала. Южнее расстились холодные тундростепи с характерной растительностью и необычным животным миром. Оледенение закончилось лишь чуть более десяти тысяч лет назад.

Скорее всего, на стоянке Богдановка оставили следы жизни прямые предшественники людей современного вида — неандертальцы, названные так по месту первой находки их останков на территории современной Германии. Они не жили подолгу на одном месте, передвигаясь за животными, на которых сообща охотились. Поэтому на раскопанной у села Богдановского стоянке нет остатков утепленных жилищ, где община жила бы круглый год, а культурный слой тонок: потому что группы людей периодически приходили сюда, но не жили здесь постоянно. Стоянок, подобных Богдановке, на Южном Урале мало. Одну из них археологи Геральд Николаевич Матюшин и Отто Николаевич Бадер изучили в сорока километрах западнее современного города Магнитогорска, на берегу озера Карабалыкты (Линевое — *башк.*). Они назвали ее «стоянка Мысовая». Люди жили здесь много раз, и поздние обитатели этих мест неоднократно разрушали следы пребывания предшественников, перемешивая разновременные вещи. Но археологам хорошо известно, какими орудиями пользовались древнейшие на Южном Урале люди. Им удалось выделить из большой коллекции около пятидесяти предметов, принадлежавших неандертальцам. И снова это были уже известные нам остроконечники, скребла, рубила (рис. 132).

Почти у самого Магнитогорска археологи Константин Владимирович Сальников и Отто Николаевич Бадер на берегу реки Малый Кизил, раскапывая площадку перед входом в маленькую пещеру у поселка Смеловского, наткнулись на следы пребывания и здесь людей древнего каменного века.

В некоторых случаях археологам доставались лишь отдельные предметы из той далекой эпохи, вымытые талыми водами из земли. Так произошло на реке Камысты-Аят у села Княженского на севере Брединского района: археологи из Челябинского педагогического

института подняли там из оврага несколько каменных орудий, принадлежавших, возможно, одним из первых обитателей наших мест.

Более 21 тысячи лет назад люди появились на мысе при впадении реки Санарки в реку Уй. Археологи назвали эту стоянку Троицкая I. Обнаружил ее... работник местного тепличного хозяйства, которому поручили вырыть яму для устройства зерносушилки. Ковш его экскаватора зацепил кости диковинных животных. Их было много. Сельские жители хорошо знают, как выглядят кости домашних животных. Выкопанные же были совсем не похожи на них. О находке узнали ученые из ветеринарного института, что в Троицке. Один из них, Александр Николаевич Малявкин, вместе со студентами выехал на место находки и определил, что кости принадлежат древним животным ледниковой эпохи — мамонту и дикой уральской лошади (была и такая). Кости собрали и перевезли в Троицк, где они и хранились. Археологи так и не узнали бы об этой находке, если бы А. Н. Малявкин не поведал студентке историко-педагогического факультета ЧГПИ Оле Грибовской, а та, в свою очередь, автору этих строк, что на конце одной из найденных костей ноги дикой лошади есть аккуратное сквозное отверстие (рис. 133). При этом он предположил, что кости эти могут быть связаны с древнейшими обитателями этих мест. Археологи из Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук подтвердили догадку, раскопав здесь остатки стоянки людей конца древнего каменного века (палеолита), скрытые почти метровым слоем почвы, — кости четырех мамонтов. Причем ученые считают, что здесь находились целые туши животных, а не отдельные кости. Поразило специалистов и то, что из почти двухсот каменных предметов более половины были изготовлены из... горного хрусталя! А ведь он очень плохо обрабатывается. Но древние мастера оказались искусны и упорны в своем желании, изготавливая из горного хрусталя и яшмы резцы для прорезания пазов в деревянных или костяных деталях наконечников стрел, ножей. Затем в эти пазы плотно друг к другу вставлялись каменные пластинки с параллельными краями для создания длинных лезвий. Изучение этих пластинок под микроскопом показало, что ножи предназначались для резки мяса и шкур. Другие орудия оказались скребками для работы по кости и дереву.

Ученые пришли к выводу: найденные на стоянке Троицкая I мамонты погибли своей смертью. Люди нашли их туши и некоторое время жили рядом, разделявая их, питаясь мясом и обогреваясь кострами, топливом для которых служили кости все тех же животных.

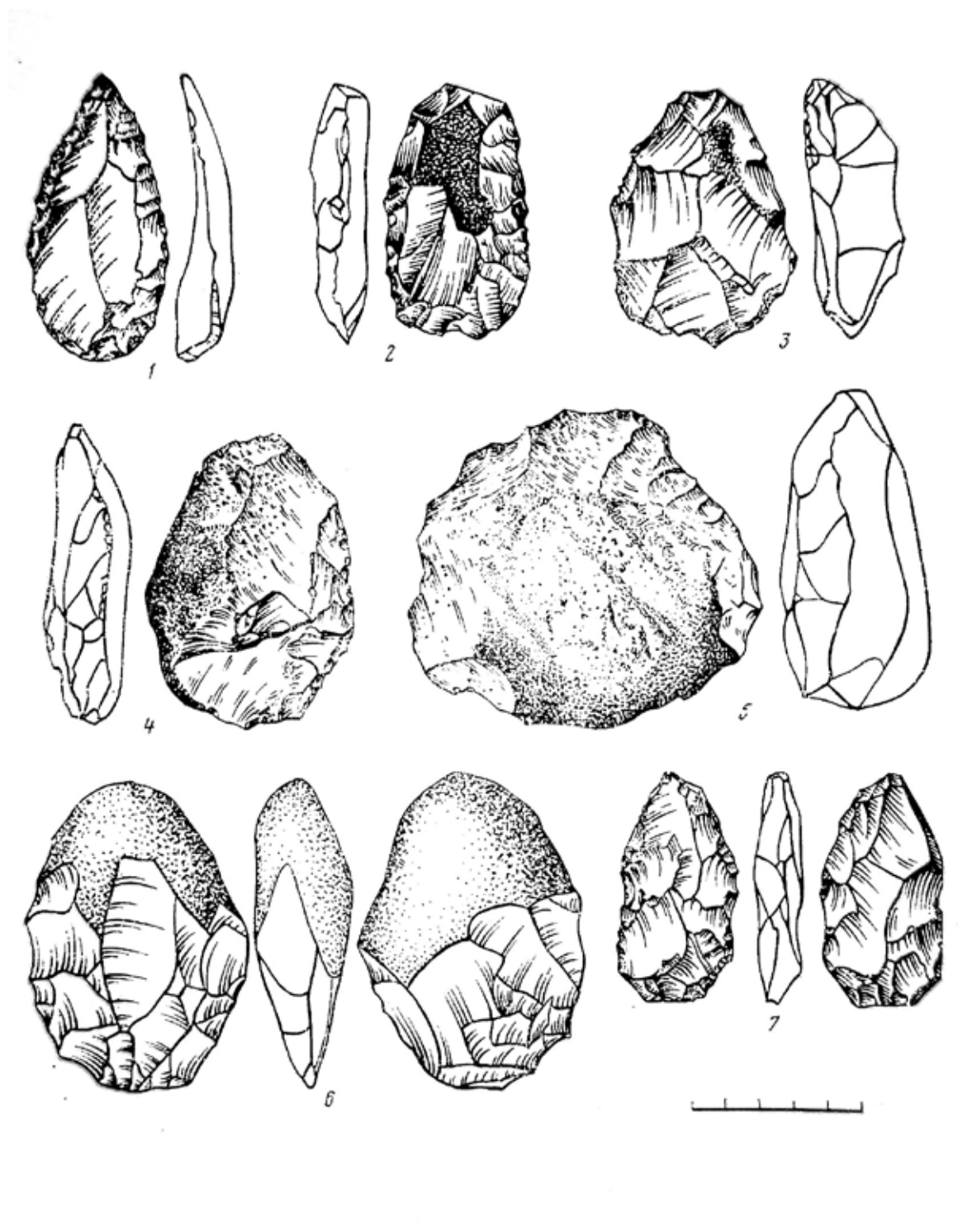

Рис. 132. Каменные орудия с палеолитической стоянки Мысовая, исследованной Г. Н. Матюшиным и О. Н. Бадером

*Рис. 133. Орудие из пястной кости уральской дикой лошади.
Стоянка Троицкая I. Поздний палеолит*

От мезолита — к энеолиту

Примерно 10 300 лет назад закончилось последнее в человеческой истории крупное оледенение в Северном полушарии. На смену ему пришел более теплый климат. Из убежищ, где они пережидали холод, «вышли» леса, «завоевали» просторы ранее холодной тундростепи, и Урал стал в основном лесной страной, как и сейчас. Холодолюбивые животные, например мамонты, вынуждены были отойти в более северные края. Самыми большими животными в лесах остались лоси, олени, медведи. Южноуральцы быстро приспособились к изменившейся природе и климату. Для этого нашлись и возможности. Во-первых, благодаря мощному луку, каменным и костяным наконечникам стрел, разнообразным ловушкам они стали вполне успешно охотиться в одиночку или небольшими группами. Отпала необходимость жить всем вместе для успешной добычи пропитания при охоте загоном. Во-вторых, именно в это время началась история рыболовства в реках и озерах Южного Урала. Около 7500 лет назад климат вновь изменился. Он стал очень теплым и влажным. Широколиственные леса проникли на восточные склоны гор Южного Урала, как полагают ученые, километров на 150–200 восточнее, чем сейчас.

Охотники-рыболовы, собиратели устраивали на берегах рек или проточных озер свои стоянки, где жили круглогодично. Жили относительно небольшими группами родственников. Каждая владела пространством в радиусе нескольких десятков километров от основной стоянки. В пределах этого пространства по окрестным рекам и озерам были разбросаны сезонные стоянки, где охотники-рыболовы из этой родовой группы проводили какое-то время, добывая определенного зверя или рыбу. Так на Урале утвердился новый способ организации жизни. Впоследствии в основе своей он почти не изменялся вплоть до средневекового периода.

Особенностью культуры южноуральцев каменного века является то, что их каменные орудия были изготовлены из небольших пластинок с параллельными краями. Иногда пластинки сами служили орудиями, но чаще их вставляли в качестве сменных лезвий в деревянные или костяные основы, рукояти. Рабочие поверхности пластинок в зависимости от предназначения приострялись или притуплялись путем специальной обработки — ретуширования. В конце каменного века распространилась традиция изготовления орудий и оружия, при которой они (орудия труда и предметы вооружения) как бы «выстрегивались» из подходивших по размерам кусков по-

род. Распространились и топоры, тесла, долота из мягких пород камня. Мы и в начале XXI века не в состоянии повторить в полноте опыты южноуральцев каменного века по работе с камнем. Навыков маловато.

Ученые утверждают, что языки этих народов были далекими предшественниками тех, на которых сейчас говорят современные манси и ханты Северного Урала и Западной Сибири. В нынешних южноуральских степях стоянки каменного века начали изучать не более полувека назад. Сейчас благодаря археологам они известны в степных районах Челябинской области: в Брединском районе по берегам реки Синтасты, или Синташта (Могильная — *казах.*), у поселков Андреевский и Мирный, на реке Бирсуат («единственный водопой» — *казах.*), реке Камысты-Аят; в Карталинском районе — стоянки по рекам Карагайлы-Аят, Сухая и другим; в Варненском — на Верхнем, Среднем и Нижнем Тогузаке, Тееткане; в Верхнеуральском районе — по берегам реки Урал, озер Большой и Малый Бугодак и, конечно, Карагайского озера. В Чесменском районе стоянки охотников-рыболовов каменного века разбросаны по небольшим рекам, наподобие Черной. В Кизильском районе это стоянки на берегах реки Урал и ее притоков, например, на реке Бахта; в Нагайбакском — по берегам реки Гумбейки. В Троицком — на реке Уй у сел Степное, Стрелецкое, Чернореченское, у поселка Березовского и во многих иных местах.

Так что почти на любом озере и на берегу всякой степной нашей речки можно поднять с дороги каменную пластинку-вкладыш из составного лезвия охотника каменного века или изящный скребок, которым так удобно чистить пойманную рыбу, — осколки давно ушедшей жизни. К сожалению, в большинстве своем остатки жилых площадок древних обитателей Южного Урала сильно «потревожены», особенно в ходе современного земледельческого освоения этих территорий. Слабая археологическая изученность степей Южного Зауралья до 1970-х годов и несоблюдение при запашке полей с помощью современной техники границ водоохранных зон у рек и озер привели к уничтожению в XX веке сотен стоянок каменного и меднокаменного века. Когда-нибудь это время назовут временем катастрофы для археологии степей Южного Зауралья. Невежественные современники в этом смысле преуспели не меньше, чем их алчные предшественники из XVIII века — «бугровщики» и «горбачи».

Южное Зауралье в бронзовом веке

Бронзовый век длился в степях Южного Зауралья с III тыс. до н. э. по VII век до н. э. В конце XXI века до н. э. в южноуральских степях полосой вдоль восточных отрогов гор Южного Урала появились невиданные ранее укрепленные поселения. Жизнь их обитателей была совершенно не похожа на жизнь местных народов охотников-рыболовов и собирателей, которые привыкли селиться небольшими родовыми группами в небольших поселениях без укреплений.

Если посмотреть сверху, то окажется, что стены и рвы окружали округлую или овальную площадку в помещениях, расположенных рядами вдоль внутреннего края стен, могло жить одновременно, по разным подсчетам, от 800 до нескольких тысяч человек. Привыкшие жить небольшими группами на столь же небольших стоянках, местные жители присматривались к огромным по меркам того времени крепостям. Можно только догадываться, какие они испытывали чувства при этом: удивление, страх или почтение?

Если местные народы были охотниками-рыболовами и собирателями и жили практически в каменном веке, то обитателей синташтинских укрепленных поселений кормило, помимо пастушеского скотоводства, производство меди, бронзы и орудий из них. Ученые полагают, что укрепленные поселения основывались в Южном Зауралье в окрестностях месторождений минералов, содержащих медь (прежде всего малахита и азурита) и рядом с лесами — источниками древесного угля для металлургических горнов.

Первое подобное поселение было раскопано археологами Владимиром Федоровичем Генингом, Владимиром Владимировичем Генингом и Геннадием Борисовичем Здановичем в излучине степной реки Синташты, у поселка Рымникского, что в Брединском районе. К сожалению, большая часть поселения была за столетия уничтожена, смыта разливами реки. Но и то, что сохранилось, потрясло археологов. По их мнению, округлая площадка была опоясана двумя линиями обороны. Каждая состояла из уступчатого рва и расположенной за ним стены сложной конструкции. При ее возведении использовались не только дерево, земля и дерн, но и, как считают исследователи, глиняные блоки. Внешняя стена была как бы составлена из бревенчатых срубов, поставленных по кругу, заполненных землей и покрытых с наружной стороны глиной. Никогда до этого времени в южноуральских степях ни один народ не строил ничего подобного! Ученые полагают, что стены Синташтинского укрепленного поселения в высоту достигали 3,5 м. Несколько ворот

позволяли свободно проезжать разнообразным повозкам. К линиям обороны изнутри были пристроены трапециевидные в плане помещения, стены которых, как полагают исследователи, выкладывались из глины. Продольные стены были общими для соседних помещений. Внутри каждого из помещений — по несколько комнат, составлявших жилую часть. Но в каждом из помещений была и хозяйственная часть, где размещались колодец, печи купольного типа, а также ямы хозяйственного назначения. В каждом из описанных помещений, по мысли исследователей, жили по 20—30 человек из нескольких поколений близких родственников.

Недалеко от стен Синташтинского поселения археологи наткнулись на кладбище (археологи называют древние кладбища могильниками), принадлежавшее жителям поселения. Могилы располагались группами к северу от поселения. Каждую группу отличало тяготение могил, расположенных по краям, к некоему центру. Скорее всего, каждая из этих площадок была кладбищем одной большой патриархальной семьи, занимавшей на поселении одно помещение.

С помощью деревянных клиньев древние строители отделяли пласты твердой глины с камушками, отрывая таким образом огромные ямы, в которых собирали подготовленные заранее срубы без дна — «дома мертвых». Скорее всего, их стены украшали войлоками. Войлоками выстлали и пол погребальной камеры.

Погребенных в Синташтинском могильнике людей хоронили в одежде, с украшениями, орудиями труда или вооружением, либо «в позе спящего» (скорченно на боку, с кистями рук у лица), либо на спине с согнутыми в коленях ногами. Два погребения вообще изумили археологов. Кости людей, видимо, погибших вдали от родных мест и похороненных не сразу, были помещены в некую кожаную, деревянную (или из коры?) емкость. Сверху положен череп. В остальном здесь было все, как и в других погребениях.

В углубления в полу нескольких деревянных гробниц были поставлены деревянные колеса, снабженные спицами (от двух до пяти колес в одной могиле). Интересно, что в противоположной от колес стороне пола в гробнице часто устанавливались на основание головы двух коней. Рядом парами укладывались их обрубленные в скакательном суставе ноги, и все это покрывалось конской шкурой. У конских голов находились и уцелевшие через тысячелетия остатки узды — роговые диски с отверстием в центре и шипами с одной стороны. Смысл этого ритуала и облик самих повозок неясны до сих пор. Одни ученые считают, что в гробницы ставили самые настоящие боевые колесницы, а погребенные в них были знатными

воинами, управлявшими жизнью общины. Тем более что в этих же могилах иногда находились и дорогостоящие предметы вооружения: увесистые боевые бронзовые топоры с бойком на тыльной части обуха, которыми можно было и с врагом справиться, и применить их для лишения жизни коня или быка при совершении священных ритуалов; изящные бронзовые наконечники копий и стрел; обоюдо-острые кинжалы; страшные по своему действию каменные наконечники стрел.

Однако другие археологи полагают, что речь может идти, скорее, не о помещении полностью двухколесных повозок в эти гробницы, а о том, что это были лишь колеса, вкопанные на четверть высоты в пол. «Кузовом» подобной повозки, как представляли древние люди, была... сама деревянная гробница, которую вместе с погребенным «кони» влекли в «Страну мертвых». Она, судя по тому, в какую сторону были повернуты головами погребенные взрослые люди и морды коней, находилась в северной части горизонта.

В гробницах были найдены специально устроенные отсеки-лари, забитые головами и ногами домашних животных. Туши убитых бойками боевых топоров коней укладывали и на деревянное перекрытие гробниц (до шести в одной могиле). Кроме коней для жертвоприношений использовали быков, овец и собак. Удивительные находки ждали ученых в могилах Синташтинского могильника: например, крупная малахитовая бусина. Этот минерал содержит медь. Ее металлурги бронзового века получали, нагревая мелко истолченный малахит вместе с древесным углем в небольших металлургических печах, куда вдувался (для повышения температуры) воздух. Но и сам этот минерал, и извлечение из него меди древним людям представлялись чудом. Сам малахит явно наделялся волшебными свойствами. Поэтому малахитовую бусину нельзя считать только украшением.

Раскапывая этот могильник и подобные ему того же времени и принадлежавшие тому же народу, археологи не переставали удивляться, насколько сложны здесь погребальные обряды и богат инвентарь. Было выдвинуто предположение, что найденный на реке Синташте могильник содержал погребения лишь знатных людей, прежде всего воинов-колесничих, которые не только храбро сражались, но и руководили жизнью общины. Но с этим утверждением согласны не все.

Из укрепленных поселений Южного Зауралья начала бронзового века, о которых идет речь, всемирную известность получил лишь Аркаим, расположенный в долине реки Караганки на границе Бре-

динского и Кизильского районов, и это в какой-то мере несправедливо. Подобных поселений вдоль восточных предгорий Южного Урала сейчас известно более двадцати. На семи из них велись или ведутся обширные раскопки. Все они дали бесспорные свидетельства исключительной роли, которую играло в жизни этих людей производство металла — меди и бронзы. Тысячи находок (остатки металлургических печей в каждом помещении, кусочки медной руды, плавильные чаши, ложечки для разливки металла, разнообразные инструменты металлургов, заготовки и готовые к использованию орудия) подтверждают это. Пока найдены лишь несколько рудников этого времени. Один из них располагался в окрестностях поселка Новотемирского Чесменского района.

Население укрепленных поселений полностью или почти полностью было причастно к производству металла, которое тогда считалось особым видом магии, волшебства. Так что целые общины древних волшебников творили в этих поселениях чудеса превращения зеленых или синих камней с помощью огня в сияющие на солнце орудия труда, предметы вооружения и украшения.

В наши дни на Земле нет подобных обществ. Нам не с кем сравнить общество древних металлургов, кузнецов-литейщиков Южного Зауралья бронзового века, чтобы узнать, как оно было устроено. Но ясно, что большое количество металлических предметов и невероятное по затратам количество домашних животных в гробницах искусных мастеров-металлургов столь же уместно, как и в могилах выдающихся воинов или вождей.

Бронзовый век (III — начало I тыс. до н. э.) был временем скотоводов. Климат не всегда и в это время позволял эффективно заниматься скотоводством. В конце III — начале II тыс. до н. э. несколько веков были засушливыми. Около середины II тыс. до н. э. климат стал более влажным, и это благоприятно сказалось на развитии скотоводства. По берегам степных рек выросли сотни настоящих поселков с улицами домов, обращенных входами в сторону реки. Тучные стада паслись и на приречных лугах, и по склонам долин, на водоразделах.

Коровы и быки того времени в холке не превышали 130–133 см. Лошади нескольких пород в основном имели рост 136–144 см.

Что касается земледелия, то оно в южноуральских степях, возможно, на короткое время появилось лишь в самом конце бронзового века. Бесспорное свидетельство этому — обугленные зерна пшеницы, обнаруженные археологами при исследовании руин поселения Черкасы, существование которого отнесено к концу бронзового века.

Степи Южного Зауралья в раннем железном веке

Период древней истории степей Южного Зауралья, ограниченный VII веком до н. э. и II–IV веками н. э., называют ранним железным веком. Как разительно он не похож на век бронзовый, который мы только что покинули! В наших привольных степях навсегда, до XVIII века, исчезают постоянно обитаемые поселения. Это связано с тем, что потомки скотоводов бронзового века, «разбавленные» пришлыми из иных мест племенами, перешли в это время к новому образу жизни. Он называется учеными кочевничеством. Этот образ жизни предполагал периодическое передвижение групп родственников вместе со стадами и имуществом с одного пастбища на другое. Постоянные поселения стали не нужны. Этот период древней истории Южного Зауралья в степях представлен лишь курганными могильниками или отдельно стоящими большими по размерам и высоте курганами. Смену пастбищ скотоводы-кочевники увязывали со сменой времен года (лето, осень, зима, весна). На зиму стада отгонялись в долины степных речек намного южнее наших мест. Долины наших рек и приозерные луга использовались древними кочевниками как летние пастбища.

Степи Южного Урала не что иное, как часть северной окраины Великой степи, основная часть которой находится в современном Казахстане. Кочевые народы Южного Зауралья в начале этого периода по культуре оказались близки кочевникам Северного Казахстана — племенам саков. Это время как нельзя лучше рассматривать на примере раскопок курганов у села Бобровка, которое расположено чуть восточнее города Троицка, на реке Уй. Археолог Галина Ивановна Матвеева около пятидесяти лет назад раскопала здесь могилу мужчины-кочевника, над которой сородичи возвели из камня и земли насыпь. Погребенный, положенный на спину, был захоронен в одежде, перехваченной поясом с бронзовыми накладками. Это явный знак принадлежности его к воинскому сословию. Колчан со стрелами, снабженными бронзовыми наконечниками, бронзовый же кинжал в деревянных ножнах, точильный камень для его заточки и даже бронзовое кнутовище нагайки с миниатюрной скульптурой головы кабана на навершии подтверждают сказанное. Бронзовое зеркало в кожаном футляре найдено здесь же. Размышления над этими вещами, а также обнаруженными при раскопках похожих курганов в Варненском, Троицком и других районах Челябинской области, позволили Александру Дмитриевичу Таирову, основному исследователю этого периода древней истории Южного Зауралья, связать эти

материалы с началом раннего железного века и с культурой кочевников Северного Казахстана — саков.

Чуть позднее наши степи заселили другие кочевники — сарматы. Один из курганов, принадлежавших сарматам, — Большой Климовский — был раскопан А. Д. Таировым у села Климовка, что в Чесменском районе нашей области. Он был огромен, этот курган — диаметром 50 м, высотой до 4 м! Его изучение растянулось на несколько лет! Археологи установили, что под земляной насыпью таилось сгоревшее деревянное сооружение из бревен, особым образом скрепленных друг с другом. Оно служило семье знатных кочевников (вождя?) в качестве склепа, куда можно было попасть с поверхности по специальному коридору. Несмотря на то что склеп был еще в древности ограблен и сожжен, при раскопках помимо знакомства с погребальной архитектурой археологи нашли удивительные вещи: бронзовые и железные пластины, крепившиеся на лоб коня, обломок бронзового котла, ковш, бронзовые наконечники стрел, керамический сосуд. Александр Дмитриевич считает, что курган был оставлен кочевниками-сарматами, у которых были тесные связи со скифами Северного Причерноморья. Дело в том, что археологи все-таки говорят о Великом торговом пути из оренбургских степей к скифам и грекам Северного Причерноморья. Александр Дмитриевич Таиров утверждает, что уже в то время наш край был связан и со Средней Азией многими караванными дорогами.

Для того чтобы отстоять свои пастбища, защитить семьи и имущество, победить сильного врага, кочевники создавали военные союзы во главе с вождями, военной и родовой знатью. Археологам известны в наших степях как погребения знатных, так и могилы рядовых воинов той поры. Сарматы подчинили себе племена горнолесного Зауралья того времени, известные ученым под названием «иткульская культура», заставляя их отдавать выплавленную ими бронзу для последующей перепродажи кочевым племенам Восточной Европы. Оказали они большое влияние и на жизнь оседлого населения лесостепей, где сейчас находится Курганская область (гороховская культура раннего железного века).

Курганы военной и родовой знати были поменьше, чем у вождей, но также могли скрывать деревянный склеп. Подобный курган раскопан в степях Чесменского района Челябинской области, у поселка Новотемирского. Здесь в склепе были похоронены, как думают археологи, члены одной знатной семьи. Среди находок — керамические сосуды, в том числе из далекого Хорезма, железный наконечник копья, несколько колчанов стрел с бронзовыми, железными

и костяными наконечниками, бронзовые котлы, бронзовое зеркало и украшения. Один из колчанов явно принадлежал похороненной рядом женщине. Это не удивительно — в то время, когда почти все мужское население отправлялось в военные походы, охрана имущества, детей, стариков ложилась на плечи женщин. Кургану Темир «повезло». Археологи сделали его реконструкцию на территории музея-заповедника «Аркаим». И теперь каждый может увидеть одетых в праздничные одежды сарматов, похороненных здесь многие века назад.

Средневековый период

В II веке до н. э. сарматы Южного Зауралья, как считает А. Д. Тариров, в результате нашествия новых кочевников из Центральной Азии оказались лишены своих зимних пастбищ, отнятых захватчиками, и ушли из наших мест. Через несколько столетий, в II веке н. э., в южноуральских степях появились войска новых кочевников — гуннов, пришедших сюда с юга, из Китая. Гунны победили в битвах войска старых хозяев степей Южного Урала и включили их в свой состав. Этот период древней истории наших степей так и назван — «гунно-сарматским».

Проникновение в степи Южного Зауралья новых групп тюркоязычных кочевников из степей Казахстана в VI–VII веках н. э., по мнению археолога Сергея Геннадьевича Боталова, отразилось в появлении в Южном Зауралье так называемых курганов с «усами», которые служили одновременно и могильниками, и святилищами. Надо сказать, что другие ученые относят эту разновидность курганов к предшествующему периоду — раннему железному веку.

В начале II тыс. н. э. через южноуральские степи прошли кимаки, а позднее — кипчаки, сыгравшие, по мнению ряда ученых, важную роль в формировании башкирского народа. Кимаки создали забытое в веках, но тогда сильное государство — каганат. Завоевавшие Южный Урал в 1230-е годы монголы переселили в южноуральские степи отдельные племена, жившие ранее на Алтае или в Сибири. Эти разноплеменные тюркоязычные кочевники, вместе с местными племенами составившие население одного из государств Золотой Орды — Улуса Шибана, принесли в южноуральские степи традиции своей родины.

Помимо погребений кочевников этого времени здесь известны и святилища, возведенные ими в честь предков. Несколько групп подобных святилищ археолог Владимир Петрович Костюков раскопал по берегам степных рек в Карталинском районе Челябинской обла-

сти (рис. 134). Святилища выглядели как зимние дома кочевников. Нижняя часть — из врытых в землю вертикально четырех больших каменных плит, поставленных в виде оградки; верхняя часть достраивалась из дерева. Иногда внутрь оградки помещалось вертикально поставленное дерево, но не в качестве подпорки, а в соответствии с представлениями этих людей об устройстве мира. В его центре, как они считали, растет «мировое дерево» — дерево жизни, соединяющее наш мир с расположенным выше верхним миром. Перед оградкой вкапывалось выполненное из камня изображение предка, а чуть поодаль — каменные столбики-коновязи. Археологи попытались представить обряд поминок у подобного святилища: родственники-мужчины приезжали на праздничный пир на конях, оставляя их у каменных коновязей. Каменный предок тоже принимал участие в пиршестве: ему мазали каменный рот бараньим салом. По окончании поминального пира родственники уезжали и никогда больше не возвращались. Святилище иногда сжигалось.

Южноуральские святилища средневековых кочевников похожи на алтайские, но не во всем. Нет здесь каменных коновязей. Зато вокруг некоторых оградок археологи нашли остатки вертикальных деревянных столбов. Может быть, это остатки подпорок для кры-

Рис. 134. Поминальный комплекс XIII–XIV веков Каменный Амбар I. Исследовался В. П. Костюковым

ши святилища. Но вполне может быть, что на этих столбах были развешаны посвященные предку чучела коней. Этот обряд хорошо известен у многих кочевых народов. С восточной стороны южноуральских святилищ были вкопаны каменные плиты-стелы. На их восточных сторонах и были высечены лица усатых воинов-предков.

Лишь около 500–600 лет назад среди южноуральских кочевников, бывших язычниками, начинает распространяться ислам. Постепенно из обрядов погребения исчезает традиция помещать в могилу вещи. Погребенных начинают хоронить в соответствии с требованиями ислама. В это же время, и это не случайно, на берегу степного озера (с характерным названием Кэшенэ-куль) был выстроен мавзолей. Намного позднее в окрестностях мавзолея был основан казачий поселок, впоследствии названный Варной.

Постройка мавзолея, скорее всего, была связана с погребением здесь нескольких человек. Кем они были? Загадка. Археолог из Петербурга Эдуард Юльевич Петри, который более ста лет назад изучал погребения в мавзолее, установил, что здесь были похоронены несколько человек, в том числе одна женщина. Погребенные явно не были простыми кочевниками-скотоводами. Да и облик самого мавзолея обычен для... севера Средней Азии, где известны подобные ему. Сам мавзолей выстроен из тонкого (в сравнении с современным) квадратного обожженного кирпича. Основной объем здания имеет форму куба. На нем выложен невысокий цилиндр, перекрытый двенадцатигранной призмой. Все сооружение венчает двенадцатигранная пирамида. Вход, расположенный с южной стороны, оформлен порталом. Здание составляет единое целое с прямоугольной площадкой, окруженной рвом и валом. В Средней Азии подобные мавзолеи воздвигались над могилами выдающихся людей или людей, считавшихся святыми. Не исключено, что и средневековый мавзолей у современного поселка Варна был таковым. Чем иначе объяснить то, что вокруг него в Средние века было похоронено, по меньшей мере, около тысячи человек? Современное название мавзолея — «башня Тамерлана» — не имеет к погребенным здесь людям никакого отношения, как и сам Тамерлан — грозный завоеватель мира XIV–XV веков. Многого говорит за то, что мавзолей был построен на древнем караванном пути, соединявшем в течение столетий наши места со Средней Азией.

Непосредственно перед русской колонизацией степи Южного Зауралья делили между собой башкирские и казахские роды и племена. Об этом сейчас напоминают лишь старинные кладбища с редкими арабоязычными эпитафиями (надгробными надписями) да названия рек, озер, гор и урочищ.

Очерк 2. ЮЖНОУРАЛЬСКОЕ МЕЖДУРЕЧЬЕ И ЕГО ДРЕВНИЕ ОБИТАТЕЛИ

В каменном веке...

От восточных хребтов южноуральских гор вольно раскинулось междуречье Исети на севере и Уя на юге. Через холмистую страну весело бегут навстречу солнцу многочисленные речки и ручьи. Облака отражаются в воде сотен озер. Березовые леса соседствуют с полями.

Пока что древнейшие следы обитания здесь людей отнесены к концу ледниковой эпохи и каменного века.

Обрывистый берег реки Багаряк на севере современной Челябинской области (найди на карте) стал для охотников той поры местом добычи диких лошадей. Специальные загонщики так пугали лошадей криками, огнем, что некоторые из животных срывались вниз со скалы и погибали. В небольшом гроте рядом с этим обрывом охотники разделявали туши, оставляя ненужное. Вот эти-то кости и «рассказали» через десять-двенадцать тысяч лет ученым — Николаю Георгиевичу Смирнову и Валерию Трофимовичу Петрину, — что происходило здесь, на берегу Багаряка, у современного села Зотино в далеком прошлом (рис. 135).

Другая община охотников конца древнего каменного века обосновалась на берегу озера Большие Аллаки, что в современном Каслинском районе (рис. 136). В. Т. Петрин собрал здесь их каменные орудия. Как и на стоянке Троицкая I, большинство из них было изготовлено на сколотых с кристаллов горного хрусталя пластинах и отщепах (рис. 137).

Вспоминаю, как предлагал своим пятиклассникам прокатиться на «лифте времени» и посмотреть, как менялось население нашего края от века к веку. Вот, например, зарисовка из жизни населения предгорной части Южного Зауралья в неолите — энеолите. Ее выполнил художник Ю. В. Шмелев, опираясь на данные археологии и этнографии. Людям XXI века сложно согласиться с тем, что относительно недавно мир был таким не похожим на современный. Но археология изредка демонстрирует нам персонажей исчезнувших миров Южного Зауралья. Вот плитка талькохлорита, случайно найденная на одном из археологических памятников в черте современного Снежинска. Плитка хранится в музее челябинского Дома пионеров и была описана в публикации, подготовленной мной со-

Рис. 135. Грот Зотинский I. Реконструкция загонной охоты на диких лошадей в позднем палеолите. Художник Ю. Шмелев

Рис. 136. «Каменные палатки» на юго-восточном берегу озера Большие Аллаки

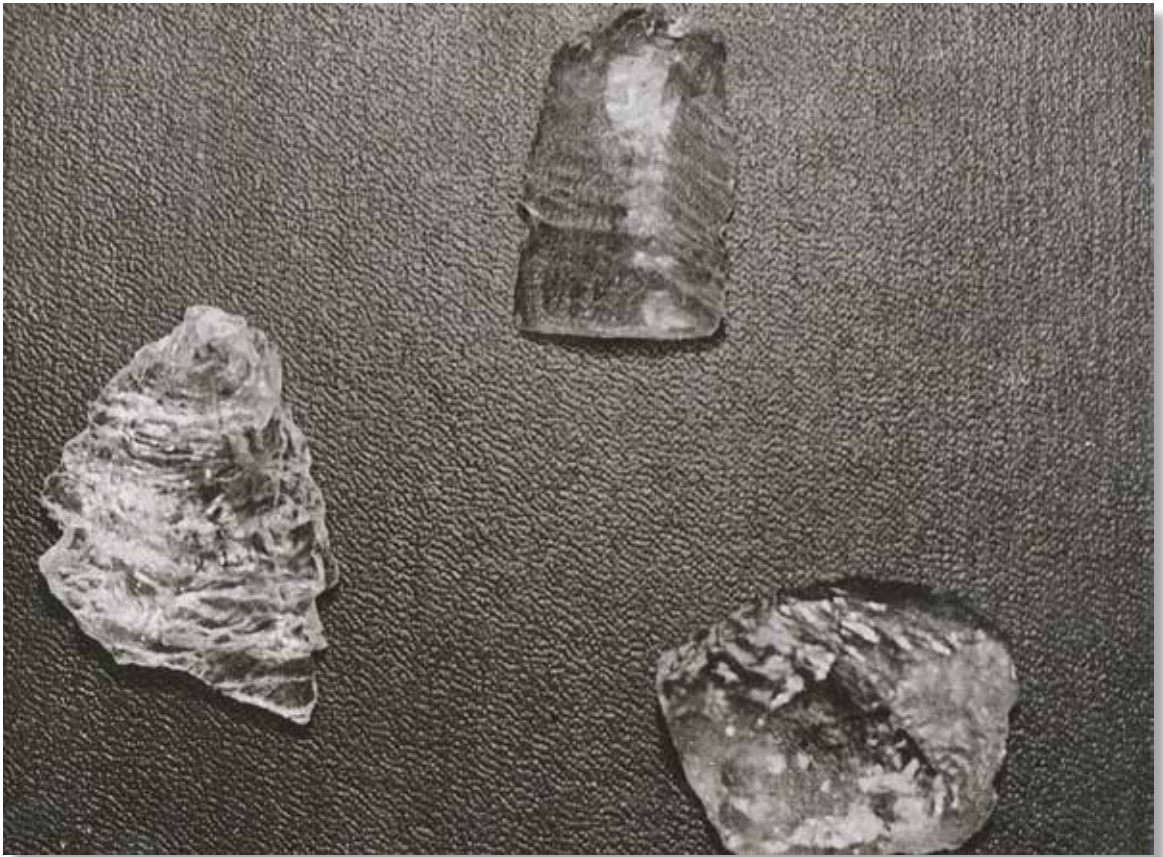

Рис. 137. Хрустальные предметы позднего палеолита из раскопок В. Т. Петрина у останцов с наскальными рисунками на озере Большие Аллаки

вместно с Н. А. Чупруновой. Плитка эта интересна тем, что на четырех ее сторонах вырезано пять (!) изображений одного и того же персонажа. Его головной убор украшают схематично изображенные рога животных. Похожие изображения уже более ста лет назад открыл (и описал) археолог Владимир Яковлевич Толмачев на скалах у озера Большие Аллаки. Древние шаманы вновь напоминают о том, что времена меняются. Меняются и народы, живущие в эти времена.

Стоянки среднего и нового каменного века (мезолита и неолита) на берегу озер Чебаркуль и Еловое (найди на карте) исследовали археологи Нина Павловна Кипарисова, Лия Яковлевна Крижевская, Вадим Сергеевич Мосин и Евгений Минович Беспрозванный (рис. 138). Основным видом жилища этих периодов археологи пока считают переносной шалаш-чум с каркасом из жердей, покрытым пластами бересты или шкурами. Тепло давал разведенный внутри костер, на котором готовилась и пища. Рядом с шалашами работали мастера по изготовлению каменных орудий, мастерицы лепили остродонные либо круглодонные сосуды, чтобы после обжига варить в них пищу. На костер сосуд ставился при помощи подставки из трех-четырех камней, уложенных по кругу. Время от времени на стоянку возвращались охотники с мясом и шкурами лосей, косуль, с добытой рыбой.

Обитатели гор и предгорий Южного Урала, связанные тысячами «нитей» с природой, зависевшие от нее в полной мере, обожествляли ее. Поэтому вершины гор, необычные одиночные скалы или группы скал, выделявшиеся на местности, практически всегда становились у них культовыми местами, святилищами, предназначенными для различных обрядов. Несколько подобных святилищ в начале прошлого века обнаружил археолог и краевед Владимир Яковлевич Толмачев на берегу озера Большие Аллаки (Каслинский район Челябинской области). Там находятся группы скал причудливых очертаний, известные современным местным жителям как «Каменные палатки». Археологи расходятся во мнении, когда здесь, под скальными козырьками, появились рисунки, выполненные охрой. Скорее всего, это произошло еще в конце каменного века. Из рисунков все, кто их видел, выделяют несколько. Они изображают мужчин в ритуальном танце со слегка согнутыми руками и ногами (рис. 139). Их головы украшены... рогами. Точнее, украшены ими не головы, а головные уборы. Скорее всего, перед нами изображения древних великих колдунов-шаманов, жизнь которых была связана с родовой группой, создавшей это святилище (рис. 140). Подобные изображения известны в других древних святилищах как на Урале, так и в Сибири.

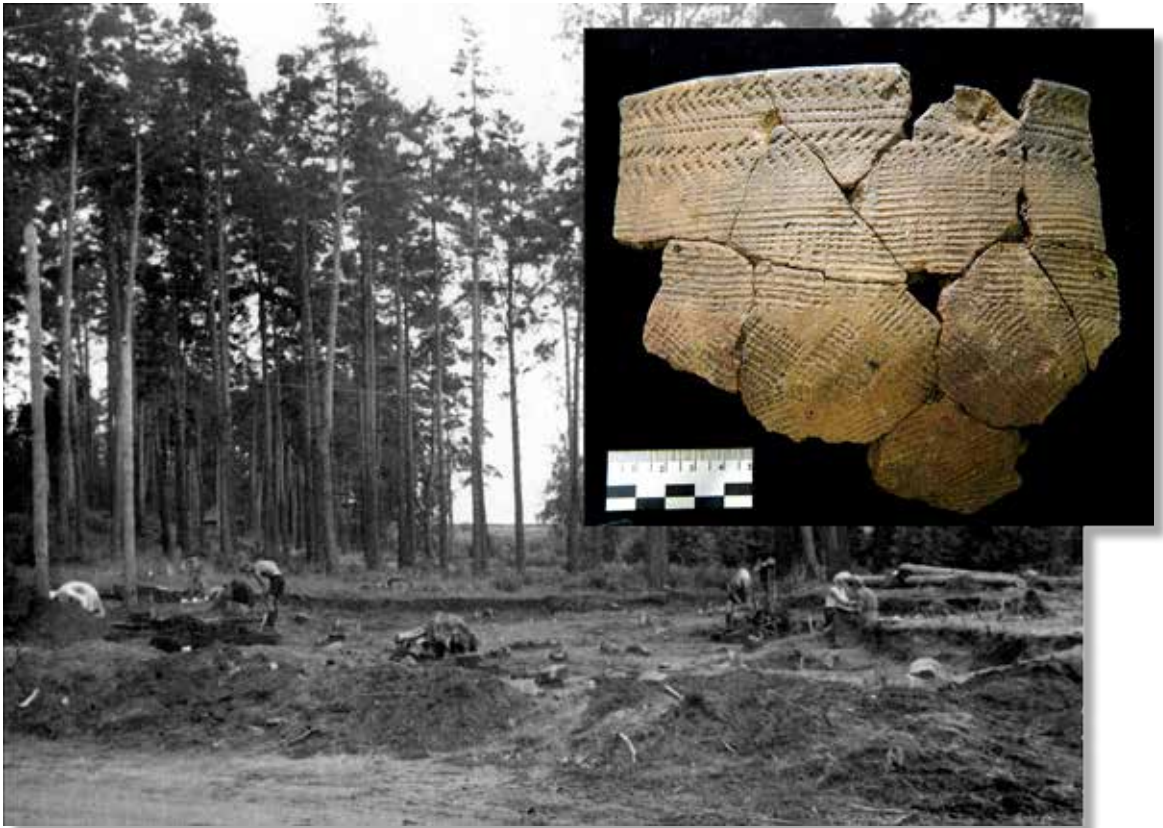

Рис. 138. Раскопки неолитической стоянки Чебаркуль I (руководитель Н. П. Кипарисова) и фрагмент сосуда с этой стоянки

Рис. 139. Один из древних наскальных рисунков на озере Большие Аллаки

*Рис. 140. Обитатели Южного Урала неолитического времени.
Художник Ю. Шмелев*

Святылище на озере Большие Аллаки — не единственное на Южном Урале. Несколько десятков мест с древними рисунками на прибрежных скалах известно в основном по предгорным или горным рекам и озерам. Обломки древних сосудов на площадках у вершин знаменитых Шиханов на озере Аракуль в районе города Верхний Уфалей, найденные археологами, также не случайно оказались там. Они могли быть частью древних обрядов в честь духов гор. Единственная незадача — археологам очень сложно определить, когда именно шаманские бубны звучали у каждого из этих святылищ. Кроме того, наши современники, желая оставить память о себе или своих друзьях, часто пишут свои имена, строчки из любимых песен на тех же скалах, где оставили свои рисунки наши предшественники несколько тысяч лет назад. Древним рисункам угрожает уничтожение.

Век бронзовый

Группы охотников-рыболовов жили в согласии с природой на Южном Урале до первых веков II тыс. до н. э. Именно тогда у обитателей южноуральских лесостепей появились новые соседи. Расположенные южнее степи наполнились звуками жизни племен скотоводов, говоривших на других языках и живших уже в бронзовом веке: блеянием, мычанием и ржанием домашних животных, звоном молотков кузнецов, изготавливавших орудия из меди и бронзы, шипением расплавленного металла и «фырканием» мехов, нагнетавших воздух в металлургические горны. Все чаще группы южных соседей стали нарушать границы. Периодически вспыхивали кровавые конфликты, но скотоводов-степняков было больше. Они были лучше вооружены и организованы. Так или иначе, вскоре в лесостепях и на южной кромке лесов уже жил народ, который мог разговаривать как на родном языке, так и на языке южных соседей. Скорее всего, народ этот (археологи условно называют его «черкаскульская культура») появился и сам в результате смешения нескольких народов — степных и лесных. Особенно хорошо это видно по глиняным сосудам черкаскульской культуры — керамике, в орнаменте которой «узнается» влияние федоровских племен. Впервые материальные остатки черкаскульской культуры нашел археолог Константин Владимирович Сальников на берегу озера Черкаскуль, которое находится на границе современных Челябинской и Свердловской областей. Помимо охоты и рыболовства у черкаскульцев стало обычным занятие скотоводством и производством медных и бронзовых предметов. На берегах и островах Аргазинского водохранилища археологи Уральской археологической экспедиции, в частности Александр Федорович Шорин, раскопали черкаскульские поселения, а также редкие погребения под небольшими курганами.

Лесостепи Южного Урала в бронзовом веке (II — начало I тыс. до н. э.) обживали еще несколько народов, названных археологами «алакульская культура» и «федоровская культура». Остатки их поселений раскопали свердловские археологи Тамара Николаевна Чебакова и Владимир Иванович Стефанов у деревни Сарафаново и на реке Камбулат, что в Чебаркульском районе. Многослойное поселение Чебаркуль III на южном берегу озера Чебаркуль в течение нескольких лет изучала Ирина Павловна Алаева.

Не был бронзовый век периодом мира. Общины скотоводов нередко враждовали друг с другом. На берегу Рыбного болота, что у города Коркино, археолог Юрий Петрович Чемякин изучил часть

поселения, оставленного людьми алакульской культуры. Перед исследователями в раскопе предстала... трагедия, точнее, ее зримые следы: костяки убитых обезглавленных людей в жилище и в колоде, много оружия, следы пожара... И здесь надо сказать, что археологи изучают не историю вещей, как можно подумать, а историю людей, их создавших.

Погребения людей бронзового века в Чебаркульском районе у села Звягино исследованы археологом Ириной Павловной Алаевой; у деревни Туктубаево — археологом Еленой Ефимовной Кузьминой (рис. 141, 142). Археологам Ольге Николаевне Корочковой и Владимиру Ивановичу Стефанову в течение нескольких лет открывал свои тайны могильник бронзового века на озере Урефты.

В Красноармейском районе известны многочисленные поселения скотоводов бронзового века на озерах и бывших озерах — болотах, в частности на озере Сыкандык, в урочище Ялман у деревни Дубровка, на озере Кыскайкуль у деревни Таукаево. Небольшие раскопки на поселении Ачликуль провел Владимир Савельевич Стоколос. Курганный могильник бронзового века на берегу реки Миасс у села Миасского исследовал археолог Владимир Федорович Генинг. На водораздельных возвышенностях у озера Треустан и у реки Миасс изучены одиночные курганы раннего железного века. Но самым знаменитым могильником бронзового века в южноуральской лесостепи является Федоровский на реке Миасс в окрестностях Челябинска, изученный еще в 1930-е годы Константином Владимировичем Сальниковым (рис. 143). Именно он дал название древнему народу бронзового века, ныне известному как федоровская культура. Ее люди помещали в деревянные гробницы в могилах не тела умерших сородичей, а лишь их пережженные и измельченные кости.

Ранний железный век

Прошли столетия. Наступил ранний железный век. Далекie потомки черкаскульцев, известные археологам под условным названием «иткульская культура», расселились в восточных предгорьях Урала. Сейчас это окрестности города Полевского (Свердловская область) и северных городов Челябинской области — Верхний Уфалей, Снежинск. Самые южные следы пребывания людей иткульской культуры известны на озерах Чебаркуль, Большой Теренкуль. Историю иткульцев в VII—III веках до н. э. археологи знают лишь по результатам исследования развалин городищ и селищ. Первое из них изучил Константин Владимирович Сальников на берегу озера

Рис. 141. Раскопки черкаскульского кургана у деревни Туктубаево под руководством Е. Е. Кузьминой

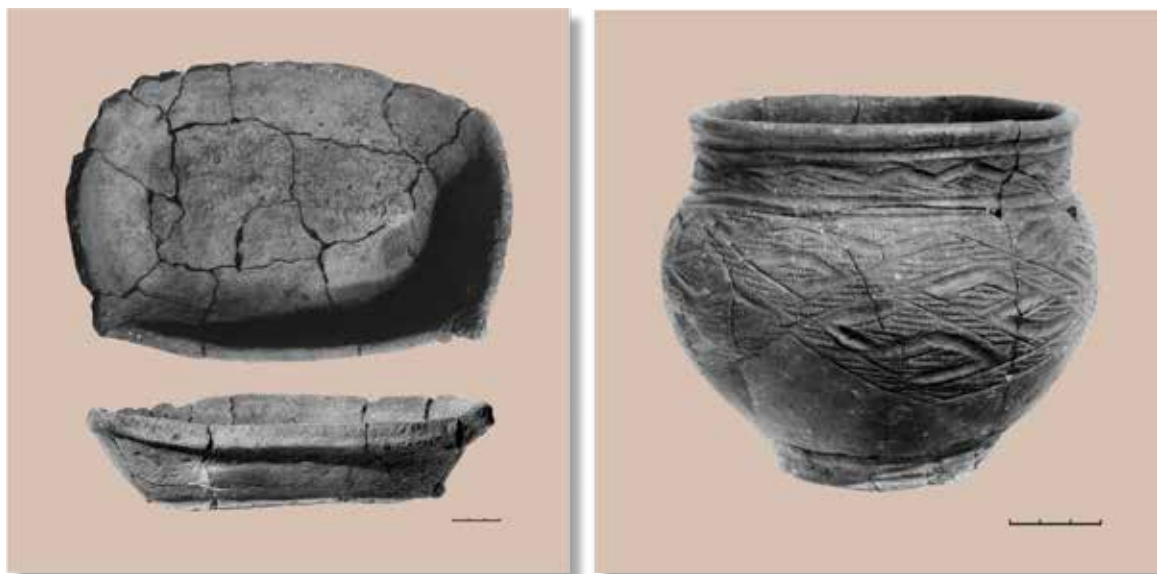

Рис. 142. Сосуды черкаскульской культуры позднего бронзового века из кургана у деревни Туктубаево (руководитель раскопок Е. Е. Кузьмина)

Рис. 143. Вид курганного поля Федоровского могильника перед раскопками (руководитель К. В. Сальников)

Иткуль (отсюда название древней культуры). Свои укрепленные селения — городища, этот народ предпочитал устраивать на высоких, открытых всем ветрам мысах озер и рек. Мысы отгораживались от «поля» неглубокими рвами и деревянно-земляными стенами (основу их составляли две параллельные деревянные стенки, пространство между ними заполнялось землей). Внутренняя площадка хорошо изучена на Большом Иткульском городище. Как выяснила археолог Галина Викторовна Бельтикова, за стенами располагались в три линии... двадцать семь металлургических горнов и расположенные рядом навесы (рис. 144).

Остатки иткульского медеплавильного производства археологи изучили и на Малом Вишневом острове, что на Аргазинском водохранилище, и во многих других местах. Было высказано предположение, что переработка руды в металл и последующее изготовление совершенных медных и бронзовых изделий играли важнейшую роль

Рис. 144. Иткульское большое городище раннего железного века. Реконструкция его жизни. Художник Ю. Шмелев

в хозяйстве и жизни иткульцев. Археологам даже удалось установить, кому иткульские семьи металлургов отдавали выплавленный металл и изделия из него. Это были кочевники-сарматы. Именно они торговали иткульским металлом с другими кочевыми военными союзами тех времен и оставили здесь свои немногочисленные погребения под курганами. Одно из них, исследованное археологами в окрестностях города Озерска, удивило разнообразием найденных здесь предметов.

Как и в бронзовом веке, у металлургов-кузнецов степных племен нашего края, металлургия и обработка металлов у иткульцев была волшебством, которое творилось за высокими стенами, в тайне от непосвященных. Это были высокообразованные люди. Дно металлургических горнов, например, они выстилали пластами бересты, чтобы избежать потерь тепла. С другой стороны, в развалинах тех же горнов Г. В. Бельтикова обнаружила керамические диски с отверстиями в центре — части приборов для добывания огня и одновременно свидетельства о проведении обрядов в честь духов огня —

помощников металлургов. Может быть, именно иткульские шахты, предназначенные для добычи малахита и азурита — сырья, из которого получали в древности медь, — открыли русские горняки XVIII века, о чем писал в своих дневниках ученый-путешественник тех лет Иван Иванович Лепехин.

Люди иткульской культуры продолжали рисовать охрой священные изображения в святилищах по берегам предгорных рек и озер Южного Урала. Они так же совершали обряды у скал на озере Большие Аллаки. Доказательством этого могут служить найденные под скалами с рисунками бронзовые трехгранные наконечники стрел того времени со сплюснутыми от удара о скалу остриями.

Другое святилище людей иткульской культуры исследовано на вершине одинокой скалы на берегу озера Большой Теренкуль в Чебаркульском районе. В древности эта скала пятнадцатиметровой высоты была островом, окруженным водой. Сюда приплывали в долбленых лодках иткульские шаманы. Здесь они проводили обряды, связанные с металлургией. Доказательством служат около пятидесяти каменных и керамических дисков (частей зажигательных приборов), капли меди. Другим обрядом была ритуальная стрельба по определенному месту скалы-святилища. Здесь остались бронзовые наконечники стрел со смятыми от удара остриями, как в святилище на озере Большие Аллаки (рис. 145).

Древние рисунки известны и на скалах на одном из островов Аргазинского водохранилища. Эта традиция продолжилась и в Средние века, когда в горнолесном Зауралье жили далекие потомки населения иткульской культуры — древнемансийские родовые группы. Именно этим временем датируют археологи рисунки на реке Уфе близ станции Арсланово в Нязепетровском районе. Археолог В. Н. Широков в одном из своих трудов упоминает, что в середине XX века в Нязепетровск прибыла семья манси. Они утверждали, что на реке Уфе прежде было их родовое святилище. Оказалось, речь идет о святилище, частью которого являлись рисунки на прибрежных скалах у станции Арсланово.

Зажатая между бескрайними степями и столь же обширными лесами лесостепь Южного Зауралья и в древности, и в Средние века оказалась, таким образом, связанной с историей древних и средневековых народов, населявших степи, а равно и с историей лесных народов Урала.

Рис. 145. Предметы иткульской культуры из святилища на Лысой горе на озере Большой Теренкуль

Очерк 3. ДРЕВНИЕ ОБИТАТЕЛИ ЮЖНОУРАЛЬСКИХ ГОР

Каменный век. Палеолит

Люди открыли для себя долины горных рек нашего края еще в древнем каменном веке. Долины рек служили им как бы «дорогами», по которым они заселяли неведомые ранее земли. Следы древнейших обитателей известны ученым прежде всего в многочисленных пещерах, промытых подземными водами в толще южноуральских гор. Не в глубине их (темнота пещер казалась враждебной), а под сводами входных гротов люди находили укрытие от непогоды. Именно здесь они разводили костры, свет которых защищал от пугающей темноты ночи и грозных соперников — диких зверей. Мы плохо знаем жизнь первооткрывателей горных долин нашего края вне пещер. Нет свидетельств. Зато сами пещеры скрывают разнообразные тайны, связанные с древнейшими южноуральцами. Входы в некоторые пещеры еще в глубокой древности были погребены под грудями камней, упавших сверху, и люди после этого не могли в них попасть в течение последующих тысячелетий. А это значит, что следы древней жизни в них не были позднее потревожены никем.

Иногда подобные пещеры открываются современным людям. Так случилось около ста лет назад, когда в ходе ремонтных работ на железной дороге у города Усть-Катав, на реке Юрюзани, после взрыва скалы обнажился вход в неизвестную ранее пещеру (рис. 146). Когда люди проникли в нее, стало понятно, что здесь давно никто не был. Из глинистого пола торчали диковинные кости древних животных. Вызванный из Ленинграда (так тогда назывался Санкт-Петербург) археолог Сергей Николаевич Бибииков определил, что в этой пещере нет следов пребывания древних людей. Зато он нашел свидетельства их жизни (угли от костров и небольшое количество каменных предметов), погребенные под двухметровым слоем камней во входных гротах нескольких соседних пещер (Бурановской, Ключевской).

В прошедшем столетии пещеры неоднократно радовали археологов, изучающих начало истории людей в горах Южного Урала. Назовем, например, пещеры на реке Ай, у небольшого поселка Сикияз-Тамак, что в современном Саткинском районе (рис. 147). Пещеры здесь были известны и в прошлом, но их археологическое изучение было начато Владимиром Ивановичем Юриным сравнительно недавно. Прежде всего он установил, что пещер здесь гораздо больше,

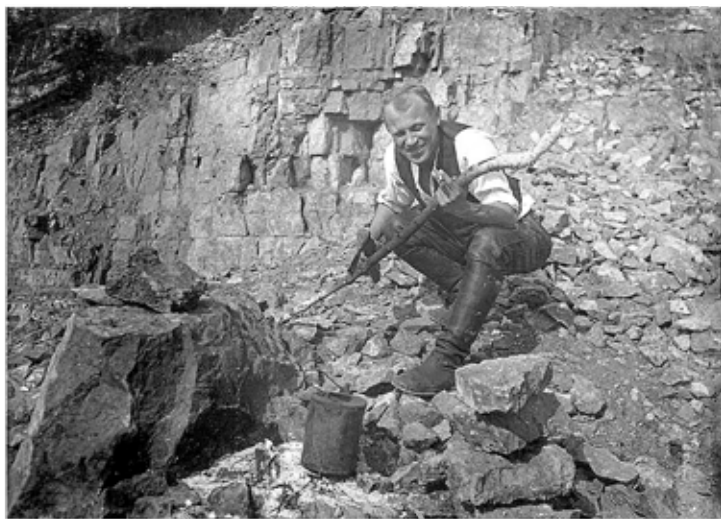

Рис. 146. Раскопки в пещере Усть-Катавская II под руководством С. Н. Бибикова

Рис. 147. Пещерный комплекс Сикияз-Тамак на реке Ай, исследованный В. И. Юриным

чем считалось ранее. Затем внимательно обследовал их. Выяснилось, что пещеры полны свидетельствами пребывания в них людей в различные времена. Но самые первые люди пришли сюда еще в древнем каменном веке. Они периодически жили в этом районе, сообща охотились на животных, а в одной из пещер — в Сквозной — было устроено святилище. Здесь археологи нашли черепа громадных хищников той поры — пещерных медведей. Полагают, что древние люди поклонялись духу этих гор или своему прародителю, наделив его чертами медведя.

Святилищем у людей конца ледниковой эпохи служила и другая пещера — Игнatieвская, что на реке Сим (Катав-Ивановский район Челябинской области). Археолог В. Т. Петрин обнаружил на обоих

ее этажах рисунки древнейших обитателей этих мест, выполненные охрой (глиной) и сажей. Рисуются образы животных современной им эпохи (мамонтов, диких лошадей, шерстистых носорогов), древние шаманы творили волшебство, заботясь о многочисленности животных и успехах охоты на них. Здесь же проходили обряды посвящения детей во взрослые люди. Так считает Валерий Трофимович Петрин.

Каменный век. Мезолит — неолит

После окончания ледниковой эпохи (около 10 тысяч лет назад) горы и долины Южного Урала постепенно приобрели современный вид. Что имеется в виду? Прежде всего то, что постепенно, медленно, в течение нескольких тысячелетий таяли громадные ледники, заполнявшие некоторые горные долины (например, в районе горы Ирмель). Стало теплее. Появились болота. Таежные дебри укрыли долины и склоны гор. Именно к этому времени относятся стоянки древних охотников-рыболовов, которые около полувека назад исследовал археолог Геральд Николаевич Матюшин на берегах затерянного высоко в горах, закрытого большую часть года облаками загадочного озера Зюраткуль, что в Саткинском районе (рис. 148). Раскопки на нескольких береговых мысах (Каменный, Долгий Ельник) дали ученому и студентам из Челябинского педагогического института большое количество миниатюрных каменных пластинок с параллельными краями, из которых древние мастера искусно делали разнообразные орудия охоты, рыболовства. Непролазные чащи тогда были полны зверей, озера переполнены рыбой.

Археологи пока не пришли к единому мнению относительно образа жизни обитателей гор Южного Урала этого периода каменного века, который получил у ученых название «мезолит». Скорее всего, он был таким же, как и у жителей открытых пространств в ту далекую эпоху, и предполагал существование как круглогодично обитаемых поселений, так и сезонных стоянок охотников-рыболовов, на которых те на время ставили легкие переносные шалаши на каркасе из жердей, крытых пластами бересты или шкурами животных. Этот образ жизни не менялся в течение нескольких последующих тысячелетий.

Тысячелетиями жили по берегам горных рек небольшие группы охотников-рыболовов. На одной из подобных стоянок на реке Уфе на севере Челябинской области ученым удалось исследовать основание постройки типа островерхого шалаша и костра, в котором лежали обгоревшие кости диких животных (косуль). Археологи считают,

Рис. 148. По берегам озера Зюраткуль известно более десяти памятников древних культур. Часть их была изучена Г. Н. Матюшиным

что огонь в этом костре горел примерно пять тысяч лет назад, в период, который получил название «меднокаменный век» (энеолит).

Почти полное отсутствие древних некрополей обычного для наших современников облика наводит на мысль о том, что обитатели гор Южного Урала в древности обычно не предавали земле тела умерших сородичей. «Кладбищами» могли служить ветви могучих сосен, деревянные помосты или домики на столбах-сваях, выстроенные на выбранных для этого лесных полянах. Но привычные для нас погребения каменного века здесь все-таки были. Их по всему горному Уралу известно пока не более десятка. Все они найдены во входных гrotтах пещер или в расщелинах. Почти во всех этих погребениях одежду умерших украшали каменные привески. В Бурановской пещере у города Усть-Катава, например, таких привесок было несколько десятков. Археолог Юрий Борисович Сериков считает, что эти древние погребения надо понимать как могилы колдунов-шаманов. Они и в жизни были необычными людьми, и хоронить их надо было не по общему правилу.

От бронзового века к Средневековью

Находки в горных пещерах Южного Урала, сделанные археологами в последние годы, показали, что в бронзовом веке (II — начало I тыс. до н. э.) горные долины посещали и жители степей. Обломки их керамических сосудов также обнаружены в пещерах. И здесь самое время вспомнить, что некоторые археологи помещают священную гору степных пастушеских племен Евразии — Хара Березайти, соединявшую «миры» Земли и Неба, — в наши места. Они полагают, что на эту роль более всего подходила известная среди южноуральцев и самая высокая в наших местах гора Иремель. По верованиям древних скотоводов, рядом со священной горой находилось священное озеро. И действительно, в нескольких десятках километров от горы Иремель находится озеро Зюраткуль. И хотя пока это только догадка, придумка, может быть, будущие исследователи древнего прошлого нашей горной страны найдут при раскопках древних поселений и святилищ доказательства.

В начале I тыс. до н. э. в горах Южного Урала появился новый народ. Археологи дали ему, как и другим, забытым в веках, условное название — «гамаюнская культура» (по месту в Свердловской области, где были впервые найдены материальные остатки этой культуры). Пришельцы умели строить из дерева и земли дома-крепости, были хуже соседей знакомы с металлами и способами их получения. Среди их орудий много каменных. Гамаюнская керамическая посуда круглодонная и украшена орнаментом — рядами глубоких ямок, нанесенных в шахматном порядке, и целыми «полями» косых крестов, похожих на знак умножения. Археолог Виктор Александрович Борзунов из Екатеринбурга считает, что люди гамаюнской культуры вынуждены были покинуть свои родные места на севере Урала из-за многолетних дождливых сезонов, в течение которых были затоплены их охотничьи угодья. Новую родину они нашли на Южном Урале. Здесь они выстроили свои укрепленные поселения — городища. Одно из них археологи изучили на реке Уфе. Оно занимало речной мыс, перегороженный двумя линиями обороны со стороны берега. Каждая линия обороны состояла из рва и деревянной стены на валу за ним. В развалинах городища ученые наткнулись на остатки мастерских, где плавил медь и изготавливали разнообразные каменные орудия. Селился в горных долинах в этот период и другой народ (иткульская культура), хорошо известный своим мастерством по части выплавки и обработки меди и бронзы (он подробно описан в одной из предыдущих глав).

Через столетия, уже в Средние века, в горах Южного Урала появились башкирские роды и племена. Степные кочевники в прошлом, они с помощью местных народов — далеких предков современного народа манси, освоили зимнюю охоту за лесным зверем на специальных лыжах, изготовление долбленых лодок, получение меда диких пчел и многое другое.

Изучение древней и средневековой истории гор и долин Южного Урала лишь начато, но уже показало, сколь загадочные и волнующие открытия долгие тысячелетия ожидают пытливых исследователей. Совсем недавно газеты, радио и телевидение облетели сообщения о загадочных каменных сооружениях, обнаруженных в различных местах на севере Челябинской области. Это были либо пирамидки, выложенные из камней на склонах гор, либо домики из каменных плит. Особо надо сказать о грандиозных каменных сооружениях на острове Веры, что на горном озере Тургойк у города Миасса. Древние обитатели этих мест построили настоящие подземные галереи. Вес плит, служивших кровлей, как считает археолог Юлия Валерьевна Васина, достигает 17 тонн! Пока нельзя точно сказать, кто и когда в древности построил это чудо, но это не уменьшает удивления перед гением и трудолюбием наших предшественников в этих благословенных местах.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Для всех людей исторический опыт начинается с родителей, с поколений бабушек и дедушек. К сожалению, мои многолетние наблюдения говорят о том, что часто новые поколения упрямо пытаются строить свою жизнь без должного уважения к своим даже самым непосредственным предшественникам.

Старинные поверья молвят: обитателей дома, построенного на могилах, ждут большие проблемы. Но, вероятно, кошмары не мучили инициаторов относительно недавней плотной застройки того же Челябинска на кладбищах жителей города XVIII–XX веков. Над головами первопоселенцев Челябинска, похороненных в XVIII веке на кладбище (над ним сейчас площадь Ярославского перед оперным театром), грохочут трамваи и звучат оперные арии (рис. 149). Разноплеменные челябинцы XVIII–XX веков покоятся в земле как минимум от проспекта Ленина до улицы Плеханова, между улицами Елькина и Пушкина. Печальный этот список можно продолжить. А как же с «любовью к отеческим гробам», воспетой классиком? Боюсь, здесь проблема.

Мне часто вспоминается еще одно забытое могильное поле на окраине Челябинска, частично засыпанное шлаковыми отвалами ЧМК. Лежат на этом поле несколько десятков тысяч строителей металлургического гиганта. Они прибыли в Челябинск не по своей воле и не планировали умереть в ходе этого строительства в годы Великой Отечественной войны. Это тоже наши соотечественники. Если будете там, обратите внимание. Возникает ощущение братской могилы, где, по выражению поэта, «не ставят крестов...». Поле могильное уже давно запахано (рис. 150), и не без причины. Посередине — огромный металлический крест. Один на всех...

Для меня недавнее наше прошлое и осколки жизни людей, обитавших здесь тысячи лет назад, несомненно, звенья одной человеческой истории! Для большинства современников, к сожалению, поиски сиюминутного хлеба и решение сегодняшних проблем заслоняют любое прошлое, и это, кстати, не безвредно для будущего.

Своеобразие истории людей в наших местах придает прежде всего природа. Если бы не человек с его непростой историей многовековых отношений с природой, Южный Урал был бы обречен стать «уральской Швейцарией».

Вот простой и понятный пример. Всего несколько тысяч лет назад сосновый бор на месте нынешнего Челябинска простирался от района поселка Сосновка практически до того места, где сейчас Каштак-

Рис. 149. Археологи исследуют кладбище первопоселенцев Челябинска на площади Ярославского перед оперным театром

Рис. 150. Кладбище трудармейцев за ЧМЗ

ский бор, и был обильно населен разным зверьем. Родниковый Миасс нес свои кристально чистые воды к Исети. Архивные документы свидетельствуют, что еще относительно недавно, в прошлом веке, воду из Миасса челябинцы могли без опаски пить (рис. 151). Сегодня предложение напиться из Миасса будет воспринято как приглашение к самоубийству, особенно если воду зачерпнуть где-нибудь в районе поселка Солнечного (после ЧМК). Впечатляет и толстый слой маслянистых отложений на дне реки. Однажды, в 1990-е гг., меня пригласили поучаствовать в съемках фильма на тему экологии. Во время съемок я узнал о существовании отводных каналов, по которым в Миасс стекала жидкая фракция из промышленного отстойника ЧМЗ.

Десятки раз за «археологическую» жизнь по дороге «в поле» мне приходилось проезжать через Санарский бор. Люблю останавливаться в нем, особенно после дождя. Подышать волшебным воздухом, настоящим на разогретой солнцем сосновой смоле, — это наслаждение! Могу ошибаться, но, по-моему, из 11 тысяч гектаров драгоценного древнего бора только в ходе одного из пожаров 1970-х годов выгорело до 9 тыс. га. Люди говорят, что загорелся бор не случайно и не сам по себе. Ищите причину в человеческой алчности.

Принято думать, что антропогенные изменения в природе — результат промышленного переворота и, как следствие, усиления давления цивилизации на окружающую среду. В России это пришлось на XVIII—XIX века. Археологические открытия, сделанные на Южном Урале во второй половине XX — начале XXI века, позволили отодвинуть начало антропогенного преобразования природы края на несколько тысяч лет. Археолог Евгений Николаевич Черных произвел подсчет масштабов уничтожения южноуральских лесов в древности. Для выплавки тонны меди при использовании в качестве топлива древесного угля, по его мнению, нужно было превратить в уголь 1,5–2 га леса. То есть за 500 лет было уничтожено до 520 тыс. га?! И это в Оренбуржье, никогда не страдавшем от избытка лесов!

Допускаю, что русские промышленники, эксплуатировавшие медные месторождения Южного Урала в XVIII веке, не были осведомлены об опыте их предшественников из века бронзового. Однако оренбургский генерал-губернатор с «типично русской» фамилией — Иоганн Генрих Рейнсдорп, в 1760-х годах писал императрице Екатерине II: «Матушка! Если уральские заводы проработают еще лет 50, лесов здесь не останется!»

Администрация Оренбургского казачьего войска предприняла ряд защитных мер по охране лесов. Казакам было запрещено использо-

*Рис. 151. Рыбалка на реке Миасс у мельницы Чикина. 23 июля 1910 года.
Фотография из альбома № 5 К. Н. Теплоухова*

вать для строительства сосновый лес из расположенных в окрестностях поселков массивов. Была учреждена специальная стража, охранявшая леса, а сами боры обносились деревянной изгородью. Была разработана система входных билетов. Думаю, не в последнюю очередь благодаря этим мерам мы в наши дни еще имеем возможность дышать целебным воздухом двенадцати древних реликтовых ленточных сосновых боров Челябинской области.

Из поколения в поколение в казачьих селах Южного Зауралья передавались легенды о том, что казачки в поселках и станицах в начале прошедшего века даже золу из очагов не смели выбрасывать в сторону реки, чтобы не загрязнить ее, не дай Бог! Неужели настолько поменялись и население, и философия его жизни, что несколько десятилетий позднее по берегам этих же рек в очередь выстроились животноводческие комплексы, и, конечно, без очистных сооружений? А тот, кто отважился испить водицы из загрязненной реки, чтобы «не стать теленочком», должен был сначала основательно продезинфицировать ее. Мы в полевых условиях обычно делали это с помощью марганцовки.

Любование средой обитания

Всякий раз, когда бываю в Государственном историческом музее Южного Урала, я задаю себе вопрос: «Чем она, история людей, здесь, на Южном Урале, отличалась от истории в Поволжье или в Западной Сибири?»

Найдите еще место на планете, откуда реки текут в четыре стороны! Найдите место, где горы соседствуют с непроходимой тайгой, березовыми лесостепями и степями! Где реликтовые ленточные боры упрямо цепляются за гранитные массивы в глубине степей. Где три тысячи разнообразных и по-своему уникальных озер, в том числе такие жемчужины в озерном ожерелье, как Зюраткуль, Увильды и Тургояк. Для нас родные и запах степной полыни, и журчание горного ручья... и многоцветье минералов.

Минеральные сокровища Южного Урала побуждают искать в Челябинске роскошный государственный музей камня и мастеров каменных дел. Да не просто выставку с искусно подсвеченными экспонатами, а место проведения мастер-классов для детей по обработке камня, изготовлению украшений и работе древними каменными орудиями, с лавочками по продаже реплик-сувениров. И не упоминайте Минералогический музей Ильменского государственного заповедника с его академической организацией экспозиции.

В сухом остатке — единственный в области частный музей камня в Фершампенуазе Нагайбакского района. Он создан трудами подвижника геологии Александра Максимовича Маторы (рис. 152). Я могу сравнить его разве что... с Александром Грином, сотворившим среди общего хаоса и неустройства свой иллюзорный «блистающий мир», населившим его, как и Исаак Бабель в своей «Конармии», «добрыми людьми»... Со всей ответственностью заявляю — без хозяина эти камни мертвы. Только он своими неповторимыми комментариями оживляет их, выстраивает с ними некие сюжетные линии, очеловечивает, наделяет крыльями... На месте чиновников от образования я бы водил к нему на курсы повышения квалификации учителей — послушать, как Александр Максимович разговаривает с маленькими и не очень посетителями, в какие сказочные приключения отправляется вместе с ними по Стране камней... Словами это не передать. Надо видеть. Восхищенный магией творчества А. М. Маторы, я как-то подарил ему свой учебник по древней истории Южного Урала, написанный для пятиклассников. Вскоре он мне позвонил и спросил... знаю ли я (автор учебника), о чем он? Я восхитился вопросом и спросил: «О чем же?» Ответ был парадоксален: «О любви»...

Рис. 152. А. М. Матора — подвижник геологии и создатель уникального «Музея камня» в Фершампенуазе

В теплое время года по всему Южному Зауралью разбредаются и разъезжаются так называемые «хитники» в поисках разнообразной каменной добычи. На своих разведочных маршрутах мы неоднократно наблюдали и их, и результаты их работы.

Так что в этом смысле мало что поменялось за 110 лет — с того дня, когда академик В. И. Вернадский под впечатлением от увиденного во время его Радиевой экспедиции по нашим местам в письме академику А. Е. Ферсману изрек следующее: «Урал производит тяжелое впечатление тем более ужасающим расхищением, какое здесь происходит, огромных богатств. Леса, копи дорогих камней, дороги, строй жизни — все отражает все ту же неурядицу, все то же допотопное государственное устройство, анархию, какая царит кругом. Вы не можете себе представить, что за варварство знаменитая Мурзинка и ее окрестности! А между тем богатства здесь и сейчас огромные. В 200 лет ни одной порядочной дороги! Леса горят и на $\frac{2}{3}$ гибнут даром! Для добычи драгоценных камней чуть не половина их истребляется, и будущая работа делается почти невозможной...» (4 июня 1911 года).

Имея в виду пять тысяч лет опытов южноуральцев с металлами, рискну спросить: где в городе металлургов Челябинске музей славы южноуральского металла и искусных мастеров работы с ним в веках? А при них — мастерские по изготовлению реплик древних металлических изделий, по обучению детей древним технологиям? Ответ прост: его нет. Хотя археологи накопили удивительную по своему богатству источниковую базу. А как же бренд? А он — сам по себе. Чтобы бренд стал реальным делом, нужны серьезные деньги. А «Русская медная компания» с ее финансовыми возможностями и озабоченностью создания положительного имиджа, тоже сама по себе.

В XIX веке к медеплавильному и железоделательному производствам на Южном Урале добавилась и «золотая лихорадка». И снова разработчики природных богатств Южного Урала в трудах своих руководствовались принципом: «После нас — хоть потоп!». Не так давно в Государственном историческом музее Южного Урала прошла выставка, посвященная добыче золота на Южном Урале. На открытии говорили много хороших и возвышенных слов, а у меня перед глазами как живые вставали картины долины реки Миасс в ее верхнем течении. Открытие россыпного золота в отложениях реки привело к тому, что за несколько веков «золотой лихорадки» ее пойма была изуродована старателями и фабриками по добыче золота — драгами, до неузнаваемости. Рельеф практически всей поймы реки в ее верхнем течении в наши дни — вторичный, антропогенный (рис. 153). А вместе с рельефом были снесены и сотни древних стоянок, которые всегда теснились на удобных местах по берегам. А вместе с древними стоянками была уничтожена и сама возможность расширения и углубления наших знаний о древних временах.

Такое ощущение, что люди, сотворившие все описанное, не планировали задерживаться на этой планете и покинули ее столь же быстро, как добытое золото покинуло Южный Урал. А нам здесь остались только искалеченные пейзажи да рукотворные старательские карьеры. Предприниматели и промышленники в погоне за прибылью совсем не задумывались, да и сейчас не думают, об историческом опыте и величии наших предшественников на планете.

У феномена беспамятства и забвения исторического опыта много причин. Боюсь, достаточно скоро мы можем лишиться и существующих свидетелей древней истории, и возможности увеличения их количества. Масштабы антропогенного воздействия растут год от года в геометрической прогрессии. Становятся реальной угрозой грабители древних памятников — «черные» археологи. Так и вертятся на языке вещие слова знаменитого историка Сибири XIX века П. А. Словцова:

Рис. 153. Следы работы золотодобытчиков в верховьях реки Миасс

«...если первым покорителям Сибири удалось обирать живых не без огорчения, сыны их обирали мертвых без ропота...»

Существующие органы охраны памятников истории и культуры явно не в состоянии реально отслеживать самочувствие известных науке «свидетелей древности» и спасти вновь обретаемые.

Двадцатый век добавил истребителям природы технической вооруженности, но решительно ничего не поменял в осознании людьми масштабов и последствий этой трагической проблемы. Посмотрите на гигантские карьеры возле Коркино (уголь) (рис. 154), Пласта (золото) (рис. 155), Сатки (магнезит) (рис. 156), на марсианский пейзаж окрестностей Бакала (железо) (рис. 157)... Нет им числа. Посмотрите на мертвые, отравленные серой горы у Карабаша (рис. 158), на реку Сак-Елга со всей таблицей Менделеева в воде.

Я отчетливо осознаю, что реализация подобных проектов на государственном уровне неизбежно связана с формированием дорогостоящей инфраструктуры, подготовкой кадров, необходимостью рекламы и т. п. Для этого необходимы уже политическое решение

Рис. 154. Коржинский разрез

Рис. 155. Светлинский карьер по добыче золота в окрестностях Пласта

Рис. 156. Саткинский магнезитовый карьер

Рис. 157. Восточно-Буландинский карьер. Бакальская группа месторождений

и реальные предпочтения на частную инициативу. Политикам надо решить, что дороже. Может быть, нет смысла ждать еще лет 150–200?

Перечень «кандидатов» в местные бренды можно продолжить. Но ни к чему. Мы не храним и то, что имеем. Всеобщее глубокое безразличие привело практически к уничтожению святилища эпохи позднего палеолита — Игнatieвской пещеры в Катав-Ивановском районе (рис. 159), потенциального источника научных знаний и туристического объекта, способного при определенных условиях приносить и немалую прибыль. Уникальное святилище до недавних пор даже не охранялось. Любой современный Герострат мог зайти туда с чадающим факелом, лезвием ножа процарапать свое имя поверх бесценных палеолитических рисунков. Самое интересное состоит в том, что вот уже почти сорок лет чиновники решают, что делать с этим сокровищем. Решают без реальных результатов, проговаривая, как мантру, мысль о том, что в стране нет законов, запрещающих свободный вход любому негодяю в древнее святилище. Вспомните знаменитую дискуссию из «Путешествий Лемюэля Гулливера» о том, с какого конца нужно колоть яйцо.

Другой пример. Уничтожена современниками часть древних изображений на скалах известного святилища на берегу озера Большие Аллаки в Каслинском районе (рис. 160).

Лишь реставрация в начале 1980-х годов спасла знаменитый мавзолей XIV–XVI веков — башню Тамерлана — от обрушения и превращения в памятник эпиграфики XX — начала XXI века (рис. 161).

Разбирается на нужды современного сельского хозяйства сложный гумусом древний пограничный вал в окрестностях села Черемисского на северо-западе современной Курганской области.

В течение XX века был уничтожен или серьезно поврежден при распашке или рытье карьеров культурный слой многих сотен древних стоянок, поселений и могильников в Южном Зауралье.

Какие уж там бренды?!

Несколько лет назад я предложил создать музей «История моей лошади», где был бы отражен опыт общения земляков с лошадьми на протяжении последних сорока тысяч лет. Вместе с профильными организациями, например конноспортивными клубами, эту идею можно было бы реализовать. Тем более что в ряде районов области конноспортивные состязания возведены в ранг священнодействия. На родине колесницы, в Челябинской области, было бы здорово не только познакомиться с ее устройством, поиграть, собирая модели колесниц, но и покататься на современной реплике этого транспортного средства.

Рис. 158. Безжизненные горы в окрестностях Карабаха

Рис. 159. Следы вандализма в Игнатиевской пещере

*Рис. 160. Вандализм в святилище на озере
Большие Аллаки*

Рис. 161. «Граффити» на стенах башни Тамерлана

Спрямить кривую вместе

Меня, как учителя, более всего беспокоит то, что нас лишили возможности ставить вовремя прививку от беспамятства юным землякам и транслировать им исторический опыт. Узаконенный на несколько лет в школах учебный предмет «Краеведение» ликвидирован. Чиновники, конечно, станут убеждать, что есть масса иных способов и без отдельного предмета «Краеведение» донести до учеников великие свершения древних предшественников и возвысить родную землю в их глазах. Увы, мы говорим на разных языках. «Вахтами памяти» желанную «любовь к родным осинам» у юных можно привить лишь на бумаге отчетов. Не скажу за политиков. Не мое. Но что касается школы, то, по-моему, до тех пор, пока у начала пути ребенка в историю будут стоять как эталоны пирамиды Древнего Египта, Парфенон и Колизей, Южному Уралу, в соответствии с «эффектом запоминания», надеяться не на что. По этой логике, поскольку ничего подобного Парфенону в нашем крае никогда не было, соответственно, здесь можно и «резвиться» как вздумается. Вот наши земляки и «резвятся». Вам показать чашу Коркинского угольного разреза? Карьера в Сатке, лунного пейзажа Бакальского месторождения, марсианского Светлинского карьера, срытой «в миг» Магнитной горы?.. Скорбный перечень бесконечен.

И тем не менее я убежден — не все потеряно! Соединенными усилиями мы можем переломить ситуацию. Необходима многогранная долголетняя и хорошо продуманная программа. И особенности природы Южного Урала, и памятники древнего прошлого с его «вершинами» могли бы сыграть свою роль в формировании образа родного края в сознании юных южноуральцев.

Предвижу закономерный вопрос: каков мой личный вклад в решение этой пока не решаемой проблемы? Отвечаю. С самого начала деятельности археологической лаборатории в тогда еще педагогическом институте мы озаботились этой самой прививкой от беспамятства школьникам. За десятки лет существования в Челябинске детской археологии через наши детские археологические экспедиции каждое лето проходили сотни детей (рис. 162). И дети выступали в качестве равноправных исследователей древности, а не как землекопы (рис. 163). Лучше всех об этом написал бессменный глава детской археологии в регионе, выпускник историко-педагогического факультета ЧГПИ, заслуженный учитель России, педагог дополнительного образования Дворца пионеров и школьников Челябинска С. В. Марков. Уверен, что накопленный в Челябинске бесценный

Рис. 162. Полевой лагерь юных археологов в урочище Каменный Амбар

Рис. 163. Юные археологи под руководством З. Вершининой и С. Докучаевой постигают тайны древнего гончарства

опыт профильного сотрудничества с детьми должен быть востребован в современной России. Дети, прошедшие наши экспедиции, не будут ни разрушать древние памятники, ни торговать ими.

В 2006 году завершилось длившееся 16 лет создание первого и единственного в России учебно-методического комплекса *для начального этапа исторического образования на основе краеведческих знаний*. Он был создан группой единомышленников и включал учебное пособие, иллюстрированный атлас, рабочую тетрадь для детей и методическое руководство для учителей (рис. 164). Создано и видеосопровождение сюжетов из этого методического комплекта. В 1991 году мы вместе с выпускником историко-педагогического факультета Ильей Николаевичем Банниковым (впоследствии безвременно покинувшим нас) создали при археологической лаборатории ЧГПИ первый в России удивительный во многих смыслах учебный школьный археологический музей, разработали методику его использования (рис. 165). Музей успешно и эффективно просуществовал 16 лет, выполнил свою задачу и был трансформирован в учебный школьный центр древних технологий. Мы с единомышленниками — Зоей Ивановной Тюмаевой и Леонидом Вячеславовичем Туфленковым — создали летнюю полевую эколого-гуманитарную школу для подростков. Это была удивительная возможность для детей подросткового возраста с разнообразной пользой провести лето, увидеть один и тот же ландшафт в самых разных измерениях и ракурсах. Мы много экспериментировали и с краеведческими экскурсиями для школьников (рис. 166).

Подчеркиваю, все это происходило в те самые 1990-е годы, когда государство было занято совсем другими проблемами и не утруждало себя финансовым и навязчивым управленческим участием в реализации этих образовательных и воспитательных проектов. Может быть, и хорошо, что чиновники были заняты другим?

Что в сухом остатке? Упомянутый выше краеведческий учебно-методический комплекс в течение 1990-х годов и в начале нулевых был принят областным министерством образования к официальному использованию в учебном процессе. А затем был выведен из учебного процесса в основной школе. Насколько я вижу, без адекватной его замены на равноценный. Идея создания учебного школьного археологического музея, которую можно без катастрофических затрат и ограбления Эрмитажа воплотить в любой школе или районе области и превратить в уникальный инструмент образования и воспитания, отклика также не нашла. Как и проект «Летняя полевая эколого-гуманитарная школа для подростков».

Рис. 164. Учебно-методический комплект «Страницы древней истории Южного Урала»

Но я мечтаю, надеюсь и сегодня готов подписаться под словами Игоря Талькова:

Я пророчить не берусь,
 Но точно знаю, что вернусь.
 Пусть даже через сто веков,
 В страну не дураков, а гениев...

Закончу мысль словами поэта Эдуарда Багрицкого:

Мы — ржавые листья
 На ржавых дубах...
 Чуть ветер,
 Чуть север —
 И мы облетаем.
 Чей путь мы собою теперь устилаем?
 Чьи ноги по ржавчине нашей пройдут?

*Рис. 165. Учебный школьный
археологический музей ЧГПИ.
Скульптурные композиции
«Мезолит», «Бронзовый век»,
«Средневековье».
Автор И. Н. Банников*

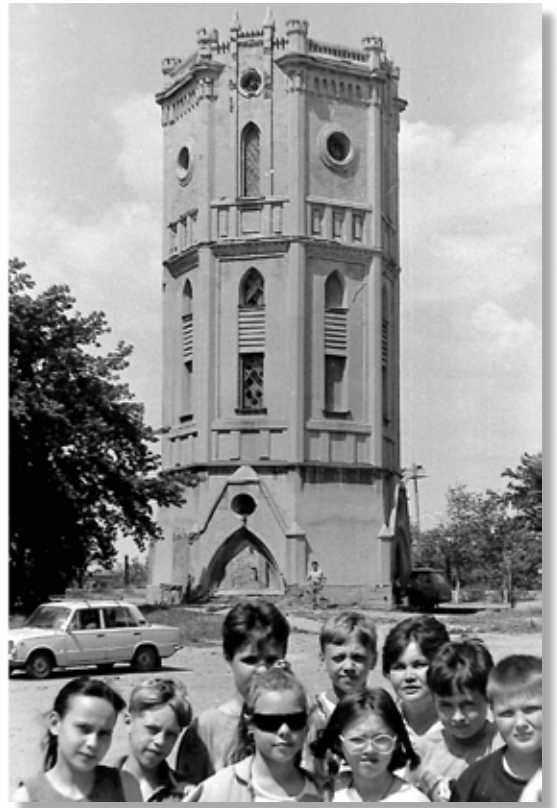

Рис. 166. Комплексная экскурсия «По старинной границе России». Школа № 78. Учитель В. Х. Газизова (Маштак). 1996 год

Ответы на эти вопросы в значительной степени зависят от каждого из вас.

А пока я мечтаю... Мечтаю о том дне, когда автобусы ежедневно будут подвозить пытливых мам, пап, бабушек и дедушек с их ненаглядными чадами к... палеодеревням, выстроенным энергией моих молодых единомышленников на берегах озер Смолино, Синеглазово или Первого... Или любого из трех тысяч южноуральских озер. Подвозить на удивительные экскурсии в прошлое и на мастер-классы по исчезнувшим ныне древним технологиям. А за умеренную плату семья сможет несколько дней пожить здесь, в этих благословенных местах, жизнью наших далеких предшественников...

А пока я мечтаю...

ХРОНОЛОГИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Каменный век

Палеолит (древнекаменный век) — 300 тысяч — 10 тысяч лет назад
(VIII тыс. до н. э.)

Мезолит (средний каменный век) — VIII—VII тыс. до н. э.

Неолит (новый каменный век) — VI—IV тыс. до н. э.

Энеолит (меднокаменный век) — IV—III тыс. до н. э.

Бронзовый век — конец III тыс. до н. э. — начало I тыс. до н. э.
(VII в. до н. э.)

Ранний железный век — VII в. до н. э. — II—IV вв. н. э.

Средневековый период — II/IV—XVI вв. н. э.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

БАДЕР Отто Николаевич (1903–1980) — известный археолог, доктор исторических наук. Академик Б. А. Рыбаков сказал однажды о нем: «Он за свою жизнь сделал столько открытий, что их с лихвой хватило бы на дюжину археологов». На Южном Урале О. Н. Бадер исследовал, в частности, такой всемирно известный памятник археологии, как Шульган-Таш (Капова пещера) с настенной живописью позднего палеолита. Вместе с Г. Н. Матюшиным он изучил одну из древнейших стоянок человека в нашем крае — Мысовую (Урта-Тюбе) на озере Карabalыкты. Уникально и погребение южноуральца каменного века, исследованное О. Н. Бадером в гроте у Каменного кольца близ села Серпиевка на реке Сим. Отто Николаевич Бадер — автор серии монографий и большого количества научных и научно-популярных статей.

Сочинения:

Бадер О. Н., Оборин В. А. На заре истории Прикамья. Пермь : Перм. кн. изд-во, 1958. 244 с.

Бадер О. Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964. 175 с.

Бадер О. Н. Капова пещера. Палеолитическая живопись. М. : Искусство, 1965. 48 с.

Бадер О. Н. Палеолит Башкирии // Археология и этнография Башкирии : в 5 т. Т. 4. Уфа, 1971. С. 64–68.

Бадер О. Н. Неолитическое погребение в гроте у Каменного кольца на Урале и его аналоги // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. : Наука, 1973. С. 104–109.

Бадер О. Н. Тайны седого Урала. // Сквозь века. М. : Знание, 1986. С. 165–196.

БАТАНИНА Ия Михайловна (1933–2011). С ее именем связано открытие и изучение целой серии уникальных памятников археологии бронзового века в Южном Зауралье. Геологу, специалисту по дешифрированию аэрофотоснимков И. М. Батаниной совместно с коллегой Н. В. Левит зимой 1986/87 годов удалось выявить в степях Южного Зауралья около двадцати ранее не известных науке укрепленных поселений бронзового века, а затем в составе коллектива археологов ЧелГУ принять активное участие в их исследовании и введении в научный оборот.

Открытие И. М. Батаниной и Н. В. Левит стимулировало комплексное изучение этого феномена и в конечном счете кардинально изменило представления специалистов и образованной общественности об уровне культуры степного населения Южного Урала на рубеже III—II тыс. до н. э. Это открытие стало одним из выдающихся достижений отечественной археологии второй половины XX века.

Сочинения:

Батанина И. М. Страна городов с птичьего полета // Хроника. 1995. 25 мая.

Батанина И. М., Иванова Н. О. Археологическая карта заповедника Аркаим // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск : Камен. пояс, 1995. С. 159–195.

Батанина И. М., Зданович Г. Б. «Страна городов» — укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII—XVII вв. до н. э. на Южном Урале // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск : Камен. пояс, 1995. С. 54–62.

Батанина И. М. Журумбай // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Т. 2 / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2004. С. 339–340.

Батанина И. М. Коноплянка // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Т. 3 / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2004. С. 344.

Батанина И. М., Епимахов А. В. Каменный Амбар // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Т. 3 / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2004. С. 54.

Батанина И. М., Зданович Д. Г. Исиней // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Т. 2 / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Камен. пояс, 2004. С. 615.

БЕЛЬТИКОВА Галина Викторовна (1945–2015) — кандидат исторических наук. Прошла археологическую школу, еще будучи студенткой УрГУ, у выдающегося уральского археолога В. Ф. Генинга. Вся научная карьера Г. В. Бельтиковой была связана с археологической лабораторией УрГУ. Она участвовала в открытии десятков новых археологических памятников на Урале, а также в исследовании (совместно с В. Е. Стояновым) эпонимного памятника раннего железного века Зауралья — Гороховского городища. Широкую известность приобрели результаты ее полевых исследований на городище Иткульское I на севере Челябинской области. Под руководством доктора исторических наук Е. Н. Черныха (Институт археологии

РАН) Г. В. Бельтикова выделила и детально охарактеризовала в своей кандидатской диссертации и серии научных публикаций иткульский очаг цветной металлургии раннего железного века в горнолесном Зауралье.

Сочинения:

Бельтикова Г. В. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Вопросы археологии Урала. Вып. 14. Свердловск, 1977. С. 119–133.

Бельтикова Г. В., Борзунов В. А., Корякова Л. Н. Некоторые проблемы археологии раннего железного века Зауралья и Западной Сибири // Вопросы археологии Урала. Вып. 20. Екатеринбург : УрГУ, 1991. С. 102–114.

Бельтикова Г. В. Развитие иткульского очага металлургии // Вопросы археологии Урала. Вып. 21. Екатеринбург, 1993. С. 93–106.

БОТАЛОВ Сергей Геннадьевич (р. 1958) — доктор исторических наук, специалист по археологии средневековых кочевых народов евразийских степей, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН. Выпускник историко-педагогического факультета ЧГПИ. Археологическую подготовку получил в лаборатории археологических исследований ЧГПИ, а затем в археологической лаборатории ЧелГУ. За годы научной карьеры исследовал целую серию уникальных погребальных памятников средневековых кочевников в степях Южного Урала и Казахстана (могильник у башни Тамерлана, Агаповские курганы, могильники Граултры, Уелги и др.). В своих монографиях и статьях С. Г. Боталов сформулировал концепцию этнокультурного развития степных кочевых народов Южного Урала и Казахстана в период раннего Средневековья. В начале 1990-х годов основал и до настоящего времени возглавляет предприятие, специализирующееся на археологических изысканиях в зонах промышленного строительства и жилой застройки на территории Челябинска и Челябинской области.

Сочинения:

Боталов С. Г. Поздняя древность и Средневековье // Древняя история Южного Зауралья : в 2 т. Челябинск : ЮУрГУ, 2000. Т. 2. С. 207–430.

Боталов С. Г., Таиров А. Д., Любчанский И. Э. Курганы «с усами» урало-казахстанских степей. Челябинск : Юж.-Урал. фил. ИИА УрО РАН, 2006. 232 с.

Боталов С. Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск : Рифей, 2008. 672 с.

ГЕНИНГ Владимир Федорович (1924–1993) — археолог, доктор исторических наук. «Археологические университеты» прошел на историческом факультете Пермского государственного университета у знаменитого отечественного археолога О. Н. Бадера. По окончании обучения в течение ряда лет исследовал археологические памятники Приуралья. С начала 1960-х и до 1974 года преподавал на историческом факультете Уральского государственного университета (Свердловск). В 1966 году организовал Уральскую археологическую экспедицию, которая специализировалась на проведении археологических работ в зонах строительства газо- и нефтепроводов, гидротехнических сооружений, дорог и т. д. В стенах археологической лаборатории УрГУ сформировался целый коллектив молодых археологов, которые в последующие десятилетия распространили опыт своего учителя в других районах Урала. Широкую известность приобрело основанное В. Ф. Генингом в УрГУ издание «Вопросы археологии Урала». В. Ф. Генинг автор ряда монографических исследований и научных статей. На Южном Урале под его общим руководством исследован Миасский могильник бронзового века в окрестностях села Миасского Красноармейского района, а также всемирно известный Синташтинский культурный комплекс на реке Синташте в Брединском районе Челябинской области.

Сочинения:

Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // Совет. археология. 1973. № 1. С. 114–136.

Генинг В. Ф., Ашихмина Л. И. Могильник эпохи бронзы на р. Синташта // Археологические открытия — 1974. М. : Наука, 1975. С. 144–147.

Генинг В. Ф. Хронологические комплексы XVI в. до н. э. (по материалам Синташтинского могильника) // Новейшие открытия советских археологов : тез. докл. конф. : в 2 ч. Ч. 1. Киев : ИА АН УССР, 1975. С. 94–95.

Генинг В. Ф., Борзунов В. А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // Вопросы археологии Урала. Вып. 13. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1975. С. 42–72.

Генинг В. Ф., Виноградов Н. Б. Новый могильник середины II тыс. до н. э. на р. Синташта // Археологические открытия — 1975. М. : Наука, 1976. С. 168.

Генинг В. Ф., Пряхин А. Д. Синташтинское поселение // Археологические открытия — 1974. М. : Наука, 1975. С. 147.

Генинг В. Ф. Синташта и проблема ранних индоиранских племен // Совет. археология. 1977. № 4. С. 53–73.

Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. Археологические памятники арийских племен урало-казахстанских степей : в 2 ч. Ч. 1. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.

Генинг В. Ф., Стефанова Н. К. Черноозерье I — могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. Екатеринбург : УрГУ, 1994. 67 с.

ЗДАНОВИЧ Геннадий Борисович (р. 1938) — археолог, специалист по бронзовому веку степей Евразии, доктор исторических наук. Выпускник исторического факультета УрГУ, ученик известного уральского археолога В. Ф. Генинга. По окончании университета организовал научные археологические центры в Петропавловске (Казахстан), а затем в Карагандинском университете. С 1976 года и по настоящее время научная карьера Г. Б. Здановича связана с ЧелГУ, где им также была основана лаборатория археологических исследований, а при ней — Урало-Казахстанская археологическая экспедиция. С ее деятельностью связано, в частности, начало первого в истории археологического изучения Южного Зауралья сплошного археологического обследования степной части территории Челябинской области. Разведочными отрядами экспедиции были открыты сотни ранее не известных науке памятников археологии. Г. Б. Зданович впервые на Южном Урале применил методику исследования поселений бронзового века широкими площадями, что значительно повышало результативность их изучения. Методика эта была успешно применена в ходе раскопок (совместно с Н. Б. Виноградовым) поселения бронзового века Кулевчи III. При активном участии Г. Б. Здановича с 1983 года исследовались укрепленное поселение бронзового века Синташта I и расположенный рядом могильник. Всероссийскую известность получила борьба коллектива археологов во главе с Г. Б. Здановичем и широкой общественности за сохранение от гибели укрепленного поселения бронзового века Аркаим. Исследование Аркаима и однотипных с ним укрепленных поселений в Южном Зауралье стало одним из самых значимых научных проектов археологов ЧелГУ. Благодаря активной поддержке Правительства Челябинской области укрепленные поселения бронзового

века были соединены в кластерный заповедник областного подчинения. Центр «Аркаим» стал одним из посещаемых туристических объектов. В том, что в Челябинске в настоящее время функционирует несколько научных археологических центров, есть несомненная заслуга Г. Б. Здановича.

Сочинения:

Зданович Г. Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // Вопросы археологии Урала. Вып. 12. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1973. С. 21–43.

Зданович Г. Б., Зданович С. Я. Могильник эпохи бронзы у с. Петровка // Совет. археология. 1980. № 3. С. 183–193.

Зданович Г. Б. Основные характеристики петровских комплексов урало-казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 1983. С. 48–68.

Зданович Г. Б., Генинг В. В. Оборонительные сооружения поселения Синташта // Археологические открытия — 1984. М. : Наука, 1985. С. 147–148.

Зданович Г. Б. Щитковые псалии Среднего Приишимья // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 185. М. : Наука, 1986. С. 60–65.

Зданович Г. Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск : Изд-во УрГУ, 1988. 177 с.

Зданович Г. Б. Феномен протоцивилизации бронзового века урало-казахстанских степей. Культурная и социально-экономическая обусловленность // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата : Наука, 1989. С. 179–189.

Зданович Г. Б. Аркаим. Арии на Урале, или Несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск : Камен. пояс, 1995. С. 21–42.

Зданович Г. Б., Батанина И. М. «Страна городов» — укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII–XVII вв. до н. э. на Южном Урале // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск : Камен. пояс, 1995. С. 54–62.

Зданович Г. Б., Зданович Д. Г. Протогородская цивилизация «Страны городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Россия и Восток: проблемы взаимодействия : материалы III Междунар. конф. Вып. 5, кн. 1. Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 1995. С. 48–62.

Зданович Г. Б. Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // Рос. археология. 1997. № 2. С. 47–62.

Зданович Г. Б., Малютина Т. С. Поселение Берсуат // XV Уральское археологическое совещание : тез. докл. междунар. науч. конф. Оренбург : Оренб. губерния, 2001. С. 74–75.

Зданович Г. Б., Батанина И. М. Укрепленные центры эпохи средней бронзы в Южном Зауралье // Степная цивилизация Восточной Евразии : в 2 т. Т. 1. Древние эпохи. Астана : Kultegin, 2003. С. 72–87.

Зданович Г. Б. Аркаим и «Страна городов»: диалог культур // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала / науч. ред. Г. Б. Зданович. Челябинск : Крокос, 2004. С. 49–66.

Зданович Г. Б., Малютина Т. С. Укрепленное поселение Аландское. Строительные горизонты и керамические комплексы (к проблеме взаимосвязи синташтинско-аркаимской и петровской культур) // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы II регион. науч.-практ. конф. Челябинск : Рифей, 2004. С. 56–61.

Зданович Г. Б., Зданович Д. Г. Проблема освоения евразийских степей в бронзовом веке и «Страна городов» Южного Зауралья // Археология Урала и Западной Сибири : к 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2005. С. 110–128.

Зданович Г. Б., Батанина И. М. Аркаим — «Страна городов»: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). Челябинск : Крокос ; Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. 260 с.

Зданович Г. Б., Малютина Т. С., Зданович Д. Г. Материалы к исследованию ранних этапов синташтинской культуры (укрепленное поселение Аландское) // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т. М. Потемкиной) : сб. ст. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2007. С. 103–108.

ДУРЫЛИН Сергей Николаевич (1886–1954) — искусствовед, доктор филологических наук. В 1923–1924 годах отбывал ссылку в Челябинске. В период с 1923 по 1925 год, будучи сотрудником Челябинского музея местного края, исследовал в целом более 20 курганов бронзового века в черте современного Челябинска (на берегах озера Смолино, на территории пригородных поселков Исаково и Сухомесово).

Сочинения:

Дурылин С. Н. Минко Н. К. и его работы по археологии Челябинского округа : (материалы к биографии) // Сборник материалов по изучению Челябинского округа : в 2 кн. Кн. 1. Челябинск, 1927. С. 53–55.

Дурылин С. Н. Челябинские курганы // Там же. С. 56–71.

Дурылин С. Н. Раскопки под Челябинском // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. 40, вып. 2. Свердловск, 1927. С. 105–122.

ЕПИМАХОВ Андрей Владимирович (р. 1964) — археолог, доктор исторических наук. Выпускник исторического факультета ЧелГУ. Получил фундаментальную археологическую подготовку в отрядах Урало-Казахстанской археологической экспедиции. Активный участник масштабных разведочных археологических работ в Южном Зауралье, исследования Синташтинского и Аркаимского комплексов памятников археологии во второй половине 1980-х годов. Четверть века ведет самостоятельные полевые археологические исследования. Среди изученных А. В. Епимаховым памятников бронзового века — могильники Солнце II, Каменный Амбар 5 (совместно с В. П. Костюковым и Д. В. Нелиным), Троицк-7 (совместно с В. П. Костюковым), укрепленное поселение Ольгино (Каменный Амбар, совместно с Л. Н. Коряковой). А. В. Епимахов автор нескольких монографий, в том числе изданных за рубежом, а также сотен научных статей, посвященных проблемам хронологии, палеодемографии, социально-экономической жизни и культурогенеза степных обществ бронзового века.

Сочинения:

Епимахов А. В. О хронологическом соотношении синташтинских и абашевских памятников // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала : тез. докл. XII УАС. Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 1993. С. 57–58.

Епимахов А. В. Погребальные памятники синташтинского времени (архитектурно-планировочное решение) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : материалы конф. Вып. 5, кн. 1. Челябинск : ЧелГУ, 1995. С. 43–47.

Епимахов А. В. Демографические аспекты социологических реконструкций (по материалам синташтинско-петровских памятников) // XIII Уральское археологическое совещание : тез. докл. : в 2 ч. Ч. 1. Уфа : Вост. ун-т, 1996. С. 58–60.

Епимахов А. В. Курганный могильник Солнце II — некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск : Камен. пояс, 1996. С. 22–42.

Епимахов А. В. Проблемы хронологии синташтинских памятников // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 4, ч. 1. М. ; Магнитогорск : Изд-во Магнитог. гос. пед. ин-та, 1997. С. 14–20.

Епимахов А. В. О границах и соотношении частей абашевской культурно-исторической общности // XV Уральское археологическое совещание. Оренбург : Оренб. губерния, 2001. С. 73–74.

Епимахов А. В. Мало-Кизыльское селище и его место в системе культур бронзового века Урала // Степи Евразии в древности и Средневековье : материалы междунар. науч. конф. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 133–138.

Епимахов А. В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2002. 170 с.

Епимахов А. В. Анализ тенденций социально-экономического развития населения Урала эпохи бронзы // Рос. археология. 2003. № 1. С. 83–90.

Епимахов А. В. Верхне-Кизильский клад: варианты интерпретации // Археология, этнография и антропология Евразии. Вып. 4 (16). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 96–102.

Епимахов А. В. Могильник эпохи бронзы Солончанка IА и вопрос интерпретации одиночных синташтинских курганов // Археологический альманах. Вып. 15 : Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности : сб. ст. Донецк : Донецкий обл. краевед. музей, 2004. С. 99–102.

Епимахов А. В., Чечушков И. В. Экспериментальные работы по реконструкции конской упряжи эпохи бронзы // Там же. С. 39–45.

Епимахов А. В. О возможности формирования единой системы хронологии бронзового века Северной Евразии // Западная и Южная Сибирь в древности : сб. науч. тр. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. С. 169–173.

Епимахов А. В. Ранние комплексные общества Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар 5 : в 2 кн. Кн. 1. Челябинск : Челяб. дом печати, 2005. 192 с.

Епимахов А. В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // Рос. археология. 2005. № 4. С. 92–102.

Епимахов А. В. Динамика коммуникаций бронзового века Урала // Таинство этнической истории древнейших кочевников степной Евразии / под ред. д-ра ист. наук, проф. А. В. Епимахова ; сост. В. А. Ноженков. Алматы : Остров Крым, 2014. С. 125–205.

Koryakova L., Epimakhov A.V. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Age (Cambridge world archaeology). Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007. 374 p.

Epimakhov A.V. Settlements and necropolises of the Bronze Age of the Urals: opportunities of reconstruction of social dynamics // Social Complexity in Prehistoric Eurasia: Monuments, Metals and Mobility. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009. Pp. 74–90.

ИГНАТЬЕВ Руф Гаврилович (1818–1886) — краевед. С 1865 по 1886 год с небольшим перерывом жил и работал в Уфе. Известен среди археологов как автор первых на Южном Урале археологических исследований с научными целями (1865). Лишь на территории Челябинского уезда Оренбургской губернии им было учтено 543 кургана и два городища. В опубликованном докладе Р. Г. Игнатьева на 1-м археологическом съезде в Москве описывается и широко известный мавзолей Кисене, позднее ставший известным как башня Тамерлана. Однако главной заслугой Р. Г. Игнатьева перед археологической наукой, безусловно, считается составление карт памятников археологии на территории Оренбургской, Уфимской и Тобольской губерний.

Сочинения:

Игнатьев Р. Г. Курганы и городища Оренбургского края // Труды первого археологического съезда в Москве, 1869 г. М., 1871. С. 153–158.

Игнатьев Р. Г. Памятники древностей в Курганском округе Тобольской губернии // Тобол. губерн. вед. 1873. № 18, 19, 20, 21, 22, 24, 25.

Игнатьев Р. Г. Городища и курганы Оренбургской губернии : монография [Электронный ресурс]. СПб. : Лань, 2014. 27 с. Режим доступа: http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_id=52852

КАСТАНЬЕ Иосиф Антонович (Жозеф-Антуан; 1875–1958) — краевед, действительный член Оренбургской ученой архивной комиссии, хранитель музея Оренбургской ученой архивной комиссии. С археологией Южного Урала был связан с 1902 года до переезда в Ташкент в 1912 году. Скрупулезная работа И. А. Кастанье по учету и описанию памятников древней и средневековой истории Оренбургского края была завершена в 1910 году изданием монументального свода «Древности Киргизской степи и Оренбургского края». В нем

он, помимо результатов своих личных изысканий, обобщил сделанное в этой области до него Р. Г. Игнатьевым, И. С. Шукшинцевым и другими краеведами.

Сочинения:

Кастанье И. А. Древности киргизской степи и Оренбургского края // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 22. Оренбург, 1910. 332 с.

Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. 2-е изд. Алматы : Дайк-пресс, 2007. 516 с.

КОСТЮКОВ Владимир Петрович (1949–2009) — археолог-востоковед, исследователь кочевых культур средневекового периода истории Южного Урала, кандидат исторических наук. С 1992 года руководитель временного творческого коллектива «Археология» при археологической лаборатории ЧГПИ (паспортизация, инвентаризация и охранные раскопки памятников археологии в степных районах Челябинской области). С середины 1980-х годов изучал памятники средневековых южноуральских кочевых народов. Среди них наиболее значительные обнаружены им и изучены в микрорайонах Каменный Амбар и Система в Карталинском районе. Научные интересы В. П. Костюкова были связаны с историей Южного Зауралья в золотоордынскую эпоху. Он первым охарактеризовал так называемый Улус Шибана Золотой Орды, в который входил в XIII–XIV веках наш край. Он является автором монографии и более сорока научных статей. Один из организаторов системы школьного археологического краеведения в Челябинской области.

Сочинения:

Костюков В. П. Тюркские поминальные комплексы на Южном Урале // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетиях н. э. Кемерово, 1994.

Костюков В. П. Памятники кочевников XIII–XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1997.

Костюков В. П. О хронологической позиции поминальных оградок Южного Зауралья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (Вопросы хронологии). Самара, 1998.

Костюков В. П. Улус Шибана в XIII–XIV вв. (по письменным источникам) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 6. М. ; Магнитогорск, 1998.

Костюков В. П. Кыпчаки и Золотая Орда // XIV Уральское археологическое совещание : тез. докл. Челябинск, 1999.

Костюков В. П. О центральноазиатских элементах в культуре населения Улуса Шибана в XIII–XIV вв. // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии : в 2 т. Т. 1. Улан-Удэ, 2000.

Костюков В. П. Когда и кем на Южном Урале оставлены «древнетюркские поминальные оградки» // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2002.

Костюков В. П. Комплекс позднепетроглифических оградок Каменный Амбар 20 // Человек в пространстве древних культур. Челябинск, 2003.

Костюков В. П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. / под ред. И. М. Миргалеева. Казань : ФЭН, 2010. 200 с.

КРИЖЕВСКАЯ Лия Яковлевна (1916–1995) — археолог, доктор исторических наук. С конца 1950-х годов по начало 1980-х ее научные интересы были связаны с изучением неолита и энеолита Южного Урала. Она исследовала памятники на озерах Большое Миассово (Латочка, Няшевка II, Кораблик, грот Чартоныш и др.). Широкую известность приобрели ее полевые исследования стоянки Чебаркуль II на одноименном озере. Л. Я. Крижевская провела археологические разведки по берегам озер Ильменское, Тургойак, Кундравинское. Полученные в ходе полевых работ материалы нашли отражение в научных статьях и двух монографиях. Л. Я. Крижевская впервые в истории археологии Южного Урала охарактеризовала южноуральскую неолитическую и кысыкульскую энеолитическую культуры.

Сочинения:

Крижевская Л. Я. Неолит Южного Урала // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 141. Л. : Наука, 1968. 182с.

Крижевская Л. Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л. : ЛГУ, 1977. 126 с.

Крижевская Л. Я. 40 лет изучения каменного века на Урале: итоги и перспективы // Совет. археология. 1990. № 2. С. 5–17.

КУЗЬМИНА Елена Ефимовна (1931–2013) — археолог, доктор исторических наук. Сфера научных интересов — древняя история Евразии (периодизация и хронология истории степных культур «андроновского круга» бронзового века; проблема происхождения и территориальной локализации индоевропейцев и индоиранцев; осо-

бенности духовного мира ираноязычного населения степей Евразии бронзового века и раннего железного века). С конца 1950-х по 1970-е годы Е. Е. Кузьмина вела полевые исследования памятников бронзового века на Южном Урале. В Оренбуржье это могильник Купухта, поселение Шандаша, Ново-Кумакский могильник. С именем Е. Е. Кузьминой связано исследование Кинзерского могильника в Троицком районе, могильника Туктубаево в Сосновском районе Челябинской области, а также Алакульского могильника в Щучанском районе Курганской области. Е. Е. Кузьмина автор 14 монографий и более 300 научных статей по археологии и музееведению.

Сочинения:

Кузьмина Е. Е. Новый тип андроновского жилища в Оренбургской области // *Вопр. археологии Урала*. Вып. 2. Свердловск, 1962. С. 9–13.

Кузьмина Е. Е. Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры // *Памятники каменного и бронзового веков*. М. : Наука, 1964. С. 121–140.

Кузьмина Е. Е. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // *Памятники каменного и бронзового веков*. М. : Наука, 1964. С. 141–158.

Кузьмина Е. Е. и др. Андроновская культура. Вып. 1 : Памятники западных областей. М. ; Л. : Наука, 1966.

Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии / ред. В. И. Мошинская. М. ; Л. : Наука, 1966.

Кузьмина Е. Е. Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале // *Проблемы археологии Урала и Сибири*. М. : Наука, 1973. С. 153–164.

Кузьмина Е. Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории южнорусских степей // *Вестн. древ. истории*. 1974. № 4. С. 68–87.

Кузьмина Е. Е. О соотношении типов андроновских памятников Урала (по материалам Кинзерского могильника) // *Памятники древнейшей истории Евразии*. М. : Наука, 1975. С. 220–230.

Кузьмина Е. Е. В стране Кавата и Афрасиаба / ред. К. Ф. Смирнов. М. : Наука, 1977. 144 с.

Кузьмина Е. Е., Смирнов К. Ф. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий / ред. Н. Я. Мерперт. М. : Наука, 1977. 83 с.

Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня / ред. В. И. Мокрынин. Фрунзе : Илим, 1986. 134 с.

Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? : материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М. : Наука ; Вост. лит., 1994. 464 с.

Кузьмина Е. Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев : (культурологические очерки) = Mythology and art of Scythians and Bactrians : (essays on cultural history). М., 2002.

Кузьмина Е. Е. Арии — путь на юг. М. : Лет. сад., 2008.

Кузьмина Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности : монография. Актобе : ПринТА, 2008. 358 с.

Кузьмина Е. Е. Предыстория Великого шелкового пути. М : РИК : URSS, 2009.

Kuzmina E. The Origin of the Indo-Iranians. Leiden ; Boston : Brill, 2007.

Kuzmina E. The Prehistory of the Silk Road. Philadelphia, 2008.

МАТЮШИН Геральд Николаевич (1927–2000) — археолог, доктор исторических наук. Специалист по проблемам каменного века Урала, талантливый популяризатор археологической науки. С конца 1950-х по 1970-е годы исследовал памятники археологии Южного Урала. С именем Г. Н. Матюшина связано открытие одной из древнейших стоянок чело- века на Южном Урале — Мысовой (Урта-тюбе) на озере Карабалыкты в Зауральской Башкирии. Он является первооткрывателем, исследователем мезолитических памятников Южного Урала и первым из археологов, кто попытался систематизировать представления об этом периоде древней истории региона. Этому предшествовали археологические разведки, в ходе которых исследователем были обнаружены и впервые описаны сотни памятников каменного века. Г. Н. Матюшин исследовал памятники каменного века в различных местах Южного Урала: Сабакты III, Суртанды VIII, Ташбулатово I в Зауральской Башкирии; на озерах Зюраткуль (стоянки Долгий Ельник II, Каменный Мыс), Карагайское, Большой и Малый Бугодак в Верхнеуральском районе Челябинской области. Г. Н. Матюшин выделил на Южном Урале две мезолитические культуры: романовско-ильмурзинскую (эпонимные памятники — стоянки Романовка II и Ильмурзино) для Башкирского Приуралья и янгельскую (по стоянке Янгелька на северном берегу озера Сибаркуль) для Южного Зауралья. Он автор трех монографий и более 300 научных и научно-популярных статей. Г. Н. Матюшин, пожалуй, единственный из уральских археологов, уделивший столь значительное внимание популяризации археологической науки. Из-под его пера вышла целая серия достаточно талантливо написанных научно-популярных книг для массовой аудитории.

Сочинения:

Матюшин Г. Н. У колыбели истории. М. : Просвещение, 1972. 275 с.

Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М. : Наука, 1976.

Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М. : Наука, 1982. 328 с.

Матюшин Г. Н. Три миллиона лет до нашей эры : кн. для учащихся. М. : Просвещение, 1986. 155 с.

Матюшин Г. Н. У истоков цивилизации : кн. для учащихся старших классов. М. : Просвещение, 1992. 191 с.

Матюшин Г. Н. Экологические кризисы, производящее хозяйство и цивилизация // Древности. Вып. 3. М., 1992. С. 17–71.

Матюшин Г. Н. Археологический словарь. М. : Просвещение, 1996. 304 с.

Матюшин Г. Н. Неолит Южного Урала. Предуралье. М., 1996.

МИНКО Николай Кириллович (1880–1918) — краевед. В период с 1906 по 1911 год обнаружил в окрестностях современного ему Челябинска около 1000 древних курганов. Около 100 из них с разрешения Археологической комиссии Н. К. Минко изучил, а результаты опубликовал в «Записках Уральского общества любителей естествознания». Депортированные коллекции, полученные Н. К. Минко в ходе раскопок, хранятся в фондах Государственного исторического музея Южного Урала.

Сочинения:

Минко Н. К. Отчет о раскопках курганов в Челябинском уезде Оренбургской губернии в 1906 г. // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. 26. Екатеринбург, 1907.

Минко Н. К. Отчет о раскопках курганов в Челябинском уезде оренбургской губернии в 1909 году // Отчет Археологической комиссии за 1909–1910 годы. СПб., 1913.

МОСИН Вадим Сергеевич (р. 1954) — археолог, специалист по каменному веку Урала, доктор исторических наук, директор Южно-Уральского филиала института истории и археологии УрО РАН. «Археологические университеты» прошел в отрядах археологической экспедиции ЧелГУ. Исследовал целый ряд памятников каменного века и палеометаллического периода на Южном Урале и в Зауралье, в том числе древнейший памятник истории края — раннепалеолитическое местонахождение Краснокаменка. Является автором раскопок целой серии памятников археологии — от мезолита до эне-

олита включительно: стоянки Шатанов III на озере Иртяш, стоянки Кочегарово I на реке Миасс в Курганской области. В. С. Мосин выделил чебаркульскую неолитическую культуру Южного Урала, а для энеолита — кысыкульско-суртандинскую культуру.

Сочинения:

Мосин В. С. К вопросу о преемственности энеолита — бронзы в Южном Зауралье // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск : ЧелГУ, 1990. С. 15–25.

Мосин В. С. Каменный век // Древняя история Южного Зауралья : в 2 т. Т. 1. Челябинск : ЮУрГУ, 2000. С. 53–241.

Мосин В. С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2003. 220 с.

Мосин В. С. Энеолит Южного Зауралья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 2. С. 79–93.

Мосин В. С. Стоянка Шатанов 3 на озере Иртяш (классификационный и археолого-исторический подходы). Челябинск : Рифей, 2011. 108 с.

Мосин В. С. Древние охотники Урала // Археология и жизнь. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2013. 511 с.

ПЕТРИН Валерий Трофимович (1943–2002) — археолог, специалист по каменному веку Евразии, древним наскальным рисункам Урала, доктор исторических наук. Азы археологии постиг в археологической лаборатории УрГУ (Свердловск). Основная часть научной карьеры В. Т. Петрина оказалась связанной с Институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (Новосибирск). В археологии Урала и Западной Сибири В. Т. Петрин останется как исследователь палеолитических памятников (стоянки Шикаевка II, Могочино; гроты Зотинский I, Безымянный). С его именем связано открытие и исследование настенной живописи позднего палеолита в Игнatieвской (Ямазы-Таш) и Серпиевской 2 (Колокольной) пещерах в Катав-Ивановском районе Челябинской области, а также введение в научный оборот нескольких десятков местонахождений древних наскальных рисунков по берегам рек и озер Среднего и Южного Урала. В частности, В. Т. Петрин переобследовал известные писаницы на берегах озера Большие Аллаки в Каслинском районе Челябинской области. Он является автором 30 монографий и около 400 научных публикаций.

Сочинения:

Петрин В. Т. Писаница на р. Уфе около железнодорожной станции Арасланово // Совет. археология. 1971. № 4. С. 236–239.

Петрин В. Т., Смирнов Н. Г. Палеолитический памятник в Шикаевке на правом берегу Тобола // Вопросы археологии Урала. Вып. 13. Свердловск : УрГУ, 1975. С. 75–85.

Петрин В. Т. К вопросу о датировке Араслановской писаницы на р. Уфе // Совет. археология. 1977. № 2. С. 246–249.

Петрин В. Т. Находки новых наскальных изображений в Кыштымском озерном крае // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 66–67.

Петрин В. Т. Наскальные изображения Южного Урала // Археология эпохи камня и металла Сибири. Новосибирск, 1983. С. 150–159.

Петрин В. Т. Новые наскальные изображения Южного Урала // Совет. археология. 1984. № 4. С. 96–103.

Петрин В. Т. Новые наскальные изображения Урала // Проблемы археологии Северной и Восточной Азии. Новосибирск, 1986. С. 99–132.

Петрин В. Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск : Наука, 1986. С. 21–34; 100–118.

Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск : Наука, 1992. 204 с.

Петрин В. Т., Широков В. Н. Искусство ледникового века. Игнatieвская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале. Екатеринбург : 2013. 190 с.

РЫЧКОВ Петр Иванович (1712–1777) — выдающийся ученый XVIII века. Первый российский краевед, изучавший Южный Урал, первый член-корреспондент Императорской академии наук. Его «Топография Оренбургской губернии по ее нынешнему состоянию» по праву считается не только первым краеведческим трудом в России, но и одной из первых научных в подлинном смысле этого слова работ, в которой содержится довольно много сведений по древней истории Южного Урала и дается характеристика целого ряда памятников древних культур. Именно П. И. Рычков был первым исследователем знаменитой Каповой пещеры в Башкирии. Он первым из европейцев описал средневековые мавзолеи Южного Зауралья, в том числе и широко известный сейчас мавзолей — башню Тамерлана (Варненский район Челябинской области), а также древние курганы и городища у Шадринска, древние «чудские» рудники Южного Урала по рекам Каргала и Сакмара.

Сочинение:

Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное Коллежским советником и Императорской Академии наук Корреспондентом Петром Рычковым. Часть вторая. СПб., 1762. 262 с.

САЛЬНИКОВ Константин Владимирович (1900–1966) — археолог, доктор исторических наук. Впервые в истории археологии Южного Урала попытался охарактеризовать заключительные этапы каменного века в Зауралье. По итогам исследования поселения Бабарыкино II под Шадринском он выделил и охарактеризовал бабарыкинскую культуру, отнесенную им к раннему бронзовому веку. Исследование К. В. Сальниковым Алакульского и Федоровского могильников, Замараевского поселения бронзового века позволили ему создать периодизацию и хронологию степной андроновской культуры Южного Урала. Многолетнее изучение К. В. Сальниковым Гороховского городища (Чудаки) на реке Юргамыш и целого ряда погребальных памятников лесостепного Зауралья привело его к выделению лесостепной гороховской культуры раннего железного века. Работы К. В. Сальникова на городище Даутовское I (Иткульское I) на озере Иткуль на севере Челябинской области завершились открытием им иткульской культуры раннего железного века. Им же было положено начало осмыслению средневековых древностей Приисетья, где по результатам изучения Большого Бакальского городища у Шадринска К. В. Сальников выделил бакальскую средневековую культуру. Его научное наследие содержится в многочисленных статьях и заметках. Он также был первым из южноуральских археологов, кто счел важным писать не только для коллег, но и для широкой аудитории, прежде всего для детей.

Сочинения:

Сальников К. В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровка Челябинской области // *Материалы и исследования по археологии СССР*. Вып. 1. М., 1940.

Сальников К. В. Древнейшее население Челябинской области: (по данным археологических памятников). Вып. 1. Челябинск, 1948.

Сальников К. В. В глубине веков: Очерки о жизни первобытного населения Урала. Свердловск, 1949.

Сальников К. В. Памятник абашевской культуры близ Магнитогорска // *Краткие сообщения института истории материальной культуры*. Вып. 35. М., 1950. С. 91–97.

Сальников К. В. *Бронзовый век Южного Зауралья // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 21. М. : Изд-во АН СССР, 1951. С. 94–151.*

Сальников К. В. *Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск : ОГИЗ, 1952. 155 с.*

Сальников К. В. *Курганы на озере Алакуль // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 24. М., 1952. С. 51–72.*

Сальников К. В. *Абашевская культура на Южном Урале // Совет. археология. Вып. 21. М., 1954. С. 52–94.*

Сальников К. В. *Южный Урал в эпоху неолита и бронзы // Археология и этнография Башкирии. Вып. 1. Уфа, 1962. С. 16–58.*

Сальников К. В. *Очерки древней истории Южного Урала. М. : Наука, 1967. 406 с.*

Сальников К. В. *История археологических исследований на Южном Урале // Проблемы археологического изучения Южного Урала : сб. науч. ст. Челябинск : Абрис, 2009. С. 158–214.*

СТОКОЛОС Владимир Савельевич (1930–2013) — археолог, доктор исторических наук. В конце 1940-х — начале 1950-х годов в УрГУ проходил подготовку (изучал методику проведения археологических разведок, стационарных полевых работ) у известного на Урале специалиста К. В. Сальникова (раскопки Гороховского городища на реке Юргамыш) и Н. П. Кипарисовой (археологические работы на берегах озера Иткуль). В середине 1950-х годов провел самостоятельную археологическую разведку участка долины реки Исеть на северо-западе современной Курганской области. В 1958 году исследовал погребальные памятники бронзового века в окрестностях села Степного Троицкого района. Наибольшую известность получили результаты изучения могильников Степное I и Степное II. Уникальные материалы, в том числе остатки халата, шелковая ткань которого связывается специалистами с Ираном постсасанидского периода, были получены В. С. Стоколосом в 1959 году в ходе доисследования курганов конца I тыс. н. э. на берегу озера Синеглазово. В первой половине 1960-х годов В. С. Стоколосом и студентами историко-филологического факультета ЧГПИ были произведены беспрецедентные по масштабам раскопки памятников позднего бронзового века у деревни Черняки под Челябинском (могильники Черняки I, II и поселения Черняки I–III), в зоне будущего Шершневского водохранилища. Именно материалы южноуральских памятников бронзового века легли в основу его кандидатской диссертации. Позднее, после переезда в Сыктывкар, В. С. Стоколос обращался к археологии

Южного Урала эпизодически (в начале 1970-х и начале 1980-х годов осуществлял работы, связанные с исследованием Кизильского укрепленного поселения бронзового века и расположенного в его окрестностях Кизильского могильника). Изучение Кизильского укрепленного поселения позволило В. С. Стоколосу утверждать о наличии фортификационных сооружений на поселениях бронзового века Южного Урала. Раскопки Кизильского могильника примечательны тем, что здесь были найдены уникальное навершие булавы, выполненное из кристалла горного хрусталя, и не менее уникальный комплекс украшений молодой женщины. В. С. Стоколос автор пересмотра статуса этапов, периодизации и хронологии андроновской культуры Южного Зауралья К. В. Сальникова. С археологией Южного Урала в научном наследии В. С. Стоколоса связаны две монографии и серия научных статей.

Сочинения:

Стоколос В. С. Археологические памятники Челябинской области. Челябинск, 1960.

Стоколос В. С. Курганы эпохи бронзы у с. Степного // Краеведческие записки. Вып. 1. Челябинск : Челяб. обл. краевед. музей, 1962. С. 3–20.

Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М. : Наука, 1972. 168 с.

Стоколос В. С. Исследования Мезенско-Уральского отряда // Археологические открытия — 1981. М. : Наука, 1983. С. 174–175.

Стоколос В. С. Существовал ли новокумакский горизонт? // Совет. археология. 1983. № 2. С. 257–264.

Стоколос В. С. Поселение Кизильское позднего бронзового века на р. Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. Сер. 1. Ист. науки. Вып. 2. Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 2004. С. 207–236.

ТАИРОВ Александр Дмитриевич (р. 1955) — археолог, специалист по истории ранних кочевых народов Евразии, доктор исторических наук. Подготовку как специалист прошел в отрядах Урало-Казахстанской археологической экспедиции ЧелГУ. Круг научных интересов А. Д. Таирова не ограничивается проблематикой кочевого мира Евразии раннего железного века. Он живо интересуется как динамикой природно-климатических изменений в Центральной Евразии в II–I тыс. до н. э., так и маршрутами караванных путей из Средней Азии через просторы Казахстана к Южному Уралу и Западной Сибири. А. Д. Таиров

участвовал в реконструкции облика надмогильного дерново-земляного сооружения раннего железного века у известной башни Тамерлана, руководил воссозданием на территории музея-заповедника «Аркаим» подкурганного склепа знатной кочевой семьи V–IV веков до н. э. по материалам раскопок кургана в Чесменском районе Челябинской области. А. Д. Таировым на протяжении многих лет исследовались археологические памятники Южного Зауралья и Казахстана, принадлежавшие различным периодам древней и средневековой истории. С его именем связано, в частности, изучение могильника бронзового века Путиловская Заимка II на реке Уй в Троицком районе Челябинской области, Большого Климовского кургана, кургана Темир в Чесменском районе Челябинской области, курганного могильника раннего железного века Кичигино у Южноуральска. В ходе раскопок Кичигинского могильника была получена уникальная коллекция золотых и обтянутых золотом предметов — знаки власти и украшения лицевой стороны горита, выполненные в знаменитом скифо-сибирском стиле декоративно-прикладного искусства. В 1980-е годы А. Д. Таиров возглавил работу по созданию «Свода археологических памятников Челябинской области». Он является автором более 200 научных статей и около десяти монографий. В составе авторского коллектива в начале 2000-х годов А. Д. Таиров участвовал в написании двухтомной «Древней истории Южного Зауралья», в которой его перу принадлежит раздел «Ранний железный век». А. Д. Таиров разработал и ввел в археологический научный оборот концепцию пастбищно-кочевой системы хозяйствования кочевых народов Казахстана и Южного Урала в раннем железном веке и Средневековье.

Сочинения:

Таиров А. Д. Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : Челяб. гос. ун-т : Центр «Аркаим», 1995. 43 с.

Таиров А. Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья : в 2 т. Т. 2. Челябинск, 2000. С. 3–206.

Таиров А. Д. Изменение климата степей и лесостепей Центральной Евразии в II–I тыс. до н. э. : материалы к ист. рек. Челябинск : Рифей, 2003. 68 с.

Таиров А. Д. Кочевники урало-казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. : монография. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. 274 с.

Таиров А. Д., Арканов С. М., Боталов С. Г. Комплексы кочевой аристократии Южного Урала : альбом / под ред. С. Г. Боталова, Н. О. Ивановой. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2013. 328 с.

Таиров А. Д. Ранние кочевники Жайык-Иртышского междуречья в VIII–VI вв. до н. э. // Материалы и исследования по культурному наследию. Вып. 8. Астана : Казах. науч.-исслед. ин-т культуры, 2017. 391 с.

ТОЛМАЧЕВ Владимир Яковлевич (1876–1943) — археолог, краевед. С 1897 по 1914 год обследовал берега рек и озер в современной Челябинской области (реки Синара, Багаряк, Караболка, Уй, Миасс; озеро Большие Аллаки), юга Свердловской области (река Исеть; озера Шигирское и Исетское), Курганской области (реки Исеть и Тобол). Разведочное обследование завершилось созданием в 1915 году «Археологической карты Урала» (более 400 памятников). Совместно с В. П. Бирюковым в 1914 году исследовал разрушающийся Бакланский могильник на реке Миасс в современном Каргапольском районе Курганской области. В трех выпусках «Записок Уральского общества любителей естествознания» В. Я. Толмачев опубликовал свое фундаментальное исследование «Древности Восточного Урала», в котором попытался детально описать основные археологические коллекции музея УОЛЕ, прежде всего находки, сделанные на известном Шигирском торфянике. Эта работа В. Я. Толмачева до сих пор востребована учеными.

Сочинения:

Толмачев В. Я. Древности Восточного Урала // Зап. Урал. о-ва любителей естествознания. 1913. Т. 32, вып. 2 ; 1914. Т. 34, вып. 8–12 ; 1927. Т. 40, вып. 2.

Толмачев В. Я. Деревянный идол из Шигирского торфяника // Известия Археологической комиссии. Вып. 60. Пг., 1916.

ЧЕРНЫХ Евгений Николаевич (р. 1935) — археолог, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН. Заведующий лабораторией естественно-научных методов Института археологии РАН. Создатель и глава научной школы исследователей археометаллургии. Е. Н. Черных, его ученики и последователи доказали, что в эпоху раннего металла (энеолит и бронзовый век) металлы и металлопроизводство сыграли роль мощного катализатора прогресса человечества, запустившего механизм устойчивых связей между различными, часто весьма удаленными друг от друга обществами Евразии. Была проведена огромная работа по изучению древнейшего горного дела, металлургии и металлообработки в различных частях Северной Евразии. Создана гигантская база данных, включающая сведе-

ния о металлических изделиях, литейных формах, результатах спектрального и рентгено-флюоресцентного анализов и др. В итоге была сформулирована авторская концепция о формировании и функционировании в эпоху раннего металла в Старом Свете системы металлургических провинций, состоявших из родственных и взаимосвязанных очагов металлургии и металлообработки. В 1960-е годы Е. Н. Черных обследовал большинство известных геологам и археологам медных рудников Южного Урала и изучил геохимию их руд. В 1990-е годы в пределах известного Каргалинского рудного поля на севере Оренбуржья Е. Н. Черных изучал уникальное поселение древних горняков и металлургов срубной культуры Горный I. Результаты комплексного изучения памятника были опубликованы в пяти томах коллективной монографии «Каргалы». Справедливо заключить, что исследования Е. Н. Черных и представителей его школы привели к кардинальному пересмотру современных представлений об эпохе раннего металла в Евразии.

Сочинения:

Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М. : Наука, 1966. 144 с.

Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М. : Наука, 1970. 180 с.

Черных Е. Н. Металл — человек — время. М. : Наука, 1972. 208 с.

Черных Е. Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М. : Наука. 1976. 302 с.

Черных Е. Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София : Изд-во Болг. АН, 1978. 388 с.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М. : Наука, 1989. 320 с.

Черных Е. Н. Каргалы. Забытый мир. М. : Нох, 1997. 176 с.

Черных Е. Н., Авилова Л. И., Орловская Л. Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М. : Ин-т археологии РАН, 2000. 95 с.

Каргалы : в 5 т. / сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. М. : Яз. славян. культуры, 2002–2007.

Черных Е. Н. Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. М. : Ру. памятники Древ. Руси, 2009. 624 с.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В. 切尔内赫 С. В. 库兹明内赫 著 欧亚大陆北部古代冶金 (塞伊马—图尔宾诺现象) // Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). A Series of Studies of Turfan : [пер. на кит. яз. одним. кн.: М. : Наука, 1989]. Beijing, 2010. 308 p.

Черных Е. Н. Культуры номадов в мегаструктуре евразийского мира : в 2 т. М. : Яз. славян. культуры, 2013.

Chernykh E. N. Ancient Mining and Metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1992. 416 p.

ШИРОКОВ Владимир Николаевич (р. 1958) — археолог, специалист по периоду палеолита и древним наскальным изображениям (Институт истории и археологии УрО РАН). Археологическую подготовку прошел в Уральской археологической экспедиции (УрГУ) у известного археолога В. Т. Петрина. Много лет посвятил поиску и изучению древних наскальных рисунков — от настенной живописи палеолитического периода в Игнatieвской (Ямазы-Таш) и Серпиевской II (Колокольной) пещерах на реке Сим в Катав-Ивановском районе Челябинской области до рисунков святилищ средневековых обитателей горнолесной части Южного Урала. Из палеолитических стоянок Южного Урала, исследованных В. Н. Широковым, следует прежде всего назвать стоянку Богдановка на реке Урал и стоянку Троицкая I на реке Уй. В. Н. Широков автор более 50 научных статей. Особо следует отметить его книгу, посвященную древнему искусству Урала и предназначенную для учителей.

Сочинения:

Широков В. Н. Древнейшее искусство уральских пещер : пособие для учителя и учащихся. Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1995. 80 с.

Широков В. Н., Косинцев П. А., Волков Р. Б. Палеолитическая стоянка на р. Уй // Новое в археологии Южного Урала : сб. науч. тр. Челябинск : Рифей, 1996. С. 3–17.

Широков В., Волков Р. Б., Нестерова Г. М. Палеолит и мезолит Урала : учеб. пособие. Екатеринбург, 2005. 159 с.

Широков В. Н. Уральские писаницы. Южный Урал / науч. ред. В. Д. Викторова. Екатеринбург : АМБ, 2009. 128 с.

Широков В. Н., Волков Р. Б., Косинцев П. А., Лаптева Е. Г. Палеолитическая стоянка Богдановка (Южный Урал) // Рос. археология. 2011. № 1. С. 125–139.

Широков В. Н., Чаиркин С. Е. Наскальные изображения Северного и Среднего Урала / науч. ред. В. Д. Викторова. Екатеринбург : Ажур, 2011. 182 с.

Широков В. Н., Петрин В. Т. Искусство ледникового века. Игнatieвская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале. Екатеринбург, 2013. 190 с.

Shirokov V.N. Petrin V. Die Ignatievka-Hohle (Ural) // Zwei neue jungpalaeolithische Bilder-hohlen in Sudfrankreich und im Ural. Jahrbuch des RomischGermanischen Zentralmuseums Mainz. 38. Jahrgang 1991. S. 17–31.

Shirokov V.N., Scelinskij V.E. Hohlenmalerei im Ural. Kapova und Ignatievka // Die altsteineitlichen Bilderhohlen im sudlichen Ural. Thorbecke, 1999.

ЧТО ПОЧИТАТЬ **(популярные книги по древней и средневековой истории** **Южного Зауралья)**

Виноградов Н. Б. Южный Урал и Зауралье в древности и Средневековье : учеб. пособие [Электронный ресурс] / науч. ред. А. В. Епимахов. Челябинск : Абрис, 2015. 240 с.

Виноградов Н. Б., Валиахметова З. А. Люди археологии Южного Зауралья (XVIII век — середина 1970-х годов). Челябинск : Абрис, 2018. 160 с.

Иванов В. А., Злыгостев В. А. Это были башкиры... Уфа : Китап, 2017. 128 с.

Иванов В. А., Обыденнова Г. Т. Древние живописцы Урала. Уфа : Китап, 2012. 64 с.

Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе : Илим, 1986. 134 с.

Матюшин Г. Н. У колыбели истории. М. : Просвещение, 1972. 255 с.

Матюшин Г. Н. Яшмовый пояс Урала. М. : Искусство, 1977. 176 с.

Мосин В. С. Древние охотники Урала (археология и жизнь). Челябинск : Издат. центр ЮурГУ, 2013. 511 с.

Широков В. Н. Древнейшее искусство уральских пещер : пособие для учителя и учащихся. Екатеринбург : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1995.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор считает своей приятной обязанностью выразить глубокую признательность всем, кто способствовал появлению на свет этого издания. Прежде всего, это коллеги-археологи, щедро поделившиеся своими добрыми советами и иллюстративными материалами: д. и. н. С. Г. Боталов, д. и. н. А. Д. Таиров, к. и. н. В. Н. Широков. А. Н. Алексеев, будучи студентом исторического факультета ЧГПУ, выполнил 3D-моделирование этапов сооружения укрепленного поселения бронзового века Устье I и конструкции его оборонительных стен, показанные в этом издании. Авторская признательность издательству «Абрис» за картографическое сопровождение проекта. В. С. Чебелюку (с. Варна) огромная авторская благодарность за организацию фотосъемок для книги. Слова благодарности хотелось бы высказать В. С. Боже и Г. Х. Самигулову, исследователям истории Челябинска, за содержательные консультации и предоставленные фотографии. Свой вклад сделали геолог И. Михайлов — автор нескольких фотографий, и фотомастер В. Г. Жирохов, также предоставивший свои работы. А. М. Кисленко (заповедник «Аркаим») любезно разрешил использовать в настоящем издании фото созданной под его руководством реплики синташтинской колесницы. Не могу не выразить искреннюю признательность моей жене Н. Н. Пашковой — за традиционное долготерпение и разнообразное содействие.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1–3. С незапамятных времен нас магически притягивает пламя костров, согревавших нас на протяжении большей части нашей истории. Кружение воды будит мысли, как и движение облаков по необъятному небу

Рис. 4. Озеро Иткуль на севере Челябинской области. Фотография Н. Виноградова

Рис. 5. Лысая Гора — скала на берегу озера Большой Теренкуль с древним святилищем на вершине. Фотография Н. Виноградова

Рис. 6. Колесница бронзового века (по материалам археологических памятников Южного Зауралья). Художник В. Витлиф

Рис. 7. Физико-географическая карта Южного Зауралья

Рис. 8. Наскальные рисунки на озере Большие Аллаки. Фотография Н. Виноградова

Рис. 9. Вершины Таганая. Фотография В. Дергачева

Рис. 10. Дорожный указатель «Верхние Караси». Фотография Н. Виноградова

Рис. 11. Вершины сопок с гранитными останцами в окрестностях села Степного Пластовского района Челябинской области. Фотография Н. Виноградова

Рис. 12. История страны на карте Челябинской области

Рис. 13. Памятный знак на окраине села Варна Варненского района Челябинской области. Фотография В. Чебелюка

Рис. 14. Село Серпиевка Катав-Ивановского района Челябинской области. Фотография Н. Виноградова

Рис. 15. Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали. Художник Ю. Шмелев

Рис. 16. Сосновый бор утром. Фотография В. Дергачева

Рис. 17. Сосуд бронзового века — случайная находка при строительных работах в Челябинске на улице Всевобуча, 20 (Центральный район). Архив В. Стоколоса

Рис. 18. Студенты-археологи обследуют площадку поселения Шершни 1. 1984 год. Фотография Н. Виноградова

Рис. 19. Поселение Шершни I. Фрагменты керамики (подъемный материал). Неолит — энеолит. Окрестности Челябинска. Фонды лаборатории археологических исследований ЮУрГГПУ. Фотография Н. Виноградова

Рис. 20. Поселение Шершни I. Древние каменные предметы (подъемный материал). Окрестности Челябинска. Фонды лаборатории археологических исследований ЮУрГГПУ. Фотография Н. Виноградова

Рис. 21. Поселение Шершни I. Шлифованный топор из серпентинита. Неолит — энеолит. Окрестности Челябинска. Фонды лаборатории археологических исследований ЮУрГГПУ. Фотография Н. Виноградова

Рис. 22. Археолог С. Н. Дурылин обследует берег озера Смолино. Окрестности Челябинска. Архив В. Стоколоса

Рис. 23. Археолог Н. К. Минко. Фонды ЧГКМ

Рис. 24. Сосуд из кургана 4 могильника Сухомесово I. Окрестности Челябинска. Раскопки Н. Минко. Фонды ГИМЮУ

Рис. 25. Бусы из древних и средневековых погребений. Окрестности Челябинска. Раскопки Н. Минко. Фонды ГИМЮУ

Рис. 26. Курган у поселка Смолино в процессе исследования летом 1924 года. Раскопки С. Дурылина. Фотография И. Горохова. Фонды ГИМЮУ

Рис. 27. Археолог В. С. Стоколос за обработкой керамики из раскопок могильников у деревни Черняки

Рис. 28. Сосуд из погребения 4 кургана 2 могильника Черняки II (окрестности Челябинска). Раскопки В. Стоколоса. 1962 год. Фонды ГИМЮУ

Рис. 29. Сосуд № 4-14 из могильной ямы 2 раскопа IIа могильника Черняки II (окрестности Челябинска). Раскопки В. Стоколоса. 1962 год. Фонды ГИМЮУ

Рис. 30. Первооткрыватель Тополевского клада Роман Котляров на берегу Первого озера

Рис. 31. Обломок створки литейной формы для отливки бронзового ножа-кинжала из Тополевского клада. Поселок Тополевка (окрестности Челябинска). Хлористый сланец. Фонды лаборатории археологических исследований ЮУрГГПУ. Фотография Н. Виноградова

Рис. 32. Керамическое блюдо из погребения 1 кургана 39 могильника у деревни Федоровки (Сосновский район). Раскопки К. Сальникова. 1936 год. Фонды ГИМЮУ

Рис. 33. Городище Большое Баландинское на реке Миасс у поселка Солнечного (Сосновский район). Фотография Н. Виноградова

Рис. 34. Каменный жертвенник из погребения под курганом 36 у деревни Черняки (окрестности Челябинска). Раскопки Н. Минко

Рис. 35. Накладка ремня сбруи верхового коня из средневекового погребения на озере Синеглазово. Окрестности Челябинска. Раскопки В. Стоколоса. 1959 год. Фонды ГИМЮУ

Рис. 36. Кожаная сумочка с деревянным гребнем на поясе покойного (из погребения XIII–XIV века в поселке Федоровка Сосновского района). Раскопки Н. Виноградова, Н. Ивановой. 1981 год

Рис. 37. Горы Южного Урала в окрестностях Златоуста. Фотография В. Дергачева

Рис. 38. Карьер на Андрее-Юльевском прииске в окрестностях Пласта

Рис. 39. Остатки производственной площадки XIX века по измельчению золотосодержащей породы на Андрее-Юльевском прииске

Рис. 40. Южноуральские яшмы

Рис. 41. Нуклеус и снятые с него пластины (реплика). Автор И. Горащук

Рис. 42. Вкладышевое орудие, оснащенное кремневыми пластинками с параллельными краями (реплика). Автор И. Горащук

Рис. 43. Сверло на пластине и работа им

Рис. 44. Так выглядит оформленная ретушью рабочая поверхность концевого скребка на пластине

Рис. 45. Каменные двусторонне ретушированные наконечники стрел. Укрепленное поселение бронзового века Устье I (Карталинский район). Фонды лаборатории археологических исследований ЮУрГГПУ. Фотография Н. Виноградова

Рис. 46. Остатки колчана и стрел с каменными и бронзовыми наконечниками из Синташтинского могильника бронзового века (Брединский район). Раскопки В. Генинга 1975 года. Фотография Н. Виноградова

Рис. 47. Скребок из горного хрусталя. Стоянка Троицкая I (Троицкий район). Поздний палеолит. Раскопки и фотография В. Широкова

Рис. 48. Навершие булавы из горного хрусталя из погребения 2 кургана 2 Кизильского могильника бронзового века (Кизильский район). Раскопки В. Стоколоса. Фонды ГИМЮУ. Фотография Н. Виноградова

Рис. 49. Топор из серпентинита. Случайная находка на берегу Карагайского озера (Верхнеуральский район). Неолит — энеолит. Фонды лаборатории археологических исследований ЮУрГГПУ. Фотография Н. Виноградова

Рис. 50. Подвески из серпентинита. Бурановская пещера (Усть-Катавский городской округ). Неолит — энеолит. Раскопки С. Бибикова. Фонды ГИМЮУ. Фотография О. Ивановой

Рис. 51. Пест для дробления и растирания руды и следы работы на его рабочей поверхности. Укрепленное поселение Устье I. Бронзовый век. Раскопки Н. Б. Виноградова

Рис. 52. Абразив и следы работы на его рабочей поверхности. Укрепленное поселение Устье I. Бронзовый век. Раскопки Н. Б. Виноградова

Рис. 53. Створка литейной формы из талькохлорита для отливки ножа-кинжала. Тополевский клад (окрестности Челябинска). Бронзовый век. Находка Р. Котлярова. Фонды лаборатории археологических исследований ЮУрГГПУ. Фотография Н. Виноградова

Рис. 54. Орнаментир для керамики из талька. Поселение Шершни I (окрестности Челябинска). Неолит — энеолит. Находка Г. Туфленковой. Фотография Н. Виноградова

Рис. 55. Плитка талькохлорита с вырезанными антропоморфными изображениями. Случайная находка на озере Синара (Каслинский район). Энеолит. Музей Дома пионеров и школьников Снежинска. Фотография Н. Виноградова

Рис. 56. Противовес из талька для меха. Укрепленное поселение бронзового века Устье I (Карталинский район). Раскопки Н. Виноградова. Фонды лаборатории археологических исследований ЮУрГГПУ. Фотография Н. Виноградова

Рис. 57. Погребальные конструкции из гранита. Могильник бронзового века Путиловская Заимка (Троицкий район). Фотография А. Таирова

Рис. 58. Медьсодержащие минералы — малахит и азурит. Фотография Н. Виноградова

Рис. 59. Бусина из малахита. Могильник бронзового века Синташтинский (Брединский район). Раскопки В. Генинга. Фотография Н. Виноградова

Рис. 60. Заготовка навершия булавы из нефрита. Укрепленное поселение бронзового века Устье I (Карталинский район). Раскопки Н. Виноградова. Фонды лаборатории археологических исследований ЮУрГГПУ. Фотография Н. Виноградова

Рис. 61. Бусы из индийского агата и сердолика, изготовленные в Иране. Могильник Кичигино (Увельский район). V–IV века до н. э. Раскопки А. Таирова. 2006 год. Фонды ГИМЮУ

Рис. 62. Украшение в полихромном стиле (из клада). Брюхановский выселок (Шадринский район Курганской области). 1885 год. Золото, сердолик, стекло. Фонды Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург)

Рис. 63. Гранитная стела в составе поминального комплекса XIII–XIV веков. Урочище Каменный Амбар (Карталинский район). Раскопки и фотография В. Костюкова

Рис. 64. Входной грот пещеры Ямазы-Таш (Игнatieвской) в Катав-Ивановском районе. Фотография Н. Виноградова

Рис. 65. Чум народа манси. 1908 год. Фонды Пермского областного краеведческого музея

Рис. 66. Планировка пространства внутри обводной стены. Укрепленное поселение бронзового века (петровского периода) Устье I (Карталинский район). Раскопки Н. Виноградова

Рис. 67. Котлованы помещений петровского периода истории укрепленного поселения Устье I разделяли материковые перемычки. 3D-моделирование А. Алексеева

Рис. 68. Конструкция стен между смежными помещениями. Укрепленное поселение бронзового века Устье I. 3D-моделирование А. Алексеева

Рис. 69. Пространство между стенами смежных помещений укрепленного поселения Устье I первоначально было полым и постепенно заполнялось золой из очагов. 3D-моделирование А. Алексеева

Рис. 70. Мобильные жаровни с заранее нагретыми камнями — возможный вариант отопления отдельных участков внутреннего пространства помещений. 3D-моделирование А. Алексеева

Рис. 71. Вариант реконструкции обводной оборонительной стены укрепленного поселения Устье I (петровский период его истории). 3D-моделирование А. Алексеева

Рис. 72. Череда котлованов построек бронзового века, расположенных «в улицу» вдоль берега реки Черной. Поселение Архангельский Прииск I (Сосновский район). Фотография Н. Виноградова

Рис. 73. Башкирское летнее кочевье в горах Южного Урала. Картина Ю. Шмелева

Рис. 74. Крепость на озере Кызыл-Таш. План строительства с подписью В. Татищева. Фонды музея города Озерска

Рис. 75. Николаевская крепость середины XIX века в Варненском районе. Фотография В. Чебелюка

Рис. 76. Церковь на станичной площади села Великопетровка (Карталинский район). Фотография М. Гаврилова

Рис. 77. Вид на плотину на пруду Миасского завода. Открытка 1904–1909 годов. Фонды ГИМЮУ

Рис. 78. Караван, готовый к отправке в Среднюю Азию, на улице Троицка. Фотография начала XX века

Рис. 79. Торговые пути в западной части Урало-Иртышского междуречья в XVIII–XIX веках (по Таирову А. Д., 1995). Компьютерная графика С. Докучаева

Рис. 80. Сосуды из ямы 30 раскопа 4 и ямы 29 кургана 4 могильника бронзового века Кулевчи VI (Варненский район). Фонды ГИМЮУ

Рис. 81. Плоская с одной стороны «вьючная» глиняная фляга из Хорезма. Курган раннего железного века Темир (Чесменский район). Раскопки М. Хабдулиной. 1982 год. Фонды Музея археологии и этнографии ЧелГУ. Фотография Э. Дружининой

Рис. 82. Серебряный иранский ритон (сосуд для вина). Филипповские курганы (Илекский район Оренбургской области). IV–III века до н. э. Раскопки А. Пшеничнюка. Музей археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН. Фотография Н. Виноградова

Рис. 83. Серебряный кувшинчик с тамгой Хорезмшахов, найденный в 1939 году близ устья реки Миасс (Каргапольский район Курганской области). Рисунок из статьи К. Сальникова

Рис. 84. Предметы из погребения могильника I–III веков Магнитного (Агаповский район): бронзовые изделия (ковш, ситечко, кувшин), стеклянный стакан. Раскопки С. Боталова. Музей «Народы и технологии Урала» ЮУрГУ (НИИ). Фотография С. Арканова

Рис. 85. «Челябинская ткань» из погребения VIII–IX веков на озере Синеглазово (окрестности Челябинска). Иран. Раскопки В. Стоколоса. 1959 год. Фонды ГИМЮУ

Рис. 86. Миниатюрный сосуд из ямы 5 кургана 10 могильника бронзового века Кривое Озеро (Троицкий район). Раскопки Н. Виноградова. Фонды ГИМЮУ. Фотография Н. Виноградова

Рис. 87. Современное гончарное производство. Невьянск. 1986 год. Фотография Н. Виноградова

Рис. 88. Неолитический сосуд, найденный дайверами на дне озера Увильды (Аргаяшский район). Фонды ГИМЮУ

Рис. 89. Первооткрыватель негативов отпечатков орнамента сосудов-основ студент-археолог Сергей Марков

Рис. 90. Фрагменты двух сосудов с поселения бронзового века Кулевчи III. Следы орнамента на внутренней стороне нового сосуда (слева), сосуд-основа (справа). Рисунок из статьи Н. Виноградова и М. Мухиной

Рис. 91. Оттиски текстиля и негативы орнамента сосуда-основы на внутренней стороне нового сосуда из ямы 1 кургана 1 могильника бронзового века Кривое Озеро (Троицкий район). Фонды ГИМЮУ. Фотография Н. Виноградова

Рис. 92. Последовательность операций при изготовлении сосудов с применением сосудов-основ и тканевой прокладки

Рис. 93. Солярный орнамент на дне сосуда из петровского (ранне-алакульского) погребения 4 кургана 1 могильника бронзового века Кривое Озеро (Троицкий район). Фонды ГИМЮУ. Фотография Н. Виноградова

Рис. 94. Рисунок колесницы на сосуде из погребения 11 кургана 1 группы 1 могильника позднего бронзового века Спасское (Верхнеуральский район). Раскопки В. Стоколоса. 1961 год. Фонды ГИМЮУ

Рис. 95. Крылатый Пегас на холодном оружии из Златоуста

Рис. 96. Вид долины реки Иман-Бурлук и гор Кокше-Тау с площадки поселения энеолитического периода Ботай I (Айыртауский район Северо-Казахстанской области, Республика Казахстан). 1980 год. Фотография Н. Виноградова

Рис. 97. Отпечатки нижней части колес в углублении в полу погребальной камеры ямы 30 Большого грунтового могильника Синташтинского комплекса (Брединский район). Фотография Н. Виноградова

Рис. 98. Реплика синташтинской колесницы, выполненная учеными музея-заповедника «Аркаим». Руководитель проекта А. Кисленко. Фотография А. Кисленко

Рис. 99. Имитация погребальной колесницы в яме 1 кургана 9 могильника Кривое Озеро (реконструкция обряда). Художник В. Витлиф

Рис. 100. Роговой псалий — нащечник узды колесничного коня из ямы 1 кургана 9 могильника Кривое Озеро (Троицкий район). Раскопки Н. Виноградова. Фонды ГИМЮУ. Фотография Н. Виноградова

Рис. 101. Роговой распределитель ремней узды колесничного коня из ямы 2 кургана 1 могильника Кривое Озеро (Троицкий район). Раскопки Н. Виноградова. Фонды ГИМЮУ. Фотография Н. Виноградова

Рис. 102. Парфянский катафрактарий. Граффити. Дура-Европос

Рис. 103. Святилище позднего палеолита в пещере Шульган-таш (Капова) (Бурзянский район Республики Башкортостан) и один из его исследователей О. Бадер. Фотография Н. Виноградова

Рис. 104. Святилище позднего палеолита в пещере Ямазы-таш (Катав-Ивановский район) и его исследователь В. Петрин. Фотография Н. Виноградова

Рис. 105. Деревянный черпак с ручкой в виде головы утки. Мезолит. Шигирская кладовая. Музей истории и археологии Урала Свердловского областного краеведческого музея им. О. Е. Клера. Фотография Н. Виноградова

Рис. 106. Сосуд с орнаментом в виде «уточек» из погребения 2 кургана 2 могильника позднего бронзового века Черняки II (окрестности Челябинска). Раскопки В. Стоколоса. 1962 год. Фонды ГИМЮУ

Рис. 107. «Княжеское оружие» древнеямной культуры — медный топор. Случайная находка (Брединский район). Музей школы села Княженского. Фотография Н. Виноградова

Рис. 108. Остатки обводных оборонительных систем синташтинского и петровского периодов истории укрепленного поселения бронзового века Устье I (Карталинский район). Раскопки и фотография Н. Виноградова

Рис. 109. Жертвенник из голов и ног домашних животных. Укрепленное поселение бронзового века Устье I (Карталинский район). Раскопки и фотография Н. Виноградова

Рис. 110. Жертвенник — погребение собаки перед входом в помещение. Укрепленное поселение бронзового века Устье I (Карталинский район). Раскопки и фотография Н. Виноградова

Рис. 111. Свидетельства металлопроизводства в бронзовом веке: металлургический шлак, слитки черновой меди, полуфабрикаты-заготовки. Укрепленное поселение бронзового века Устье I (Карталинский район). Раскопки и фотография Н. Виноградова

Рис. 112. Конструктивные детали теплотехнических устройств: развал глинобитного свода печи (укрепленное поселение Синташта I); выкладка камней в основании печи и остатки дымохода с частицами металлургической сажи (поселение Кулевчи III). Фотография Н. Виноградова

Рис. 113. Керамические сопла. Укрепленное поселение Синташта I и Синташтинский могильник (Брединский район). Рубеж III—II тыс. до н. э. (бронзовый век). Археологический музей УрГУ (Екатеринбург). Фотография Н. Виноградова

Рис. 114. Медно-магнетитовая руда из Новотемирского рудника. Фотография Н. Виноградова

Рис. 115. Археолог Владимир Савельевич Стоколос исследует укрепленное поселение бронзового века у села Кизильского (Кизильский район). 1971 год. Фотография Н. Виноградова

Рис. 116. Археолог Владимир Федорович Генинг на раскопках укрепленного поселения бронзового века Синташта I (Брединский район) демонстрирует экскурсантам оборонительный ров. 1974 год. Фотография Н. Виноградова

Рис. 117. Ия Михайловна Батанина на раскопках укрепленного поселения Устье I. 1986 год. Фотография С. Баязитова

Рис. 118. Укрепленное поселение Ольгино (Каменный Амбар) в Карталинском районе. Фрагмент аэрофотоснимка

Рис. 119. Интервью И. М. Батаниной в номере газеты «Хроника» от 25 мая 1995 года

Рис. 120. Четыре тысячи лет назад реке Нижний Тогузак было суждено разделять мир живых (укрепленное поселение Устье I) и мир мертвых (могильник Солнце II). Карталинский район. Фотография Н. Виноградова

Рис. 121. Погребальный помост у хантов

Рис. 122. Костяной кинжал с вкладышевыми лезвиями из пластин с параллельными краями. Неолитическое погребение у деревни Пеган (Макушинский район Курганской области). Фонды ГИМЮУ

Рис. 123. Жертвенник из голов и ног домашних животных у края могильной ямы. Синташтинский могильник (Брединский район). Фотография Н. Виноградова

Рис. 124. Роговой псалий с нарочито приостренными шипами из ямы 1 кургана 9 могильника Кривое Озеро (Троицкий район). Фонды ГИМЮУ. Раскопки и фотография Н. Виноградова

Рис. 125. «Пакетное» погребение в яме 30 Большого грунтового могильника Синташтинского культурного комплекса (Брединский район). Фотография Н. Виноградова

Рис. 126. Антропоморфная кукла в яме 2 кургана 3 могильника позднего бронзового века Кулевчи VI (Варненский район). Раскопки Н. Виноградова. Компьютерная графика С. Докучаевой

Рис. 127. Тройное погребение, совершенное по способу кремации, под курганом 2 могильника позднего бронзового века Солнце-Талика. Раскопки и фотография Н. Виноградова

Рис. 128. Курган Темир. Реконструкция А. Таирова в музее-заповеднике «Аркаим». Внешний вид и внутреннее помещение склепа. Фотография Н. Виноградова

Рис. 129. Башня Тамерлана — мавзолей XIV–XVI веков (Варненский район). Фотография В. Садырина

Рис. 130. Карта памятников древней и средневековой истории Южного Зауралья

Рис. 131. Каменные орудия. Палеолитическая стоянка Богдановка (Брединский район). Раскопки и фотография В. Широкова

Рис. 132. Каменные орудия с палеолитической стоянки Мысовая. (Абзелиловский район Республики Башкортостан), исследованной Г. Матюшиным и О. Бадером. Рисунок из статьи Г. Матюшина и О. Бадера

Рис. 133. Орудие из пястной кости уральской дикой лошади. Стоянка позднего палеолита Троицкая I (Троицкий район). Научно-исследовательская лаборатория археологических исследований и школьного археологического краеведения ЮУрГГПУ. Фотография Н. Виноградова

Рис. 134. Поминальный комплекс XIII–XIV веков Каменный Амбар I (Карталинский район). исследованный В. Костюковым. Фотография В. Костюкова

Рис. 135. Грот Зотинский I. Реконструкция загонной охоты на диких лошадей в позднем палеолите. Картина Ю. Шмелева

Рис. 136. Вид на Каменные палатки на юго-восточном берегу озера Большие Аллаки (Каслинский район). Фотография Н. Виноградова

Рис. 137. Хрустальные предметы из раскопок В. Петрина у останцов с наскальными рисунками на озере Большие Аллаки (Каслинский район). Поздний палеолит. Фонды Лаборатории археологических исследований УрФУ. Фотография Н. Виноградова

Рис. 138. Раскопки неолитической стоянки Чебаркуль I (руководитель Н. П. Кипарисова) в Чебаркульском районе и фрагмент сосуда с этой стоянки. 1953 год. Фонды ГИМЮУ

Рис. 139. Один из древних наскальных рисунков на озере Большие Аллаки (Каслинский район). Фотография Н. Виноградова

Рис. 140. Обитатели Южного Урала неолитического времени. Картина Ю. Шмелева

Рис. 141. Раскопки черкаскульского кургана у деревни Туктубаево под руководством Е. Кузьминой. Фотография Е. Кузьминой

Рис. 142. Сосуды черкаскульской культуры позднего бронзового века из кургана у деревни Туктубаево Сосновского района (руководитель раскопок Е. Кузьмина). Фотография Е. Кузьминой

Рис. 143. Вид курганного поля Федоровского могильника (Сосновский район) перед раскопками (руководитель К. Сальников). Сосуд из погребения 2 кургана 39. Фонды ГИМЮУ

Рис. 144. Реконструкция жизни Иткульского большого городища раннего железного века. Картина Ю. Шмелева

Рис. 145. Предметы иткульской культуры из раскопок святилища на Лысой Горе, на озере Большой Теренкуль (Чебаркульский район). Фонды Научно-исследовательской лаборатории археологических исследований и школьного археологического краеведения ЮУрГГПУ

Рис. 146. Раскопки С. Бибилова в пещере Усть-Катавская II (Саткинский район). Фонды ГИМЮУ

Рис. 147. Пещерный комплекс Сикияз-Тамак на реке Ай, исследованный В. Юриным. Фотография Н. Пашковой

Рис. 148. По берегам озера Зюраткуль известно более десяти памятников древних культур. Часть их была изучена Г. Матюшиным. Фотография Н. Виноградова

Рис. 149. Археологи исследуют кладбище первопоселенцев Челябинска на площади Ярославского перед оперным театром. Фотография Г. Самигулова

Рис. 150. Кладбище трудармейцев за ЧМЗ. Фотография А. Кузнецовой

Рис. 151. Рыбалка на реке Миасс у мельницы Чикина. 23 июля 1910 г. Фотография из альбома № 5 К. Н. Теплоухова. Фонды ГИМЮУ

Рис. 152. А. М. Матора — подвижник геологии и создатель уникального «Музея камня» в Фершампенуазе. Фотография Н. Виноградова

Рис. 153. Следы работы золотодобытчиков в верховьях реки Миасс. Фотография Н. Виноградова

Рис. 154. Коркинский разрез. Фотография И. Михайлова

Рис. 155. Светлинский карьер по добыче золота в окрестностях Пласта. Фотография Н. Пашковой

Рис. 156. Саткинский магнетитовый карьер. Фотография В. Жирохова

Рис. 157. Восточно-Буландинский карьер Бакальской группы месторождений. Фотография В. Жирохова

Рис. 158. Безжизненные горы в окрестностях Карабаша. Фотография В. Жирохова

Рис. 159. Следы вандализма в Игнatieвской пещере. Фотография Н. Виноградова

Рис. 160. Вандализм в святилище на озере Большие Аллаки. Фотография Н. Виноградова

Рис. 161. Граффити на стенах башни Тамерлана. Фотография Н. Виноградова

Рис. 162. Полевой лагерь юных археологов на поселении Каменный Амбар. Фотография С. Мазова

Рис. 163. Юные археологи под руководством З. Вершининой и С. Докучаевой постигают тайны древнего гончарства. Фотография Н. Виноградова

Рис. 164. Учебно-методический комплект «Страницы древней истории Южного Урала». Фотография Н. Виноградова

Рис. 165. Учебный школьный археологический музей ЧГПИ. Скульптурные композиции «Мезолит», «Бронзовый век», «Средневековье». Автор И. Банников. Фотография Н. Виноградова

Рис. 166. Комплексная экскурсия «По старинной границе России». Школа № 78. Учитель В. Газизова (Маштак). 1996 год. Фотография Н. Виноградова

ГИМЮУ — Государственный исторический музей Южного Урала

ОГЛАВЛЕНИЕ

- 4 Моя душа хранит с минувшим связь...
- 6 Вершины древней истории Южного Зауралья
- 10 **ИСТОРИЯ СТРАНЫ НА КАРТЕ ОБЛАСТИ**
- 21 **ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ ЛИШЬ ПРИТАИЛОСЬ...**
ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ В ЧЕЛЯБИНСКЕ
- 21 Стоянки и местонахождения каменного века
- 27 Поселения и могильники бронзового века
- 36 Курганы и отдельные погребения раннего железного века
- 38 Средневековые могильники и отдельные погребения
- 39 Городская археология
- 41 **МИНЕРАЛЫ В ЖИЗНИ ДРЕВНИХ ЮЖНОУРАЛЬЦЕВ**
- 45 Секреты мастеров каменных дел
- 50 В чем убеждает трасология
- 69 **ЖИЛИЩА ЛЮДЕЙ — ИСТОРИЯ НАРОДА**
- 69 Жилища древнейших южноуральцев
- 71 Дома и поселки скотоводов бронзового века
- 78 Кочевники изобретают... юрту
- 80 Возникновение современных поселений
- 85 **ЮЖНЫЙ УРАЛ И ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ**
- 99 **МАГИЯ ГЛИНЫ**
- 101 Легко ли изготовить глиняный сосуд?
- 102 Сосуды первых гончаров
- 104 Разрушительный эксперимент
- 104 Отпечатки тканей на керамике
- 105 Разгадка тайны отпечатков
- 105 Последовательность изготовления алакульского сосуда
- 108 Как передавались традиции
- 109 Загадочный язык орнаментов

-
- 112 **ИСТОРИЯ МОЕЙ ЛОШАДИ**
114 Степные народы приручают лошадей
116 Древнейшие колесницы на планете
122 Кони изменяют людей и мир
123 Курганы с «усами»
- 125 **ЮЖНЫЙ УРАЛ В ДРЕВНЕЙ
И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ЕВРАЗИИ**
125 Пещерные святилища позднего палеолита
128 Урал и древняя история финно-угорских народов
130 У начала истории горного дела и металлопроизводства.
Бронзовый век
- 146 **АРКАИМ. РОЖДЕНИЕ МИФА**
156 Авторский взгляд
- 158 **ОНИ НЕ МОГЛИ НЕ УМИРАТЬ**
158 Реки, разделявшие миры
159 Смысл обряда погребения в древности
160 Погребения каменного века на Южном Урале
164 Погребения меднокаменного века
164 Погребальные обряды бронзового века
166 Версии погребального мифа
170 Федоровская катастрофа. Судьба изгоев
174 Погребальные обряды раннего железного века
174 Гробницы знатных кочевников
175 Могилы простых людей
177 Могилы средневековых кочевников:
новые народы приносят новые обычаи
178 Ислам проникает на Южный Урал
178 Мавзолеи на караванных дорогах
178 Башня Тамерлана

181	ИЗБРАННЫЕ ОЧЕРКИ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ
181	ОЧЕРК 1. ПОКОРИТЕЛИ ЮЖНОУРАЛЬСКИХ СТЕПЕЙ
181	Палеолитический период
188	От мезолита — к энеолиту
190	Южное Зауралье в бронзовом веке
194	Степи Южного Зауралья в раннем железном веке
196	Средневековый период
199	ОЧЕРК 2. ЮЖНОУРАЛЬСКОЕ МЕЖДУРЕЧЬЕ И ЕГО ДРЕВНИЕ ОБИТАТЕЛИ
199	В каменном веке...
205	Век бронзовый
206	Ранний железный век
212	ОЧЕРК 3. ДРЕВНИЕ ОБИТАТЕЛИ ЮЖНОУРАЛЬСКИХ ГОР
212	Каменный век. Палеолит
214	Каменный век. Мезолит-неолит
216	От бронзового века к Средневековью
218	ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ
222	Любование средой обитания
231	Спрямить кривую вместе
237	ХРОНОЛОГИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ
238	ИССЛЕДОВАТЕЛИ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ
263	ЧТО ПОЧИТАТЬ О ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ
264	БЛАГОДАРНОСТИ
265	СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Научно-популярное издание

Виноградов Николай Борисович

Горизонты далекого прошлого.
13 путешествий по Южному Зауралью

Редактор, корректор И. Н. Козырева

Верстка М. В. Максимов

Дизайн обложки Н. Н. Пашкова

Фотографии на обложке:
Н. Н. Пашкова, В. Г. Жирохов

Автор – доктор исторических наук **Николай Борисович Виноградов** – более полувека отдал служению археологии. Со студенческих лет ему посчастливилось быть участником археологических исследований выдающихся памятников древней истории: древнегреческого города Ольвия на берегу Днепровско-Бугского лимана; у подножия гор Копетдаг в Южной Туркмении – раннесредневекового замка Ак-депе у Артыка, усадьбы парфянских земледельцев Гарры-Кяриз. В Северном Казахстане это укрепленное поселение бронзового века Петровка II, могильники бронзового века Улубай, Бектениз, Графские Развалины. И, наконец, знаменитые сегодня на весь мир укрепленное поселение

Синташта I и Синташтинский могильник на крайнем юге Челябинской области.

Тысячи километров пройдены пешком и преодолены на автомобиле в ходе археологических разведок по подгорной полосе Копетдага в Туркмении, по рекам степного юга Челябинской области и просторам области Курганской.

Николай Борисович исследовал такие замечательные памятники бронзового века в нашем крае, как укрепленное поселение Устье I, поселение Кулевчи III, могильники Кривое Озеро и Кулевчи VI.

Он автор 8 научных монографий, более 130 научных статей. Принимал участие и в создании разнообразных учебных пособий, и учебников для общеобразовательной школы, таких, как «Страницы древней истории Южного Урала», «Челябинск. История моего города», «История Урала», «Краеведение».